

Никита Киров

КОМАНДОР
— ТОМ 1 —

Никита Киров

Командор

«Автор»

2026

Киров Н.

Командор / Н. Киров — «Автор», 2026

Я должен был умереть со своими бойцами в подвале разрушенного дома — с пулей в боку и без радиосвязи, ещё и под обстрелом летающей крепости. Но там я нашёл запретный артефакт с душой древнего Небожителя. Он предложил сделку: моё тело взамен на спасение отряда. Вот только сделка сорвалась. Я выжил, и теперь за нами охотятся враги, а пробудившаяся во мне мощь может как спасти империю, так и её уничтожить.

© Киров Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	64
Глава 11	70
Глава 12	76
Глава 13	83
Глава 14	90
Глава 15	96
Глава 16	104
Глава 17	111
Глава 18	117
Глав	122
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Никита Киров

Командор

Глава 1

Вот я и нашёл свою могилу, живым мне отсюда уже не выбраться. Но мои бойцы ещё могут спастись.

— Ждём здесь до ночи, — приказал я. — По темноте пробиваемся к своим. А пока — на позиции!

Оглядел всех и решительно добавил, собравшись с силами:

— Работаем.

— Есть! — отозвались десантники приободрёнными голосами и разошлись по местам.

Убрал руку под тонкий бронежилет, ощупал повязку и вытащил обратно. Гадина какая, вся ладонь в крови. Надо дотянуть хотя бы до вечера, ещё не всё закончено.

— Остались гранаты? — окликнул я одного из своих.

Гранаты пригодятся, когда за мной придут пустынные. В плен к ним попадать нельзя, так что парочку инфов с собой заберу. Прощальный подарок от имперского офицера.

— Для вас найдём, господин капитан!

Крепкий и плечистый боец десанта летающей крепости, одетый в серый пятнистый камуфляж, вложил мне в руки холодный ребристый корпус, а после перехватил ручной пулемёт.

— Патронов бы побольше, хоть до завтра бы продержался, — уверенно сказал он и постукал по металлической коробке с пулемётной лентой. — Сухари на холоде воевать не умеют.

Сейчас поздняя осень, на улице сплошные дожди и грязь. Не особо холодно для нас, северян, но привыкшим к жаре пустынным-сепаратистам, они же «сухари» или «инфы», было тяжело. Повезло хоть, что этот город, где мы увязли, находился не в самой пустыне.

— Опять кончились? — проворчал сосед пулемётчика, подавая ему только что набитую ленту. — Жрёшь ты их, что ли, эти патроны? Дай мне тоже гранату.

Со мной осталось всего семеро бойцов десанта летающей крепости. Молодые десантники-срочники и я с ними, тяжелораненый, держусь на одном только фамильном упрямстве.

Но эти-то хоть что-то умеют, ведь они дослуживали свой трёхлетний срок. А вот в батальоне многие ребята служили всего несколько месяцев. Весь их опыт — всего три недели боевого слаживания и три дня кровопролитных городских боёв.

Я ещё держусь на ногах, и бойцы мне верят, думают, что я и сегодня смогу вывести их. Ведь все три дня я вытаскивал их из любых передраг. Но моё время подходит к концу.

— Есть связь с нашими? — спросил я и с трудом уселся рядом с рацией.

— Никак нет, господин капитан, — ответил рыжий радист, посмотрел на меня и достал с пояса помятую фляжку, выкрашенную в серый камуфляжный цвет. — Воды?

Судя по звуку, осталось немного на дне. Последнее.

— Оставь себе, — проговорил я. — Что с подвалом? Проверили?

У пустынных тут повсюду тайные ходы и тропы, уже много раз было, когда они лезли из подвалов и канализации.

— Крыс пошёл проверять, — сказал радист и начал набивать патроны в магазины. — Ещё не возвращался.

— Этот Крыс все подвалы в округе обошёл! — светловолосый Пашка Шутник засмеялся. Он говорил быстро и немного картавил. — Все стены уже обстучал. Клад, наверное, ищет. Говорю же — жадюга.

— На позицию, Шутник, — приказал я.

Наш батальон высадился с летающей крепости три дня назад и сразу угодил в окружение, потеряв связь со штабом. Было тяжело, и я вызвался пойти на разведку с небольшой группой десантников, чтобы связаться со своими. Бойцов выбирал сам, это были самые умелые среди тех, кто вызвался.

Связь восстановить не вышло, трое погибло по пути, но мы смогли взять языка из штаба пустынников, допросить и прибить, пока никто не понял, что он выболтал нам секретные планы. Но теперь мы должны вернуться до завтрашнего утра, или нашему батальону конец.

И не только батальону — пустят кровь всей группировке имперской армии в городе.

Закончив проверять позиции, я подозвал двух самых надёжных бойцов: сержанта Рому Штыка и рядового Пашку Шутника.

— Перевяжи мне рану, Шутник, — приказал я спокойным голосом.

— Укол, может, поставить? — с сочувствием спросил Пашка и достал из сумочки жестяную коробочку со шприцами-тюбиками, в которых было сильное обезболивающее.

— Нет.

Мне надо оставаться в сознании до самого конца. Шутник тревожно посмотрел на меня. Я схватил пулю, когда помогал ему выбраться из-под завала. Считает, что я спас ему жизнь, и удивляется, почему я до сих пор жив.

Сам удивляюсь. С такими ранами не только не живут, с ними даже не ходят, а я пока трепыхаюсь. Но меня дело держит и мысль, чтобы всё это было не впустую.

— С праздником, парни, — сказал я, пока Шутник возился с бинтами.

— Точно! С Днём Основания империи, господин капитан! — отозвался Шутник, замерев на мгновение. — Я, честно говоря, даже забыл.

— Я тоже, — Штык кивнул.

— А теперь слушайте мой приказ, — я посмотрел на старые бинты, испачканные в крови. — Вечером, как стемнеет, уходите без меня. Крыс ведёт вас дальше к нам. Я останусь, пошумлю здесь. Сухари осторожные, сразу в бой не кинутся, время вам выиграю.

— Но господин капитан, — возмутился Штык. — Десант своих не бросает! Вы же сами говорили.

— Это приказ. Ваша задача — передать добытые данные в штаб. Сержант, ты командуешь, — я посмотрел на Штыка. — Шутник, ты ему помогаешь.

В глазах у них мелькнула неуверенность и страх. Раньше был капитан, который всё решал за них, а теперь надо выбирать самим. Но если не передадим данные о плане сепаратистов, погибнет весь батальон. И они это понимали.

— Но господин капитан, — не успокаивался Штык, — мы можем вам поставить укол, вы уснёте, мы вас ночью перетащим, чтобы боли не было и...

— Отставить. Если будет угроза захвата, — продолжал я, похлопав по кожаной сумке, что висела на боку, — все документы сжечь. Чтобы не поняли, что мы о них узнали. Но вам двоим приказываю всё перечитать и запомнить. Потом рассказать устно. Понятна задача?

— Так точно, — протянули оба.

Эти двое — самые серьёзные бойцы из отделения. Поэтому и дал расклад только им, чтобы не поднимать панику.

— Ложись! — раздался крик в стороне.

Послышался грохот и гул близких разрывов. Мы сразу залегли на пол, заваленный гильзами. В нос ударил запах гари, горелой ваты и тухлого яйца. Последнее из-за особенной начинки снарядов из порошкового игниума, особого минерала, который очень хорошо горит и взрывается.

Но дом, где мы спрятались, не накрыло. Я с трудом поднялся и прислонился к пробитой стене, на которой ещё остались ошметки обгорелых жёлтых обоев. Нет, помирать рано, до вечера надо дотянуть.

— Где Крыс? — спросил я.

— Ещё не возвращался, — парни переглянулись.

И где он опять? Он нужен, чтобы вывести остальных. Звали его Алексей, но все называли бойца Крысом, в основном из-за торчащих зубов и склонности тащить всё, что попадалось под руку.

Он прибил к нам из второго батальона, его отделение снесло при высадке, он остался один. Стрелял Крыс хорошо, ещё и тащил на себе раненого Филина, пока тот не умер. И город знал, выводил нас какими-то тропками, держась в стороне от основных сил пустынных-ков-инфов. Правда, мутный он был какой-то.

С ним я тоже хотел поговорить, дать ему отдельное поручение. Поэтому я поковылял в подвал сам, держа в руке тяжёлый воронёный ПР-18. Мало ли, вдруг проникнут снизу.

— Крыс! — крикнул я у прохода, ведущего вниз. — Ты там?

— Да, господин капитан Климов, — раздался его гнусавый голос снизу. — Скоро буду.

— Я в подвал, — предупредил я остальных, чтобы не было неожиданностей.

Но там всё было спокойно. Я спустился, держась за стену, и увидел, как круглолицый боец с торчащими вперёд зубами держал в руке малую пехотную лопату. Свет проникал вниз только через маленькое окошко под потолком.

— Что ты здесь делаешь?

— Да заметил тут одну штуку в стене, — сказал Крыс, повернувшись ко мне. — Может, здесь тайник? У сухарей же по всему городу тайники.

— Проверь.

По стене прошла трещина после одного из недавних обстрелов, и оттуда сыпалась земля. Крыс вставил лопату в щель между камнями и с силой надавил. Полотно было достаточно толстым, не погнулось, черенок начал трещать, но камни поддались и посыпались вниз вместе с землёй.

А он будто знал, где искать, ведь щель была почти незаметна. И Шутник был прав, всё это время он постоянно отлучался, чтобы что-то проверить. И город знал подозрительно хорошо.

Крыс ударил ещё раз, и камни легко посыпались вниз. Там что-то было, но я не успел разглядеть.

Сверху раздалось взрывы. Бойцы начали палить из автоматов, к ним присоединился злой рокот ручного пулемёта. Хлопнула граната, и с потолка сыпалась пыль.

— На позицию, боец, — твёрдо проговорил я, собрав все силы.

— А? Уже иду, господин капитан, — Крыс оглянулся. — Но смотрите, здесь и правда тайник есть!

— На позицию!

Он убежал, перехватив автомат. А из стены выпали ещё камни. Среди них лежала ржавая металлическая коробочка с замком. Я её подобрал и поднялся...

Эту атаку отбили быстро, пара пустынников осталась лежать в пыли, Штык догнал третьего до того, как тот убежал, и прибил.

Готовы держаться дальше, но мысль о находке не давала мне покоя. Это было слишком подозрительно. Быстро же Крыс нашёл тайник. И это он привёл нас в этот дом.

Я сел у стены и достал эту коробочку из кармана. Совсем ржавая, открыть будет легко.

— Сержант-то у нас самый продуманный, — Пашка Шутник размахивал белой карточкой, — жениться не успел, а ребёнка заделал. Родился уже. Фотку-то все видели? А ничё такая невеста-то. Я бы за ней...

— Боец! — рывкнул возмущённый Штык, забирая снимок. — Оставить! На крепость вернёмся, все галюны там драить будешь!

Пашка куда-то убежал, вскоре с кем-то пересмеивался с другой стороны. Штык пошёл проверять пулемётчика, а ко мне подошёл Крыс. Я его ждал.

— Вы знаете, что это, господин капитан? — спросил он, испытующе глядя на меня. — Это нам пригодится. Для победы.

Понял, что мне кажется странным больше всего.

В его голосе больше не было привычной придурковатости и гнусавости. Сейчас в нём слышалась стальная уверенность взрослого человека, а не испуганного деревенского мальчишки, попавшего в первый бой.

Это мне не понравилось.

— На чьей ты стороне? — я достал пистолет и снял с предохранителя.

— На стороне империи, конечно! — торопливо произнёс он, замирая на месте. — Посмотрите, господин капитан. Я обещаю, что это поможет! Поможет спасти пацанов!

— Докажи.

— Посмотрите внутри, — Крыс кивнул на коробочку.

Она порядком проржавела. Сверху была выгравирована надпись, но её сложно разобрать за слоем грязи. Замочек уже сгнил.

— Значит, ты искал именно эту штуку, — оружие я опустил, но держал наготове. — Поэтому каждый подвал проверял? Не ври, что нашёл случайно.

— Я... я исполняю приказ, господин капитан, — произнёс он после недолгой заминки. — Нужно было найти эту свечу. И отдать вам.

— Мне? — удивился я. — И кто приказал?

— Не могу сказать, это секретно. Я... не могу нарушить приказ, но я на вашей стороне. Это — для вас.

Он взял коробочку двумя руками, и она легко открылась.

В коробке лежал небольшой продолговатый цилиндр. Чёрный и гладкий с виду камень. Но он горел, как обычная свеча, только свет был другой — серо-синий.

— Свеча Предка, — торопливо сказал Крыс, косясь на пистолет, — их мало осталось. Говорят, в такие попадают души людей после смерти, и они загораются...

— Я знаю о них. Почему её спрятали?

— Потому что боялись того, кто живёт внутри...

Огонь свечи манил. Я не удержался и взял её. Странное ощущение: она будто была сделана из стекла, настолько гладкая, при этом тёплая и сухая. И этот камень горел, хотя сам серо-синий огонёк не обжигал и не мог ничего поджечь.

— Музыкант вернулся! — донёсся радостный крик.

Это наш. Смуглый парнишка с торчащими ушами сразу прибежал ко мне.

— Господин капитан, — он запыхался и не сразу смог заговорить, — там сухарей взвода два к нам идёт. Может, даже больше, я не всех видел.

— Уверен, что к нам? — я отложил свечу.

— Так точно. Они на той стороне реки, но наводят переправу. Будут через час. Или даже быстрее.

— Собираемся и уходим, — приказал я. — Сержант, поднимай людей.

И я сунул свою сумку ему в руки. Он посмотрел на меня, будто не хотел принимать. Но приказ выполнит.

Уходить им придётся раньше, ещё пока светло. А я останусь и задержу преследователей как можно дольше. Пусть думают, что здесь взвод.

Всё равно далеко уйти уже не смогу, мне становилось хуже.

Но всё равно был готов воевать дальше. До войны все на меня косились, ведь я родился в другой стране и здесь жил совсем недолго. Но отсюда родом мои предки. Прадед был изгнанником, а мне дали шанс смыть позор с семьи. Может, сегодня я это сделал, и кто-нибудь потом напишет на надгробном камне: «Дмитрий Климов, капитан десанта летающей крепости. Верный сын империи Юнитум»...

Крыс сказал, что видел транспорт неподалёку, «сухарь-мобиль», как называли такие грузовики, я отправил его проверить. Остальным приказал идти, и, когда они уходили, очень внимательно смотрели на меня. Хоть бы у них всё получилось.

Я сел у окна, положив гранаты рядом, и перехватил автомат. Ещё бы немного продержаться.

Честно — не хотел оставаться умирать здесь. Но так надо. Выдохнул, собираясь с силами. Парочку с собой заберу.

— Ты скоро умрёшь, — сказал кто-то рядом со мной.

Я начал озираться. Никого, все бойцы уже ушли. Без раненого у них больше шансов.

— Кто это говорит? — прохрипел я.

Но голос был рядом. Я посмотрел сначала на свечу, которая стояла рядом, и на коробку, в которой эта свеча хранилась долгие годы. Только сейчас я начал различать надпись на крышке. Стёр грязь и прочитал:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

При нахождении немедленно передать в ближайший отдел Имперской Службы Безопасности.

НЕ ОТКРЫВАТЬ НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ!».

— Ты скоро умрёшь, а твои люди погибнут, — продолжал чей-то низкий сильный голос. — Тех, кто попадёт в плен, запытают до смерти.

Это тот, кто живёт в свече, говорит со мной. Или у меня уже галлюцинации.

— Но ещё не всё потеряно, — сказал голос. — Тебе нужно лишь произнести молитву. И я всё исправлю.

— Говори прямо, без загадок, — потребовал я. — Напрямую.

Я слышал легенды, что некоторые люди могли говорить с духами, живущими внутри. Но не думал, что сам так смогу. Я видел такие свечи. На севере и на западе империи до сих пор молились редким свечам, что остались. И верили, что такой дух может спасти потомков.

Но раньше они со мной не говорили. Быть может, это мой шанс выполнить задачу?

— Я могу вытащить твоих людей и провести их к своим, — пообещал дух.

— И как ты это сделаешь? — спросил я и всмотрелся в серо-синий свет. — Мне не нужны пустые обещания. Говори по делу.

Я не произносил слова вслух, но дух понимал меня, а я слышал его. Это точно не случайность. Крыс искал именно эту свечу, и кто-то направил меня сюда, чтобы вручить её мне.

Но какая теперь разница? Теперь надо понять, могу ли я это использовать. И уставший разум будто просыпался, цепляясь за эту заминку.

А снаружи раздалась выстрелы. Наших заметили. Надо идти выручать, но встать уже не могу, не осталось сил.

— Я возьму твоё тело, догоню твоих людей и выведу их из окружения, — его голос был твёрд и спокоен. — И передам то, что ты хочешь передать своему командованию. На этом сделка закончится, и я верну себе то, что принадлежит мне по праву — мою империю.

— Большие у тебя планы, дух.

— Они возвращаются, — сказал он.

Да, я слышал. Бойцы снова занимали позиции в доме. Не успели уйти, ведь враги пришли куда быстрее, чем их ждали. Теперь только отбиваться. Бой начинался, но стрельба доносилась, как через толстую подушку.

— Мы заключим договор, — продолжал дух, — твоё тело подходит, поэтому ты сможешь прочитать молитву о долге. И тогда я буду вынужден исполнить твой долг, иначе исчезну. Ты же знаешь эти истории. Все вы их знаете. Таким был ваш император.

Припоминал древние сказки о временах, когда люди молились духам предков, и те им помогали. А ещё предки могли получить тело потомка в обмен на спасение рода... или для мести. Они были очень сильны.

Мне-то всё равно, я уже не чувствовал ничего, кроме холода. Но если ничего не сделать, там сейчас всех перебьют.

Если уж суждено умирать, то надо забрать пару врагов и нарушить их планы.

— Почему именно я? — задал я вопрос.

— В тебе есть капля моей крови. Ты мой потомок, пусть и далёкий. Поэтому ты и жив, хотя любой другой умер бы от такой раны. И только ты меня слышишь.

Раздался взрыв. Это граната из подствольника. Затем донеслись крики и пальба. Я достал пистолет, но пальцы не чувствовали даже рифлёную рукоять. Время заканчивается, а враги всё ближе. Я уже слышал приказы командира сухарей. Он гнал своих в бой.

— Как быстро ты сможешь это сделать? — спросил я.

— Прямо сейчас.

— Тогда вытащи их, — потребовал я, собирая все силы. — Вытащи мой отряд отсюда и доведи до наших. Но предупреждаю: если нарушишь слово, я достану тебя даже после смерти.

— Не смогу нарушить клятву, даже если бы хотел.

Всё это — часть чего-то большего, но в эту историю я попал слишком поздно. Времени осталось совсем мало, а туман перед глазами стал совсем густым. Сейчас или никогда.

— Что нужно сделать? — спросил я.

— Произнеси молитву о долге и наказании врага.

Он подсказал мне нужные слова, и я их произнёс:

— Дух Великого предка. Я отдаю тебе тело, я завещаю тебе душу. Заверши мой долг за меня. Спаси моих людей. Отомсти моим врагам. Пусть они узнают, что возмездие приходит с севера.

— Клянусь выполнить чужой долг, — сказал дух.

И его голос был полон злой радости. Он вернулся, чтобы после клятвы поквитаться уже со своими врагами. Его древний план удался... Но батальон должен выжить.

Свеча выпала из ослабевших пальцев. Я опустился на покрытый выгоревшим ковром пол, густо заваленный стреляными гильзами.

— Капитан! — закричал кто-то совсем рядом, но я его не видел. — Их там полно! Предки... капитана убили! Сержант!

Но я ещё не умер. И тело почему-то не отдал.

Что-то пошло не так.

— Кто ты?! — спросил дух.

Его интонации изменились, и голос звучал совсем иначе. А сама свеча лежала рядом со мной, она больше не горела. Но это же невозможно, такие свечи невозможно потушить, они горят даже в воде.

— Что они с тобой сделали? — в голосе духа слышался сильный страх. — Что они с тобой сотворили? Что они... Так это ты! Нет...

А дальше перед глазами появилась яркая вспышка, и я перестал видеть на какое-то время. Но я понял, что дух был испуган. Быть может, впервые за всё время, что он существовал...

* * *

Не знаю, сколько времени прошло. Левую руку сильно тянуло, она онемела. Дышать всё ещё было тяжело, но каждый вдох давался без резкой боли.

Что с отрядом? Вокруг тихо, бой уже закончился. Я лежал в подвале, где были ещё люди. У них не серая форма, как у нас, а песчаная, пусть и имперского образца. На головах были большие платки, которые скрывали лица.

Пустынники. Они победили. Дух не сдержал клятву?

Надо мной стоял бородатый мужик с хищно загнутым носом. В руке он держал мой пистолет, на поясе у него висел кривой нож, а грудь поверх чёрного бронежилета перекрещивали две пулемётные ленты.

А позади него другой пустынник с лицом, замотанным в платок, ставил на треногу большой прибор. Они хотят снять нас на камеру.

Вперёд вышел другой человек, толстый мужчина в гражданской куртке, с красным лицом и большой лысиной. На военного он не походил. Этот мужик встал перед камерой, но так, чтобы было видно меня.

— В данный момент силы самообороны Инфиналии захватили в плен несколько бойцов имперской армии, включая офицера, — проговорил он.

Камера наклонилась, чтобы показать меня получше.

— Всем раненым оказывается помощь, а с пленными обращаются по всем правилам. Пока имперская армия совершает военные преступления, зверски уничтожая мирное население, бойцы самообороны Инфиналии поступают с оккупантами согласно законам и совести. Вы хотите что-то сказать противнику?

Мужик повернулся к командиру пустынников.

— Да! — бородач посмотрел в камеру. — Вами правит самозванец. Вы воюете не на той стороне, а мы сражаемся за правду. Сдавайтесь, и мы гарантируем вам хорошее обращение. Мы вернём вас домой.

Камеру выключили и начали убирать, а командир улыбнулся, показав золотой зуб. Улыбка казалась слишком хищной.

— Всё, проваливай, — грубо сказал он мужику в гражданском.

— Я хотел снять тех, кто наверху и...

— Проваливай! — пустынник посмотрел на наручные часы. — Скоро крепость начнёт стрелять. А если она попадёт сюда, от тебя останутся только ошмётки и говно.

Мужик в гражданской одежде нервно сглотнул и торопливо ушёл с помощником, забрав камеру.

Командир посмотрел на меня, потом в сторону. Я увидел Штыка, которого только что притащили сюда. Сержант ещё жив, хотя правая штанина пропиталась кровью. Ранили и взяли в плен. Он был в сознании, его вытянутое лицо побледнело, парня била дрожь. Других бойцов не было.

— Ну что, северные псыны, — сказал командир пустынников, — пора теперь заняться вами.

Он вытащил из ножен на поясе кинжал, очень большой, с изогнутым клинком, как у сабли, но заточенный с двух сторон. Лучик света из маленького окошка под потолком отразился на острой стали.

— Будешь говорить? — спросил он у Штыка и с силой пнул в раненую ногу. Тот застонал. — У тебя всего один шанс. Где ваши основные силы? Что вы делали в этом районе?

— Ничего не скажу.

— Видел твой снимок, — вкрадчиво сказал сухарь. — Можешь вернуться к своей молодой жене уже скоро. Просто скажи... всего-то надо сказать, и я тебя не трону и пальцем. Даю тебе слово.

Но едва я подумал, что Штык купится, как он скривился, сжал кулаки и крикнул:

— Да пошёл ты, крыса пустынная! Нихрена я тебе не скажу!

Пустынник склонился над ним... и воткнул кинжал ему в живот. Штык отчаянно заорал.

— Ах ты гадина, — прохрипел я и начал подниматься.

Меня держали двое, с трудом, будто я не был ранен.

Штык издал ещё один вопль. Я не видел, что делает командир пустынников, мне были видны только ноги парня, которые дёргались. Сволочи, да я вас...

Мои кулаки сжимались, а тело, которому давно была пора умереть, сопротивлялось. Они едва меня держали.

Крик резко оборвался, а Штык захрипел и замер. Убили, твари!

А в голове билась какая-то мысль. Странное чувство, будто что-то изменилось.

Тот дух, он исчез или... не до конца?

— Держи его лучше, — командир пустынников повернулся ко мне с окровавленным кинжалом в руках. — Кому говорят, держи. Сейчас я его...

Я напряг все силы и вырвался. Но вместо того, чтобы дёрнуть кольцо гранаты на поясе одного из пустынников, я вытянул вперёд правую руку.

И это сработало.

— Отпусти! — бородач замер на месте, хватаясь за своё горло.

Я сжал кулак. И сразу возникло такое ощущение, будто я что-то схватил и сжимал.

— Пусти! — прохрипел пустынный, а его лицо побагровело, будто его душили.

Поздно. Я несколько раз взмахнул рукой...

А командира пустынников с силой подбросило вверх и ударило о потолок, затем в пол, потом снова в потолок и швырнуло изломанное тело в стену. Только кости хрустели, когда он ударялся.

Что? Это я сделал?!

Другие замерли. Командир пустынников завопил от боли, глядя на покалеченные конечности, один рядовой пустынный начал отползать от меня, тяжело дыша, а другой сел на задницу и уставился на командира, вытаращив глаза.

Тот, что отползал, показал на меня пальцем.

— Небожитель! — завопил он во весь голос. — В подвале Небожитель! Убейте его!

Я поднял обе руки, и голова вопящего резко и с хрустом повернулась. Он наверняка успел увидеть собственную спину перед смертью.

Но остальные слышали крик, и сюда бежали ещё враги. А я готовился их встречать.

Значит, убиваете моих бойцов? Вот за это вы оплатите, гады.

Глава 2

«Мы там, где враг не ждёт».

— Девиз императорского разведкорпуса.

— Что там у вас? — раздался крик сверху. — Чего ты там орёшь?

Я взмахнул рукой, а лежащий на полу кинжал дрогнул, будто рядом был магнит, а затем резко полетел вперёд, чтобы с отчётливым шлепком вонзиться прямо в глотку второго пустычника. Тот захрипел, так и не успев достать оружие из кобуры. А на командира я посмотрел и швырнул в стену, только подумав об этом.

Он врезался в неё и сполз вниз, оставляя кровавый отпечаток. Больше сухарь не издал ни звука.

Ещё не знаю, как действует эта сила, но всё получалось само. Даже рана почти перестала беспокоить.

Но ещё рано праздновать. Я лёг у стены, в которой был проход наверх. Занял позицию слева от врага, ведь человек сначала замечает то, что справа. Притворился мёртвым, и это получилось легко, ведь форма была залита моей собственной кровью.

Мы сможем выбраться, если остались ещё наши. Раз я жив, мне и завершать задачу.

Протянул левую руку, и автомат одного из пустынников — АБР-49 (такой же, как в десанте, только с деревянным прикладом, а не складным металлическим) потянулся ко мне, будто притянутый магнитом.

Оружие привычно легло в мои руки, и я опустил переключатель огня вниз на стрельбу очередями.

В подвал вбежали трое противников с автоматами наготове и начали водить стволами по сторонам. Меня приняли за труп вместе с остальными.

— Саади! — крикнул один, глядя на командира. — Что здесь случилось? Кто это сделал?

— Он мёртв, — сказал второй.

А я начал палить.

Автомат оглушительно загрохотал в тесном помещении. Ствол подбрасывало вверх от отдачи, приклад сильно бил в плечо. Но я не просто держал его руками, я будто удерживал его этой силой, чтобы отдача не мешала попадать.

Очередь срезала одного пустычника, пробив его бронежилет в упор. Второго, без бронежилета, прошило насквозь, во все стороны полетели клочки его куртки. Запахло палёной ватой и горелым порохом.

Третьего только ранило, он выронил оружие... и его с силой отбросило в стену, туда, где был тайник. Мне стоило только поднять руку и толкнуть, даже не прикасаясь к нему. Как и до этого.

Он врезался так сильно, что из стены выпала ещё пара камней, а на ней самой остался кровавый след.

На мгновение стало тихо, но я знал, что будет дальше. В ушах хоть и звенело после пальбы, я всё равно слышал глухой стук. Что-то ударилось о пол у нижней ступеньки лестницы и покатилося среди свежих гильз. Граната.

Но я не бросился на пол, а вытянул к ней руку и вскоре почувствовал её в своей ладони, даже не прикасаясь к ней. Она прыгнула назад, как я и хотел.

Бах! Дом тряхнуло, сверху посыпалась пыль и пошёл дым. Раздались крики.

Ну а я перезарядил автомат, взяв магазин из подсумка на теле мёртвого пустычника, и отправился наверх, пока они не опомнились. Раз уж жив, надо вытаскивать своих и выбираться

отсюда подальше. Будто меня и не ранило, хотя я чувствовал, что горячая кровь бежит по телу. Просто боли почти не было.

Забежал по ступенькам, перепрыгнул через чьи-то окровавленные ошмётки, засыпанные белой пылью, и застрелил пустынного, который стоял на коленях. У него бежала из ушей кровь, но оружие из рук он не выпустил и был готов стрелять. Получив пулю, он молча грохнулся на пол и больше не дёргался.

Тела валялись повсюду, но это были сухари. Один выживший спрятался за стеной, я увидел его плечо и выстрелил. Он отшатнулся с криком, и я швырнул его в стену мысленным толчком и движением руки.

Тело ударилось в ещё чудом висящий кухонный шкаф, и тот, наконец, оторвался. Во все стороны разлетелась битая посуда. А человек упал на пол и больше не шевелился.

— Да стреляйте уже по ним! — кричали снаружи.

Оттуда сразу открыли огонь. Я лёг, ожидая, когда в комнату влетят новые гранаты. На полу, на грязном красном ковре, засыпанном пылью, блестело битое стекло из окон и валялись стреляные гильзы. Их так много, будто кто-то рассыпал здесь несколько мешков.

Меня попытались окружить, кто-то пролезал через пробитую снарядом стену. Я его снял. Но затем стрельба вдруг стихла. И я услышал протяжный свист издалека. Он становился громче.

— Всем отойти! — закричал кто-то снаружи срывающимся голосом. — Всем...

Ба-бах!

Внутри меня будто что-то перевернулось и сжалось, едва не разорвавшись. Слух пропал на несколько мгновений.

Землю тряхнуло, стены дома затряслись, по одной прошла трещина. Штукатурка осыпалась, за ней показались кирпичи. Кусок потолка отвалился и грохнулся рядом со мной. Трещина на стене шла дальше, добралась до оконного проёма. Пустая деревянная рама лопнула в щепки.

Это ударила артиллерия. Наша собственная летающая крепость стреляла по этому району откуда-то издалека. Они же не знают, что мы здесь.

Следующий взрыв был дальше, но всё равно было громко.

Надо уходить, пока следующий снаряд не угодит в здание или пока пустынные не очухались. Сейчас они залягут в своих норах, надо успевать.

Я прошёл глубже в дом. Больше всего врагов лежало в коридорчике у кухни, там же я нашёл нашего бойца, вернее, его останки. Увидел на плече нашивку за двадцать прыжков с крепости. Лёха Кузнечик взорвал гранату, когда пустынные подошли слишком близко, и нескольких забрал с собой.

Хороший был парень, отзывчивый. За него мы отомстим.

— Ах ты сука! — кричал кто-то впереди.

Дальше увидел наших, и от сердца, которое будто сжимала в кулак чья-то ледяная рука, чуть отлегло.

Есть живые!

Пулемётчик Краб и рыжий радист Гвоздь были связаны и лежали у стены. Краб ранен серьёзно, Гвоздь легко. А Пашка Шутник навалился на пустынного, которого сбил с ног в тот момент, когда я зашёл.

— На, сука! Сука...

Руки Пашки были связаны, но он бил врага собственной головой в лицо, сильно запрокидывал её назад и остервенело колотил пустынного. Вкладывал в удары всю свою злость, а когда запрокидывал голову, аж хрустела шея.

Я подошёл ближе и спихнул его.

— Отставить, Шутник! — приказал я.

Услышав мой голос, Пашка замер, а я выстрелил в пустынника с разбитой рожей, пока тот не очухался.

— Ну ты зверь, Пашка, — прошептал Гвоздь, глядя на товарища. — Он только отвлёкся, а ты...

— Рожа мне его не понравилась. Вот и поправил.

Шутник нервно засмеялся, упав на пол. Но не потому, что смешно, а потому что у него сильное нервное напряжение. Так бывает.

И стало тихо, насколько могло быть в районе, который обстреливала крепость своими мощными орудиями.

Пустынники вполне могли отойти в другой дом, когда крепость начала стрелять именно сюда, у них же везде прорыты подземные ходы. Переждут обстрел и снова пойдут в очередную атаку.

Но взрывов пока не было. Огромная крепость, висящая в небе у города, сейчас либо разворачивается, чтобы продолжить огонь из другой батареи, либо меняет позицию. В ближайшие пять минут станет понятнее. Но нам в любом случае надо валить.

Трое наших здесь, и в одной комнате я нашёл Музыканта, он тоже жив, но ранен.

Итого осталось четверо живых бойцов. Штыка убил командир пустынников, Кузнечик подорвал гранату, чтобы не попасть в плен, Крыса нигде не было.

Я подобрал с пола боевой нож сухарей с наборной кожаной рукояткой и латунной гардой. Разрезал верёвки у Шутника на руках, острое, как бритва, лезвие при этом чуть зазвенело, после перешёл к остальным.

— Так вы живы, господин капитан? — спросил Гвоздь, наш радист, будто не верил. Из левого уха бежала кровь. — А я думал, что всё. Конец нам. А вы как пришли...

— Что произошло, пока я был в отключке?

Посмотрев на Краба, который слабо реагировал на происходящее, я кивнул на него, и Шутник тут же бросился ему помогать, даже не вытерев кровь с лица.

— Мы только ушли, а сухари как напали, — торопливо говорил он, отчаянно картавя. — Толпой целой, взвода два, не меньше. Живьём пытались брать. Со всех сторон как рванули, как дымовых накидали! Мы к дому отступили, Лёха там на гранате подорвался, когда его взяли, а нас...

Понятно, почему хотели взять живьём как можно больше наших. Пустынники, хотя солдаты часто называли их между собой «сухари» или «инфы» (от названия южного региона империи — Инфиналия) хотели узнать, не выяснили ли мы что-нибудь о планах на завтра. Они разработали серьёзную и сложную операцию, а тут вдруг погиб штабист, и они переполошились. Хотели проверить, не причастны ли мы к этому.

А что до потерь, так пустынники всегда пускали вперёд не обученных солдат, а собранное в городе ополчение. Вот и смогли закидать наших мясом и взять живыми.

Но плевать. Отряд цел, миссия продолжается. Разве что рация, которую тащил Гвоздь, была уничтожена, в неё попало не меньше трёх пуль. Это усложняет дело.

— Господин капитан, а где Штык?

— Погиб, но я с ними за это разобрался.

Они помрачнели, Штыка уважали все. На лицах появилась злость за ещё одного павшего товарища.

— А ваша рана? — Шутник подошёл ко мне.

— Потом, — прохрипел я. — Надо прорываться. Уходим прямо сейчас, с боем, если надо.

— Есть!

— Работаем.

Некогда думать о случившемся. Рана хоть и заболела снова, но терпеть боль можно и без укола. Да и кровь больше не бежала.

Да и эта странная тяжесть в голове, будто кто-то вставил туда металлический шар, мешала не сильно.

Это должно быть связано с тем, что хотел сделать дух в свече, но не смог. Но что с ним случилось? Дух должен был получить тело, но чего-то испугался, а я... а я теперь могу делать то же самое, что и он.

* * *

Гвоздь и Музыкант терпели боль, пока несли Краба, отключившегося после укола, Шутник шёл впереди с ручным пулемётом Краба, я следом, оглядывая дома. Будто никого нет, но сухари должны быть там.

Вот только почему-то они не стреляют. Причину этого я узнал через несколько минут...

— Господин капитан, — Шутник показал на руины здания. — Смотрите, там метка! Крыс такие оставлял. Живой всё-таки, засранец зубастый!

На полуразвалившейся стене булочной мелом был нарисован круг с крестом внутри. Крыс оставлял такие метки, когда шёл вперёд.

Крыса мы там не нашли, но во двореке увидели грузовик. Машина гражданская, старой модели, переделанная под военные нужды.

Двери прикрыли бронежилетами, к бортам открытого изначально кузова приделали доски и обтянули сверху брезентом. И поставили колёса от военной модели, они более живучие. Наверняка спёрли со складов имперской армии.

— «Сухарь-мобиль», — Шутник засмеялся.

Таких грузовиков у пустынников было полно, и они часто ими пользовались для перевозки войск или грузов. Никого такой транспорт не удивит, особенно если знать пароли местных и их условные знаки.

Вот только мы не знаем.

Гвоздь заглянул в кузов и поманил меня. Я подошёл ближе. Кузов заставлен ящиками и бочками, но у кабины было свободное место. Там лежал один человек. Невысокий круглолицый мужчина в светло-зелёной форме императорского разведкорпуса открыл глаза и потянулся за оружием. Обе ноги перевязаны.

Это житель Бинхая, что лежит на востоке империи, это понятно по характерному лицу и разрезу глаз. Он уставился на нас с недоумением.

Рядом с ним лежал массивный шлем с радиогарнитурой, а в угол свалены тяжёлые бронежилеты и элементы противоосколочного защитного комплекта, закрывающего руки и ноги.

Он из наших. Только наши элитные разведчики носят такое.

— Десант? — удивился бинхаец, разглядев нашу форму.

— Капитан Климов, — представился я, как положено. — Первый батальон десанта летающей крепости «Императрица».

— Майор Чан, императорский разведкорпус.

— Вы здесь один?

И не знаю, как я это услышал. Должно быть, из-за новых сил, потому что бойцы даже не поняли, что к нам подходят со спины.

Я обернулся и увидел двоих мужчин, которые входили во двор почти бесшумно. Они в таком же камуфляже, что и пустынники, но это не пустынники. Смуглый среди них был только один: худой бородач с носом, вооружённый укороченным СВР-52 — автоматом для спецопераций с оптическим прицелом и глушителем.

У второго, высокого небритого здоровяка, у которого щетина серебрилась от седины, был старый, но надёжный ручной пулемёт РП-36. Чуть помятая коробка для пулемётной ленты была не жёлтого цвета, как у пустынников, а светло-зелёная.

Должно быть, это тоже элитные разведчики из имперского спецназа. Оба внимательно смотрели на нас.

— Стой! — вскричал Шутник, только сейчас их заметив.

— Отставить, — спокойно сказал я.

— Мы-то вас давно заметили, — небритый разведчик засмеялся и поднял пулемёт на плечо. — Ничего вы этих сухарей накрошили. Где и хоронить-то такую кучу теперь?

— Мы немного прошли им по тылам, — добавил второй, очень смуглый. — Чтобы не напали на вас со спины.

Вот почему по нам не стреляли.

— Благодарю за помощь.

Здоровяк стиснул мою руку своими пальцами, крепкими, как тиски, но пережать не смог. Левая рука у него перебинтована, через повязку просочилось красное пятно. У второго, бородатого, хватка такая же сильная.

— Капитан Ермолин, императорский разведкорпус, — произнёс здоровяк. — А это — капитан Джамал, мой товарищ, который сейчас будет нудеть, что мы тратим время впустую.

— Тише, — с сильным выговором сказал смуглый, жуя спичку. — Эта летающая штуковина за городом сейчас развернётся к нам другим боком и продолжит хреначить из своих батарей.

Выговор у него своеобразный, он чётко и тщательно проговаривал все звуки, даже глухие, не проглатывая окончания.

— Во-во, — Ермолин закивал. — Вам надо валить, парни.

Значит, разведчики. Императорский разведкорпус — это спецвойска имперской армии, разведчики и диверсанты, действующие в тылу врага небольшими группами.

Наш десант по традиции в основном состоит из северян, а в разведкорпусе были выходцы со всей империи.

— Мы возвращались на базу, такси нашли, — Ермолин усмехнулся и показал на грузовик, — а тут прибежал к нам один ваш солдатик. Вычислил нас как-то, увидел, сразу понял, кто такие. Хитрый такой, на крысёнка ещё похож, зубки торчат, — он оскалил свои жёлтые зубы.

— Крыс это, — произнёс Шутник, занимаясь раной Музыканта.

— Говорит, что его командир в окружении, сухари, гады, обложили. Помогите, говорит, ведь там какие-то важные сведения есть из штаба пустынных змеев. Очень важные. А мы же разведка, это наш профиль. Пошли к вам, а вы уже ушли, даже чаю не попили.

— И где он? — поинтересовался я.

— Я думал, уже здесь, к вам вернулся, — Ермолин огляделся. — Он так-то тоже постреливал, и неплохо. А куда делся?

— Время, — напомнил Джамал. — Давайте сведения, мы их увезём и доставим в штаб. Мы захватили транспорт местных, сможем проехать быстро.

— Возьмите нас с собой, — сказал я.

— Извиняй, командир, — Ермолин развёл руками. — Мы отходим. Но если сведения важные — передадим обязательно.

— Нужно как можно быстрее связаться со штабом на крепости, а наш батальон ближе всего, — твёрдо произнёс я. — Но без нас вас могут расстрелять на подходе, вы же не знаете наши пароли.

— Мы к своим поедem, дольше, но надёжнее, — они переглянулись, и Ермолин продолжил: — Нет, командир. Понимаю, что ребят хочешь вытащить, но не можем.

— Уходите отсюда, пока они снова не полезли, — сказал Чан из машины.

Они не подчиняются десанту, да и Чан старше меня по званию и тоже офицер имперской армии. Но мы на одной стороне, и у меня было то, что поможет их убедить.

— Почему крепость стреляет по этому району, как думаете? — спросил я.

— Потому что связи нет, само собой.

— Потому что штаб поменял коды, пароли и позывные, — сказал я. — Ещё вчера. И мы не можем с ними связаться.

— Ха, как обычно, — Ермолин хмыкнул, а его товарищ начал нервничать. — А ни вам, ни нам этого не сказали.

— Не только поэтому. В штабе вражеский шпион, и он сделал всё, чтобы мы эти коды не получили. Зато они есть у пустынников, самые свежие. И те передают в наш штаб свои отчёты, как им выгодно. А штаб им верит, ведь коды действующие.

Ермолин замер, а Джамал выронил спичку изо рта.

— Вот же срань, — проговорил Ермолин. — Бардак, сука, и не проверили.

— Там целую операцию провели. И в штабе думают, что мы побеждаем, — продолжал я, — а пустынники закрывают ловушку для всей группировки в центре. И завтра нанесут удар, когда начнут подрывать мосты в одно время. А сейчас наводят крепость на этот район, да только сами под неё попали. У них тоже бардак.

— Надо срочно ехать, — проговорил Джамал. — Прямо сейчас. Есть доказательства?

— Есть. Поехали, — я кивнул на машину. — Ближайшая радиостанция в нашем батальоне. Сейчас каждый час на счету. И давайте уже не спорить, с нами больше шансов пробиться.

— Вот же вы упрямые, десантники, — Ермолин шумно выдохнул и посмотрел на майора. — Ну чё, подбросим командира с пацанами? Только штабелями придётся всех укладывать, а то не влезем.

— Поехали, только быстрее! — Чан закивал и поморщился от боли.

Мы расположили раненых в кузов вплотную, как дрова, сверху набросали на них тряпки. Сами сидели, прижимаясь друг к другу, в упор, даже вздохнуть было сложно.

Но зато есть шанс вырваться.

— Терпи, Краб, — уговаривал Шутник товарища. — Будешь потом рассказывать, что в десанте тебя так ценили, что аж на руках носили. Ах, мать её! — он стукнулся головой о доску и потёр её.

— Голову береги, — посоветовал Ермолин. — Сотрясение будет.

— А у меня там кость, господин капитан, — отшутился Пашка. — Сплошная кость, ребята видели.

— Ты рядовой ещё! — по-свойски произнёс разведчик. — Это у офицеров — кость, а ты вот сотрясение заработать можешь.

— Понял, господин капитан.

— А теперь сидеть тихо и не высовываться, — сказал Ермолин, перестав улыбаться. — Джамал — из этих краёв родом, вырос здесь, всё знает, да и вид, как у местных. Но если они увидят наши бледные рожи или вот эту скуластую бинхайскую морду, — он кивнул на майора, — то всех перестреляют. Кроме Джамала, его-то будут заманивать к себе. Генералом сделают, не меньше, с такими-то родственниками.

— Хорош так шутить, — отозвался Джамал из кабины, слыша разговор через открытое окошко между кабиной и кузовом.

Он завёл двигатель. Из выхлопной трубы пошёл дым, обдав нас вонью тухлого яйца. Так пахнет топливо под названием игниум, которое используется повсюду, от машин до летающей крепости. Запах резкий, но к нему привыкаешь быстро.

Мы выехали, а вскоре землю трянуло, и разрушенная булочная начала осыпаться до конца. А на соседней улице вырос столб оранжевого огня там, где мы отбивались.

Крепость развернулась и продолжила огонь. Вовремя мы ушли.

— Не высовываемся, — приказал я своим. — Шутник, займись ранеными. Гвоздь, помоги ему, потом проверь оружие, — я положил автомат рядом с собой. — И не стрелять, пока я не прикажу.

— Ты же сам пулю схватил, командир, — заметил Ермолин, внимательно присмотревшись ко мне, и скользнул взглядом вниз, на кровь и бинты. — Как вообще на ногах стоишь? Тебе бы отдохнуть.

— А некогда отдыхать. И умирать мне нельзя. Запрещено, — я сел, прислонившись спиной к задней части кабины. — Зато предки присматривают.

— Вот и за нами пусть присмотрят, — разведчик коснулся лба и посмотрел на бледного Краба. — Да не ссы, парень. Домчим с ветерком. Поездка будет — во!

Он поднял левую руку так, будто собирался продемонстрировать нам большой палец. Но большого пальца на ней не было, только обрубок был перемотан бинтом, на котором уже проступило кровавое пятно.

— Срань, постоянно забываю!

Он весело захохотал. Похоже, это его любимая шутка. Шутник выдавил пару нервных смешков, остальным же было не до этого.

Тем временем Джамал нажал на педаль газа. Грузовик тронулся с места и поехал по разбитой дороге в центре осаждённого города. В ту сторону, где занял позиции наш батальон, который будет уничтожен завтра утром, если мы не успеем.

Глава 3

«Имперская армия включает в себя императорскую гвардию, силы спецназначения (в том числе воздушный десант и разведывательный корпус), корпус офицеров Генерального штаба, войска связи, инженерные войска и летающие крепости...»

Региональные вооружённые силы государств, входящих в состав империи, подчиняются главнокомандующему имперской армии...»

— *Устав вооружённых сил империи Юнитум.*

По уставу офицерам имперской армии не полагались автоматические винтовки, но те из нас, кто побывал в настоящих боях, носили с собой автоматы, как у простых солдат. Сейчас я держал в руках двадцатизарядную автоматическую винтовку Риггера — АВР-49, который я захватил в бою у пустынников. Повернул автомат к себе, проверяя его состояние. На затворной раме был выбит серийный номер, год выпуска — 845-й от в.т.в. — и прочие данные: «Автоматическая винтовка АВР-49. Нерская промышленная зона». Рядом — стилизованный знак ели, герб города Нерск.

— Есть пароли? — спросил я.

— Есть лучше, — Ермолин хмыкнул и посмотрел на водительскую кабину. — Свой пустынный.

— Всем лечь, — скомандовал Джамал из кабины.

Кабина была отделена от кузова тонким листом фанеры, пробитым пулями, поэтому мы хорошо его слышали. Грузовик ехал мимо группы сухарей, я увидел их в дырочку. Один из них поднял автомат и пальнул в воздух короткую очередь.

— Ветер с юга! — проорал Джамал через окно старинную боевую кричалку пустынников.

— Буря идёт! — ответило несколько голосов вразнобой.

Пронесло, они поверили. Шутник тяжело выдохнул, Ермолин хмыкнул, глядя на него.

— Куда ты столько гранат набрал? — Музыкант поморщился и потёр макушку, когда Пашка неловко повернулся и случайно задел его подсумком по голове.

— Да на всякий, пригодятся.

— Зелёные сигнальные пашки нашёл? — спросил я.

— Никак нет. Только красные.

Хреново, для связи с нашими нужны зелёные. Но будем крутиться.

Я ощупал бок. Рана осталась, но немного затянулась. Будто прошло несколько недель, а не часов. Пару раз украдкой проверял под бронежилетом, потом доставал руку, но свежей крови не было. Значит, силы Небожителя позволяли не только швырять людей и вещи, но и выживать, когда обычный человек уже бы умер. Хотя тот дух говорил, что во мне есть капля его крови, поэтому я пережил рану. Раз уж остался жив, надо разбираться.

Ловил на себе взгляд Шутника и остальных ребят, которые не понимали такой резкой перемены, ведь несколько часов назад я умирал. Но не думаю, что кто-то этим расстроен. Ну а разведчики и не знали таких подробностей.

Сел поудобнее, насколько это было возможно в этой толчее, украдкой посмотрел в дыру в брезенте, чтобы понять, где мы находимся.

Инфиналия — страна на юге империи, большую часть которой занимает выжженная пустыня. Но город Фледскарт, в котором шли бои, находился в другой, более умеренной климатической зоне, на правом берегу реки Сильва.

Сейчас осень, и из-за дождей всё здесь было покрыто вечной грязью, толстым светло-коричневым слоем, густым, как масло, хоть на хлеб мажь. Она была повсюду: пропитывала

одежду и попадала под неё, въедалась в поры, мешала технике, а по ночам ещё схватывалась морозом.

Пустынники в такую погоду воевали не очень умело, но этот город был на их стороне, и им проше.

Через дырки в брезенте я иногда их видел. Инфы брели колоннами, как ополчение, так и армия, ещё недавно служившая империи. В основном здесь лёгкая пехота, бронетехники у них традиционно было мало. Они шли на север, туда, куда ехали мы. Их больше, чем думало командование. Намного больше.

Вскоре грузовик остановился.

— Всем тихо, — предупредил я своих, прислушиваясь.

Шутник кивнул и зажал рот Крабу, чтобы его не услышали, если он очнётся и застонет от боли.

— Вам надо было выбирать вдвоём, — прохрипел Чан, не открывая глаза, — а не брать меня.

— Тихо ты, морда твоя бинхайская, — проговорил Ермолин и взял пулемёт поудобнее. Послышались чавкающие шаги, кто-то шёл к нам через лужу. Джамал открыл окно.

— Смерть узурпатору с севера! — прокричал он пароль.

— Свобода Инфиналии! — закричали в ответ.

Пароль слишком простой, пустынники не стали особо заморачиваться. Ну или хотели, что свои его запомнили. А в имперской армии на каждом блокпосту был бы свой пароль.

Я увидел, как смуглый тощий боец, совсем мальчишка, торопливо отодвинул перекрывавшую проезд ржавую трубу. Грузовик проехал дальше, а мы вжались в дно кузова, чтобы нас не увидели.

Было слышно тяжёлое дыхание одного из раненых, который сдерживал стон. Краб очнулся и терпел изо всех сил, но не издал ни звука.

Машину тряхнуло. Дорога разбита бомбёжками, как и весь район. Ни в одном здании не осталось целых стёкол, некоторые окна забиты досками или заложены. Иногда в них можно было различить пулемёты. Пустынники собирались драться в этом городе долго.

— Помнишь, что говорить, если спросят, что везёшь? — спросил Ермолин, повернувшись к кабине.

— Получше тебя, — отозвался Джамал. — Скажу, что трупов набрал.

— На север, где бои идут, везут ещё трупы? — с сомнением спросил я. — Там своих хватает.

— Да мы так шутим. Разные варианты есть.

Но у меня возникла идея.

— Игниум, — сказал я, глядя на ящики и бочки в кузове. — Активный игниум для взрывчатки и три бочки игниумной пасты. И скажи, что по этим дорогам его так разболтало, что может рвануть. Они пропустят, лишь бы мы уехали.

— Во! — оживился Ермолин. — Солдаты всегда боятся взрывчатки!

— Хорошая мысль, — измученный майор Чан открыл глаза.

— А ещё они наверняка везут игниум отовсюду, чтобы взрывать мосты, — продолжил я. — Так что не удивятся.

Конечно, это не спасёт от всех проверок. Но хотя бы обычных солдат, не особо разбирающихся во взрывчатке, может отвадить.

Мы ехали дальше. Нас постоянно подбрасывало на ухабах, раненые ругались сквозь зубы. Ящики в кузове то и дело пытались рухнуть на нас, одна бочка у самого выхода, металлическая, с откидной крышкой, пару раз грохнулась, а крышка слетала. Она пустая, от неё пахло ржавчиной.

— Выберемся, Крабёныш, — Пашка Шутник дал воды раненому.

Гвоздь молчал, только перебирал жетоны павших бойцов, которые он взял с собой. Я забрал их у него, раз уж жив. Это моя задача, чтобы они не потерялись и семьям погибших потом помогли.

— Господин капитан, — окликнул меня Музыкант и что-то протянул.

В газетном свёртке с прошлогодними новостями о празднованиях в честь восшествия на престол нового императора были сухари. Они слишком твёрдые и безвкусные, но есть хотелось сильно.

Отломил кусок и забросил в рот. А неплохо на голодный желудок. Оказывается, сильно хотел есть. Музыкант разделил остальное с другими.

— А дома сейчас холодно, — сказал Шутник задумавшемуся Музыканту. — Там сейчас Ночь. Полгода сплошная темень. Ходишь по двору с фонариком, дрова собираешь, печку топишь. Зато тепло потом, сидишь рядом с печкой, — он мечтательно вздохнул.

— Какая тебе печка? — усмехнулся Ермолин, услышав его. — Самогонки бахнуть и с бабой под одеяло, вот и согреешься. Женат уже?

— А мне и без этого перепадает, — едко сказал Пашка и хитро улыбнулся.

— У, ты жук какой дерзкий, — беззлобно и со смехом сказал разведчик. — Командир, — он посмотрел на меня. — А ты из каких краёв? С севера? А то никогда тебя не видел.

— А я вообще на севере, в Огрании, никогда не был, — произнёс я, глядя на трофейную карту. — Всё хочу съездить и посмотреть, там же мои предки жили.

— Как это не был? — усмехнулся Ермолин. — Ты же Климов! Я про твоих предков книжку читал в детстве. И фильм смотрел. Вы же за Огранию сотни лет воюете, ещё со времён императора Павла Громова или даже раньше.

— Климов, да не тот Климов, — сказал я. — Я родился за морем, в Дискреме, и жил в детском приюте, и там же учился. Только несколько лет назад узнал, кто мои предки, и год назад переехал, когда позвали.

— А, вот ты кто! Я понял, из каких ты Климовых.

Он посмотрел на меня с подозрением, но оно быстро ушло. Да и солдаты знали про это, и давно махнули рукой. Ведь увидели, чего я стою в бою.

— Я закончил офицерское училище в Дискреме, — начал рассказывать я. — Туда сейчас стали часто набирать сирот, потому что не хватает людей. Все эти старые богатые семьи больше не хотят служить в армии, вот и берут всех по лимиту. Каждый должен привезти троих, если не хочет служить сам.

— Даже так, — удивился разведчик. — Мельчают.

— А когда переехал сюда, то в десанте решили, что я им подхожу, я же десантник по военной специальности. Конечно, в Дискреме не хотели отпускать, но я им присягу не приносил.

— Ещё бы они не хотели отпускать, — Ермолин хмыкнул. — Тем более, на службу потенциальному сопернику... Но ты правильно сделал, что вернулся. Тут же твои предки жили.

Он посмотрел в дыру в брезенте, потом подобрал газетку, которую выронил Музыкант, и развернул.

— Ну что, хорошо празднуем День основания империи? — хмыкнул Ермолин, поглядев статью. — Год назад о таком и не думали.

— Обещали же к этому дню взять город, — подал голос майор Чан, открывая глаза.

— Обещали, да не вышло, — отозвался Ермолин. — И даже гвардия увязла, которую император ввёл. Забыли, видно, сказать ему, что его гвардию сейчас учат красиво на парадах маршировать, а не воевать. Да тут всё развалилось при его отце, а сейчас так вообще...

— Ты бы помалкивал лишний раз, — пробурчал бинхаец, косясь на рядовых бойцов. — Много болтать стал.

— Жалко тебе, что ли? Вот когда императором был его Константин... вот тогда мы были силой.

— Заткнись, старый дурак.

Но тон был беззлобный, это всё же слаженная группа с большим опытом, и разговаривали совсем не так, как принято по уставу. Разведкорпус как раз работал такими небольшими отрядами, все были офицерами и не командовали рядовыми. Вот отсюда такая манера общения.

— Зато вы нормальные ребята, — Ермолин долго молчать не смог. — Молодцы. Есть за что уважать, и капитана, и пацанов. Настоящие северяне. Ничего, ещё научимся воевать. А когда научимся — хана им всем.

Вообще, это правда, что сюда в основном прислали новобранцев. По бумагам гвардейские части и спецвойска считаются сильнейшими соединениями империи, а по факту это молодые ребята-срочники без подходящей выучки.

Грузовик снова остановился.

— Смерть узурпатору с севера! — проорал Джамал.

— Свободу Инфиналии, — проговорил чей-то злой голос.

Но проезд не освободили. Кто-то подходил ближе, я услышал шаги. Сделал знак Шутнику и Гвоздю, чтобы приготовились.

— Что везёшь? — донёсся чужой голос снаружи.

У пустынников и нас один общий язык, но их выговор порой было крайне сложно понять.

— Припасы на передовую, — ответил Джамал. — Приказ генерала Салаха.

— Я проверю, что там, — сказал боец, обходя грузовик.

Его шаги слышны отчётливо. Мы приготовили оружие.

— Проверь, только ничего не трогай, — Джамал посмотрел на него. — У меня в кузове взрывчатка. Если рванёт, то твои ошмётки долетят аж до Мардаграда.

— Взрывчатка? — с опаской переспросил боец.

— Ну да. Активный игниум и три бочки игниумной пасты. И по этим дорогам всё разболталось. И если...

— Всё, проезжай быстрее отсюда! — торопливо закричал боец, а второй открыл шлагбаум.

Мы поехали дальше. Ермолин опустил пулемёт и сразу расслабился. Мои бойцы ещё не умели так быстро переключаться, вот и переглядывались с тревогой.

— Удалось, — сказал я. — Вольно, бойцы.

— Хорошая была идея, капитан, — отозвался Джамал из кабины. — А у меня тут спирт ещё есть. Его уже хотел отдавать, а потом вспомнил, как ты говорил про игниум...

— Останется на крайний случай, если кто-то не боится взрывчатки, — я усмехнулся. — Напоим. Или себе оставим, отпразднуем День Империи.

Джамал засмеялся и свернул на другую дорогу, где объехал баррикаду из двух разбитых трамваев и поехал вдоль аллеи со сгоревшими деревьями. И не только.

— Вот же срань, — проговорил Ермолин. — Так и будут здесь стоять. Годами.

Приходилось прижиматься к обочине, ведь всю дорогу занимала колонна сгоревших бронемашин: основные танки Т-12 «Волк» и более старые модификации ЯВ-9, тяжёлые Т-36 «Молот» и несколько бронемашин пехоты. Здесь машин пятнадцать, почти все чёрных и закопчённые, у некоторых сорваны башни. Рядом лежали тела.

И что хуже, с другой стороны бульвара стояла ещё одна колонна, повёрнутая им навстречу. Будто две колонны встретились на улице и никак не могли разъехаться.

— Что здесь случилось? — спросил я.

— Глупость человеческая, — проговорил Ермолин и произнёс: — Штабы эр-вэ-эс Огрании и эр-вэ-эс Хитланда не смогли между собой скоординироваться. Ну или не захотели. А

ещё кто-то посчитал хорошей идеей отправить танки в центр города, чтобы поднять свой флаг раньше соседа. Вот они и встретились.

На некоторых танках ещё можно разглядеть надписи и гербы: «РВС Огрании» и эмблема в виде пылающего копья или «РВС Хитланда» и герб в виде алебарды. Вооружённые силы входящих в состав империи стран формально подчиняются имперскому командованию, но на деле бывает всякое.

Вот как сейчас. Пока командиры ругались, колонны расстреляли из окон, а люди погибли.
* * *

Какое-то время дорога была спокойной, Шутник даже уснул, сказывалась усталость. Но я его разбудил, ведь остался ещё один блокпост, последний.

Ермолин подобрал пулемёт, остальные тоже взялись за оружие, а я чуть выглянул в дыру.

Эти на пустынных не походили. У них тёмно-зелёная униформа иностранного образца с бронежилетами и разгрузкой. Такие носят в армии Дома Лихтари, одного из домов заморской империи Дискрем. Знаю, потому что там я родился и учился.

Оружие тоже другое, не привычная всем АВР, а заморская М-52. Да и бойцы носили бороды, при этом не были смуглыми, как пустынные. А в имперской армии бороды почти нигде, кроме Инфиналии, не позволялись.

Наёмники? Скорее всего.

— Смерть узурпатору с севера! — прокричал Джамал пароль.

— Свобода, свобода, — недовольно отмахнулся один из них. — Что везёте?

Выговор из Дискрема, очень характерный, резкий и громкий. Ну точно наёмники. Или очередные интриги заморской империи, которая подогревает внутренний конфликт.

— У меня приказ провезти взрывчатку, — ответил Джамал.

— Что именно?

— Взрывчатка, ещё активный игниум и игниумная паста, три бочки. Её тут всю порядком растрясло. И если рванёт...

— Вот и посмотрим, чтобы не рвануло.

Я поднял руку в жесте, и все мои бойцы замерли. А наёмник пошёл к машине.

Ермолин покосился на меня, я кивнул и поднял автомат. Разведчик начал показывать жестами, сколько их, следя за ними в щели. Раз, два, три, четыре... пять бойцов на блокпосту.

Наёмник приближался к кузову. Шутник тяжело сглотнул, Краб сам зажал себе рот, майор Чан очень тихо достал пистолет.

— Салах требует привезти ему это как можно скорее, — говорил Джамал, открыв дверь в кабину. — Завтра сложная операция, и если не успеем...

— А мы быстренько, — отозвался наёмник. — Что ты там везёшь, говоришь? Игниум?

— Не только. Вот, у меня есть образцы.

Джамал полез в кабину и вытащил оттуда сумку, в которой звякнуло что-то металлическое.

— Консервы и... спирт? — наёмник заржал. — Контрабанду, значит, везёшь? Поэтому не хочешь, чтобы мы посмотрели?

— Только не говорите никому, а то у нас строго, — хитрым голосом продолжил Джамал. — А я с вами поделюсь. Бойцы на передке за спирт что хочешь дадут.

Послышался звук отвинчиваемой крышки канистры. Странное дело, но во всей этой вони, что окружала нас, я различил отчётливый запах спирта. Ну, или мне так показалось.

Ермолин улыбнулся и показал левую руку в своём любимом жесте, только без отсутствующего большого пальца, мол, смотри, как Джамал умеет убеждать.

— Это хорошо, что поделишься, — донеслось снаружи. — Но мы всё равно проверим.

— Как угодно, — серьёзно проговорил Джамал.

Ермолин при этих словах напрягся. Значит, это какой-то условный знак. Он чуть привстал и направил пулемёт прямо на брезент, где должен был находиться один враг.

Я сделал знак Шутнику и Гвоздю, чтобы приготовились. Музыкант потянулся к оружию, я дал ему свой пистолет, ведь правая рука у него в порядке и стрелять он может.

А сам направил автомат на полог, который скоро мог откинуться.

— За каждую секунду простоя Салах спросит с вас, — говорил Джамал снаружи.

— С нас — не спросит. Нас он холит и лелеет. Без нас он никто.

Если начнётся пальба, прорваться будет сложно. Но, кажется, я придумал, как можно выпутаться из этой ситуации. Я сделал Ермолину знак, чтобы ждал и не стрелял.

Стоит рискнуть.

Глава 4

«Минерал “игниум” известен на континенте с древних времён благодаря своей горючести и взрывоопасности. Несмотря на свою сверхъестественную природу, он использовался в качестве топлива...»

Благодаря открытию, что древние свечи Духов влияют на эффективность сгорания игниума, появилась возможность контролировать реакцию, что привело к созданию двигателей повышенной мощности. А изобретение игниумной пасты сделало возможным появление летающих крепостей...»

— Предисловие к учебнику «Технология переработки игниума», Императорский Горный Университет Мардаграда.

Первым порывом было притвориться офицером Дискрема, якобы шпионом, который переоделся и пытается проникнуть в расположение имперских сил. Тем более я хорошо изобразил их выговор и вполне сошёл бы за офицера армии дома Хардален.

Но это же наёмники, а не регулярная армия Дискрема. Они просто застрелят меня без лишних вопросов. На всякий случай, чтобы не рисковать.

Так что вариант у нас один. Они не боятся игниума. Но если он и правда начнёт взрываться?

И пока снаружи препирались, а Ермолин гневно таращил на меня глаза, пытаюсь понять, что я задумал, я потянулся к Шутнику.

— Дай-ка это, — очень тихо шепнул я.

Я полез к нему в подсумок с гранатами. Ермолин заволновался, но понял, что я хочу сделать, когда увидел дымовуху. И Джамал должен понять сразу, что происходит, ведь в разведкорпусе служат те, кто думает быстро.

Забрал гранату и сразу выдернул кольцо. У выхода стояли пустые металлические бочки, прикрывающие нас. Одна из них мне нужна, я пополз туда.

— Я тебе башку прострелю, если мешать будешь, — угрожал наёмник снаружи.

— Всё, отхожу. Но Салах об этом узнает.

Джамал будто пытался выиграть для нас хотя бы несколько секунд, рискуя собой.

А я приподнял крышку бочки и забросил дымовую туда. Готово! Вскоре из бочки послышался хлопок, а затем и громкое шипение. Я прильнул к полу.

Наёмники откинули полотно, два человека целились внутрь из автоматов, готовясь стрелять на поражение. А шипение стало громче. Наёмники уставились на бочку, из-под крышки которой пошёл густой дым, скрывающий нас.

— Игниум сейчас рванёт! — догадался Джамал и заорал во весь голос. — Реакция началась!

— Игниум горит! — почти одновременно с ним заорал перепуганный наёмник и бросился назад.

— В укрытие! — приказал командир наёмников, задумавшись всего на мгновение.

Враги тут же брызнули во все стороны, а мы с Шутником начали выталкивать бочку из кузова.

Дыма в кузове стало слишком много. Дышать стало сложно, кто-то из раненых закашлялся. Шутник толкнул бочку ногами, а я добавил толчок усилием воли. Бочка с грохотом выпала из кузова и упала набок. Дым повалил ещё гуще.

— Игниумная паста горит! — орал Джамал, наводя панику, но не забывал продвигаться к кабине. — Бежим!

Ермолин тем временем просунул ствол своего ручного пулемёта в дыру в брезенте и начал палить, чтобы пустынные не поднимали голов. Кто-то из наших стрелял с другой стороны.

— Огонь! — приказал командир наёмников, приходя в себя. — По грузовику!

А я посмотрел на бочку и усилием толкнул её, и она, подсакивая, покатила к ним. Дым всё так же густо валил из неё. Наёмники побежали подальше. Не поняли, что это уловка.

Ну а Джамал уже был в кабине. Грузовик резко сорвался с места, вслед нам палили очередями. Но этот манёвр с бочкой выиграл нам время.

— Пригнись! — орал Ермолин, стреляя прямо над моей головой, держа пулемёт на весу.

Воняло гарью и сгоревшим порохом, свежие гильзы катались по полу. Джамал управлял грузовиком, пригибая голову. Он только что с грохотом снёс шлагбаум и ехал дальше, а наёмники продолжали вести огонь.

Пули прошивали брезент, пробивали ящики и оставшиеся бочки. Одна чуть не снесла голову Крабу, вторая чиркнула по плечу Гвоздя, и он со стоном повалился на пол.

Несколько пуль пробили заднюю стенку кабины, Джамал заругался, но, кажется, его не задело. Водитель вилял, я тоже стрелял, но больше наугад. Ещё улочка, и мы, наконец, скрылись из виду.

Судя по хлопкам и тому, как сложнее стало управлять, несколько пуль попали в колёса. Но они армейские, и какое-то время продержатся, воздух из таких выходит медленно. Ещё немного проедем.

— А хорошо ты придумал, командир, — Ермолин захохотал. — А я чуть не дриснул в штанишки, когда подумал, что щас всех перемочат.

— Предупреждать же надо о таком! — злобно проговорил Джамал из кабины.

— Мысль пришла внезапно, — я вернулся на место и сел, перехватив автомат.

— Тебе в разведку надо, командир, — добавил Ермолин. — Быстро думаешь.

— Нет уж, я в десанте. Лучше вы к нам.

Ермолин ржал дальше, а я осмотрел своих. Зацепило Гвоздя, но Шутник уже бинтовал ему плечо. Остальные в норме, разве что Краб был совсем плох.

Но осталось немного. По регламенту для сигнала надо было подать зелёную сигнальную ракету. Вот только дело в том, что нам перед высадкой выдали только красные. Абсолютно всем. И у пустынных ни одной зелёной я не нашёл. Конечно, и наши это знают, и мы будем пользоваться тем, что есть, но нужно больше сигналов о том, что мы свои.

Мы все в касках, но у каждого были при себе тёмно-красные береты десанта с бронзовой эмблемой в виде крылатого дракона.

— Джамал, — я сунул ему свой берет в кабину через окошко. — Повесь это на антенну.

Это тоже может быть условным знаком, десант сразу узнает свой берет. Джамал открыл дверь и быстро закрепил берет на антенну, подмотав клейкой лентой, чтобы не слетело.

— Гудок у тебя работает? — спросил я, когда он рванул дальше. — Помнишь марш «Гвардия неба»?

— Что же у вас всё так сложно? — проговорил Джамал, засунув в рот спичку.

— Была бы рация, было бы проще.

Заехали за угол, и дальше улица стала шире, показались укрепления вдали. Джамал издал длинный гудок, два коротких и два длинных. Очень громко, но это и правда напоминало старинный гвардейский марш. А я пустил красную сигнальную ракету из дыры в брезенте. Снова весь кузов оказался в едком дыму.

Когда впереди показались разрушенные магазинчики и пара сгоревших бронемашин, Джамал направил машину к ним, но не напрямую, а по дуге, чтобы видели, что мы не собираемся их таранить.

Но всё же кто-то пару раз по нам выстрелил, и в лобовом стекле появилось несколько новых дыр. Потом замолчали. Значит, узнали.

Джамал заругался ещё громче, когда грузовик одним колесом влетел в яму, и его сильно тряхнуло. Краб очнулся и замычал от боли.

— Не стрелять! — взревел я во весь голос, выглянул из кузова и замахал беретом Шутника. — Отставить огонь! Не видите сигнал?

Из-за сгоревшей десантной БД-49 показалось несколько бойцов в касках и нашем родном серо-пятнистом камуфляже. У всех автоматы, кроме одного, у которого была винтовка с оптическим прицелом.

— Господин капитан? — узнал меня сержант и опустил автомат. Он начал оправдываться: — Думал, что сухари... я берет не заметил, а потом Костя ка-ак заметил, — сержант кивнул на снайпера. — А потом гудки послушал, и сигналку, тут и...

— Здесь раненые, — я вылез наружу. — Есть тяжёлые, срочно унести их санитарам!

— Есть!

Несколько бойцов тут же побежали выполнять, но осторожно, с опаской поглядывая на крыши ближайших зданий.

— Наши пацаны, — из кузова выглянул Шутник и приложил руку ко лбу, после неловко вылез. — Предки нас сохранили.

— Доехали с ветерком, — Ермолин выпрыгнул следом. — Экскурсия по городу для туристов!

— Лично я бы за такую не заплатил, — пробурчал Пашка.

— Краб тяжёлый, осторожнее, — распоряжался я. — И там майор из разведки, его тоже заберите. Поставьте уколы ему и Крабу.

— На своих не хватает, — с досадой проговорил носатый боец из второго батальона.

— А это кто, по-твоему? — оборвал его я. — Не свои? Выполнять!

Боец с опаской посмотрел на меня и полез в карман, откуда достал маленькую металлическую коробочку со шприцами-тюбиками.

— Где командор? — спросил я.

— Там, на площади, — отозвался белобрысый боец, помогая идти Музыканту. — Сильно ранен.

— Кто командует?

— Капитан Флетчер, но он тоже ранен. А так, в основном за всё отвечает старшина Ильин. Больше никому.

— Понял. Найди его, скажи, что я вернулся.

Пока меня не было, десантники здорово поработали, чтобы закрепить лучше. Выбили врагов из здания напротив, несколько домов в округе взорвали, чтобы там не засел враг, и заминировали подходы к позициям.

А саму площадь, на которой стоял конный памятник императору Павлу Громову, перекопали, и даже брусчатка нам не мешала. Бойцы рыли и рыли, носили мешки с землёй, ставили пулемёты и мины, готовясь отражать новый штурм. Судя по следам боя и истощённым лицам с впалыми от недосыпа глазами, минуты покоя выдавались редко.

Помимо серого камуфляжа десанта здесь мелькал светло-синий камуфляж бинхайских РВС, тёмно-серый Мидлии и коричнево-зелёный северян из Огрании. В наш район стягивались потерявшиеся солдаты со всех направлений. Бои вокруг шли жёсткие, из-за проблем со связью бойцы отбивались, колонны попадали в засаду. Кому-то везло, и он добирался до нас. Кому не везло, тот попадал в плен.

Небольшие стрелковые ячейки уже превратились в полноценные окопы, а солдаты копали и копали малыми пехотными лопатками, насыпая перед окопами землю, обломки брусчатки и камней.

Десант копает хуже, чем обычная пехота, но за последние дни все поняли, что это может спасти жизнь, а лопата — лучший друг солдата. Из-за дождей на дне окопов уже был слой воды и грязи, стены постоянно «плыли» и грозились обрушиться, но солдаты остервенело рыли дальше.

Один из десантников провожал меня, показывая дорогу. Мы быстро прошли мимо окопов, шли по разбитой площади. Грязи здесь буквально по колено, иногда нога увязала так глубоко, что можно было остаться без ботинка.

— Какие приказы, господин капитан? — спросил Шутник, ковыляя следом.

— К раненым. Проверь, что там, и предложи помощь санитарам.

— Есть!

Он торопливо убежал, перепрыгивая препятствия.

— Живой, Пашка? — послышались крики одобрения, когда Шутник добежал до окопа.

— Ты же мне сотку должен, Гриха, — отозвался Пашка. — Я тебя за неё и с того света достану, ха!

Послышался смех, наверное, впервые за эти дни.

Кинотеатр, где в прошлый раз разместилось командование батальоном, был уничтожен напрочь, от него осталась только одна стена и грудa ещё дымящихся обломков. Видно обугленные сидения в куче камней.

— Где командор? — спросил я у ближайшего солдата, сидящего под стеной.

— В подвале, — отозвался боец без каски бесцветным голосом, глядя куда-то потухшим взглядом.

Заговорил пулемёт, тяжёлый ротный, и его недовольный голос хорошо было слышно сквозь шум. Стало ещё громче, когда защёлкали одиночные выстрелы из автоматов, затем раздался взрыв. Где-то недалеко отсюда шёл бой.

Но крепость пока молчала. Зато по воронкам вокруг видно, что сюда уже прилетело несколько мощных снарядов. Да и находящиеся на борту самолёты могли сбросить сюда бомбы. Прямо по своим.

Два бойца пронесли пулемёт, мимо пробежал взвод. Где-то орал старшина Ильин. Жив старик ещё, и вот это хорошая новость.

— Чё вы там сиськи мнёте?! — услышал я его крик с другой стороны.

Я дошёл до памятника, и тут раздался резкий выстрел. Один из пробегающих мимо десантников, тощий парнишка в берете, а не в каске, упал, схватился за левую ногу и громко взвыл от боли.

— Снайпер! — крикнул кто-то.

К раненому бросился товарищ с прыщами на щеках, не старше его.

Бах!

Боец пробежал по инерции ещё и рухнул замертво лицом в грязь, а раненый продолжал вопить.

— Дым! — приказал я.

Дымовые уже были наготове, их начали кидать. Густой дым скрыл и раненого, и место вокруг него. Бойцы тут же утащили вопящего, но тело покойного оставили, а я ушёл, пока снайпер не начал охоту за мной.

Враг стрельнул в облако дыма ещё несколько раз, я видел, как пули высекали искры из стоящего рядом гранитного фонтана, но никого не задело. Затем стихло, он ушёл.

Ну где же ты, гад? Я посмотрел на крыши зданий вдали. Надо его найти. Снайпер — это проблема. Будем с ней разбираться сегодня же.

Наконец, я добрался до подвала, и в нос сразу ударил тяжёлый дух места. Влажно, сыро, очень много раненых. Пахло спиртом и кровью. Стоны не прекращались. Забегавшиеся санитары пытались всем помогать, но не успевали.

А у забитого досками подвального окошка, откуда едва проникал свет, лежал человек, очень грузный, седой, с перевязанной головой.

Это командор, как называли командующего десантом на каждой летающей крепости.

Глаза закрыты. Он мёртв или без сознания?

Рядом с ним работал радист. Перед ним стоял тяжёлый ящик радиостанции в серой расцветке, к которому были подключены толстые провода гарнитуры. Лампы на ящике светились.

— Буран-1, Буран-1, это Кречет-2, приём! — говорил бритый наголо парень, придерживая гарнитуру. — Огонь по своим! Квадрат 4-2-1-2! Прекратите огонь, прекратите огонь, вы по своим стреляете. Приём!

Снаружи затряслась земля. Сразу три близких разрыва. С потолка начала сыпаться пыль.

— Прекратите огонь, Буран-1! — продолжал кричать радист, выждав немного. — Это Кречет-2, вы по своим стреляете!

Он огляделся, посмотрел на раненых товарищей вокруг и проговорил со злостью, срывающимся голосом:

— Вы по своим стреляете, уроды. Твари!

— Отставить ругань, — прохрипел седой офицер. — Что за разговорчики в эфире?

Командор ещё жив. Я шёл к нему, пока путь мне не преградил высокий молодой офицер. Светлые волосы торчали дыбом, левый глаз налился кровью, правое ухо опухло, а нижняя часть лица перевязана бинтами. Там, где должен быть рот, расплылось кровавое пятно.

— Это кто тебя так приложил, Юджин? — тихо спросил я.

Капитан Флетчер что-то промычал, совсем неразборчиво. Похоже, пуля или осколок задела рот. Говорить не мог совсем.

— Молчи, — сказал я. — Беру командование на себя.

Флетчер кивнул, но сморщился от боли. А я подошёл к окну и сел рядом с командором Шлейном. Командор тоже не из северян, как и Флетчер, но он в десанте с самого первого дня появления этого рода войск.

Шлейн открыл глаза.

— Вернулся, Климов?

— Вернулся. У нас проблемы. И утром будет хуже.

У него минимум три тяжёлых ранения. Получил пулю в живот, грудь, да и голова перевязана не просто так.

— Что нашёл? — спросил он слабым хриплым голосом.

— В штабе крепости засел шпион. Передал пустынным свежее радиокоды, а нам старые. Поэтому крепость стреляет по нам. Они её наводят.

— А я думал, они сами так мажут, — Шлейн хмыкнул.

— Но это не самое худшее. Они устроили радиоигры, передают в наш штаб то, что выгодно пустынным. В том числе от нашего лица.

— Дерьмище, — прохрипел командор. — Полный бардак, и никто этого так и не понял.

Я полез в сумку, доставая бумаги, продолжая говорить:

— На завтра в восемь утра запланирована операция. Они хотят заманить в этот район побольше имперских сил.

— И она попадёт в засаду? — спросил он.

— Хуже. Они подорвут все мосты и отрежут район от остального города. И мы тоже останемся здесь, если не успеем отойти.

— Окружение и избиение, — прохрипел командор. — Хитрые гады. Но как мы свяжемся со штабом, если нет новых кодов?

— У сухарей они есть. И у нас теперь тоже.

Шлейн посмотрел на меня и слабо улыбнулся.

— Знаешь, Климов, — сказал он. — С самого первого дня я знал, что не ошибся, когда брал тебя на крепость, хотя меня отговаривали. Но я сразу увидел, что ты на своём месте.

— Благодарю, командор. Принимаю командование на себя.

Он пожал мне руку и что-то пробормотал слабым голосом, закрывая глаза.

Я передал коды радисту. Тот с удивлением посмотрел на мятую грязную бумажку с имперским гербом в виде ветвистого кольца и подписью «Совершенно секретно», потом на меня, и сразу склонился к рации, начиная крутить ручки.

Едва он закончил, как рация будто взорвалась от шума в эфире.

— ... вы чё там, уснули?.. — проорал кто-то, а затем последовал звук выстрелов.

— ... прошу разрешения на отход... — следом взрывы.

— Гнездо-3, вы куда, ***, бомбы сбрасываете? *** ***, вы куда на своих бросаете?!

— Гнездо-1, Гнездо-1, — этот голос был слышен чётко. — Это Заря-2! У меня три коробки сгорело с утра! Прошу разрешения на отход, в квадрат 4-2-2-7! Всех пожгут!

— Отставить, Заря! Запросите помощь Беркута! Он рядом с вами.

— Да нет его здесь! Нигде нет! Тут вообще наших нет! Вы куда нас отправили вообще?!

— Как нет, Заря?! Они только что передавали...

В городе происходил хаос, что понятно по тону переговоров, которые велись совсем не так, как принято по регламенту. А ещё мы на общем канале, который слушают враги. И корректируют свои планы, чтобы нанести нам больше ущерба.

— Начинай, — сказал я радисту.

А сверху начались очередные взрывы. Крепость снова открыла огонь.

Радист откашлялся и начал:

— Гнездо-1, Гнездо-1! — произносил он новые позывные. — Это Беркут-2! Приём!

— Беркут-2, это Гнездо-1, слышу вас. Приём. — почти сразу ответил голос из радиостанции.

Слышно было чётко. Ведь штаб сидел в летающей крепости, а там мощные радиостанции.

— Гнездо-1, вы по нам стреляете со вчерашнего дня! Прекратите огонь!

— Это невозможно, Беркут! — голос был удивлён. — Вы же сами передали координаты! Кто это вообще говорит? Кто это говорит, мать вашу? Подтвердите личность.

— Это я Беркут-2! — тут же возмутился другой голос. — Кто это там в эфире?

Уже выдают себя за нас. Но этих хитрых гадов мы достанем.

Глава 5

«Кинофильм “Братья” рассказывает историю братьев-близнецов Валентина и Павла Климовых — двух известных участников Второй гражданской войны, которые оказались по разные стороны конфликта и сражались друг против друга.

Зрителям понравились масштабные батальные сцены с участием настоящей военной техники, но многие раскритиковали сюжет фильма за художественный вымысел и расхождение с реальной историей.

В финале фильма Павел Климов погиб, спасая брата из плена. Но в реальной истории он был отправлен в изгнание, когда мятежники проиграли. Однако его потомку было дозволено служить в имперской армии, чтобы вернуть доброе имя семье...»

— Столичная газета «Хроники Урбуса», 870 год.

Я сделал знак радисту, и он протянул мне гарнитуру.

— Коды скомпрометированы, Гнездо, — произнёс я. — Запрашиваю смену всех кодов и позывных. Они в руках врага.

— Подтвердите личность, Беркут, — упрямылись в штабе.

А если не подтвердить личность, то они хоть и сменяют коды, ведь они так или иначе уже скомпрометированы, но продолжают огонь по квадрату, ещё сильнее, чем раньше. Надо их убедить.

— Передайте Гнезду-1 привет его деду от моего прадеда, — произнёс я.

Это вообще не пароль. Но я знал, кто командует, и знал, что он всегда слушает эфир. И мы с ним говорили до высадки. Он поймёт, что у десантников новый командир, и что это я.

Так и вышло.

— Внимание, говорит Гнездо-1.

Голос был другой: уверенный, немного картавый, усталый, но с небольшой искоркой, будто он вечно усмехался. Связь была хорошая, и слышно его чётко. Радист, услышав этот голос, чуть ли не вытянулся по стойке смирно прямо у аппарата. Даже командор открыл глаза.

На несколько мгновений в эфире установилась тишина, а затем тот же голос объявил:

— Смена всех кодов. Приказываю перейти на резервный канал, второй номер. Повторяю: переход на резервный канал, второй номер. Конец связи.

Радист достал красные конверты из планшета погибшего офицера-связиста и сорвал печать с конверта с цифрой 2. Надеюсь, из-за этого бардака резервные планы не успели обновить за последние дни, и наши старые подойдут.

А листки со старыми кодами и не пригодившиеся резервные конверты медленно сгорали на полу. Один из раненых следил за этим, потом посмотрел на меня.

Да, теперь я отвечаю не за одно отделение, а за весь батальон. И этот батальон должен выйти из окружения.

Радист закончил настройку и посмотрел на меня.

— Гранит-2, — тут же раздался наш новый позывной. — Это Замок-1. Приём.

— Слышу вас, Замок. Приём.

Говорил всё тот же голос нового главнокомандующего, который недавно был назначен на пост, когда прежний не смог взять город, а войска умылись в крови.

— Что стряслось, Гранит? — спросил он.

— Враг заполучил наши коды.

— Откуда у вас эти данные?

— Допросил языка из их штаба во время вылазки, — отчитался я. — Есть доказательства, что в нашем штабе шпион. Он помешал нам получить новые коды, а противник говорил от нашего имени. Они всё слышат в эфире.

— Я пошлю за доказательствами.

— А на завтра, на восемь утра, запланировано уничтожение переправ в квадратах... — я посмотрел на карту, но называть конкретные места смысла нет, их слишком много. — Все мосты на севере и северо-востоке. Приём.

— Принято, Гранит. Благодарю за службу. Конец связи.

Всё, предупредили. Армия не пойдёт в ловушку, и планы врага нарушены. Но они всё ещё могут взорвать переправы, чтобы уничтожить хотя бы тех, кто прямо сейчас застрял на этом берегу. Нас тут немало.

— Гранит-2, это Замок-1, — раздался голос в эфире, но уже другого штабного офицера. — Вам приказано до полуночи выйти в квадрат 2-3-2-4, захватить его и не допустить подрыва. Вам разрешено задействовать любые подразделения имперской армии и РВС в районе для этой задачи.

— Принято, Замок-1.

Там ближайшая к нам переправа, старинный, но ещё очень прочный мост Таргина Великого. Даже если взорвут остальные, можно снабжать по этому мосту всю группировку имперских сил. Но его до сих пор контролирует враг, как и многие другие мосты.

Переправы пока нужны им самим, ведь их войска всё ещё действуют и на том берегу, да и не везде они успели заложить взрывчатку. Скрывали до последнего, опасаясь имперской разведки. Так что до утра можем успеть.

Я огляделся. Подвал не особо надёжный, да и здесь много раненых. Мне нужно быть наверху, чтобы видеть обстановку. Не буду отсиживаться, когда каждый стрелок на счету.

А ещё могу в нужный момент применить новые силы. Это должно помочь. Но Шлейн... Командор лежал неподвижно, его взгляд застыл. Санитар, хлопотавший рядом с ним, закрыл ему глаза ладонью.

— Батя-Батя... — тихо проговорил он и выдохнул. — Да найдёт твой дух путь домой.

Это старые слова. В Огрании до сих пор почти в каждом доме стоит свеча духа, но пустая, которая не горит. Раньше считалось, что дух предка найдёт дорогу домой и вернётся к своим потомкам в такую свечу. Дорога слишком долгая, ведь духи слепы.

Но некоторые из них находят свечу. Как тот, с которым говорил я. Но тот был необычным...

Я откинул эти мысли. Шлейн умер. Что теперь? До высадки я был офицером связи в штабе десанта, и мне не доверяли командовать даже взводом, косились из-за предка-изгоя.

Но во время высадки многие командиры погибли, брали тех, кто под рукой. И теперь я самый старший офицер батальона. Многие или погибли, или ранены, или так и не нашлись после высадки. Ещё остались взводные, но это пацаны, выпустившиеся из академии этим летом, они едва старше солдат, которыми командуют. Ещё есть раненый Флетчер, который не может говорить, и старшина Ильин, который вообще не офицер, но у которого больше всего боевого опыта.

— А что это значило, командир? — рядом со мной сел разведчик Ермолин. — Тот разговор про деда?

Он уже сменил пустынный камуфляж и надел элементы бронезащиты: бронежилет и пластины для защиты рук и ног. На голову нацепил толстый шлем, из-под которого торчал провод гарнитуры, ведущий к радиопередатчику на поясе.

Несмотря на габариты и экипировку, двигался Ермолин почти бесшумно. В руке он держал вскрытую банку тушёнки, из которой ножом доставал куски мяса. Заметив мой взгляд, он протянул мне её. Там оставалась ещё половина.

— Взял у твоих ребят, угостили. Кто это говорил с тобой?

— Не узнал по голосу? — спросил я и взял тушёнку.

— Не-а.

Банка горячая, но мясо едва тёплое. Я вытащил кусок своим ножом, а Ермолин отломил мне ломоть подсухшего хлеба.

Пришёл Джамал, сел рядом с нами. У них какой-то разговор ко мне, а мне некогда долго чесать с ними языками. Но эти двое — профи, с которыми надо работать и дальше. Нам нужна разведка.

— Это был имперский генерал Конрад Рэгвард, новый главнокомандующий, — пояснил я, возвращаясь к разговору. — Его дед и мой прадед во время Второй Гражданской воевали на одной стороне. Были друзьями. Мы с ним разговаривали до высадки.

— А, вот оно что, — Ермолин закивал. — Это радует. Рэгвард — старый пень, его наверху не любят, но он своё дело знает.

Радист окликнул меня и протянул мне гарнитуру, я её надел. В эфире хаос, все путали новые позывные, а на заднем плане гремели взрывы. Бардак никуда не делся, но того, кто выдал себя за нас, здесь больше не было.

— ... едва держимся! Нужно...

— ... противник предлагает сдаться...

— Да пошли его на... — следом мат и нервный смех.

— Отставить матюгаться. Это общий эфир!

— Гранит-2, Гранит-2, — услышал я чей-то голос, очень чётко. — Это Утёс-2, приём.

— Слышу вас, Утёс-2. Приём, — произнёс я.

— Вот ты устроил заварушку в штабе, Гранит! — голос в динамиках гарнитуры рассмеялся. — Давно такой не видел!

— Мы в эфире, — напомнил я.

— Точно. Двигаюсь к вам, Гранит, потому что мы здесь не удержимся. Столько карандашей и коробок потерял. Приём.

— Принято, Утёс. Встречаем. Конец связи.

Я снял гарнитуру и посмотрел на разведчиков.

— Короче, мы возвращаемся к своим, — сказал Ермолин, доедая хлеб. — Майор Чан приказал. Но его мы оставим у вас. Не можем его нести, там надо через реку выбираться, на своих двоих. Он так приказал, — добавил разведчик, будто оправдывался.

— И вам нужно прорываться отсюда, — добавил Джамал. — Или обложат со всех сторон. Особенно теперь, когда им стало известно, что подкрепления сюда не пойдут. А если взорвут мосты, — он поцокал языком, — то это смерть для тех, кто остался.

— Не выпустят. Поэтому нам нужно захватить переправу вот здесь, — я показал на карте, — и проследить, чтобы её не взорвали.

— Там Первый банк Инфиналии, — тут же узнал Ермолин. — Это крепкий орешек. Они там капитально засели, не выкуришь.

— Банк хотели взорвать с крепости, — добавил Джамал, проведя пальцем по карте. Под ногтем видно чёрное пятно синяка. — Но император запретил.

— Памятник архитектуры времён Таргина Великого, — засмеялся Ермолин. — Но будь я на месте Таргина, я бы эту хрень сам взорвал своими небожительскими фокусами. Уродство, а не здание.

— У тебя людей не хватит для штурма, — серьёзно произнёс Джамал, глядя на меня. — Там и раньше сидело не меньше роты, сейчас может быть ещё больше, а у тебя неполный батальон.

— Поэтому нужно связаться с другими отрядами. К нам идёт Утёс, — я сверился с позывными, — это огранцы, танкисты из Третьей Мардаградской бригады. А в окрестностях ещё много тех, у кого нет новых кодов. Без связи не обойтись.

— Это да, — Ермолин кивнул.

— Я сейчас выполняю обязанности командора, — добавил я. — А командор на земле представляет саму крепость и командует всеми имперскими силами в районе при необходимости.

— Это так, — разведчик снова кивнул. — Но к чему ты это?

— Мне нужны вы, чтобы связаться с остальными. А кроме вас этим заняться некому. Вы сможете пробраться куда нужно.

— У нас приказ, командир. Мы возвращаемся, а потом снова придём сюда с новыми приказами. Так уж положено, это наша работа.

Я посмотрел на тело командора Шлейна. Мы уже оттащили его в сторонку, но не в общую кучу, где лежало достаточно много покойных. Последняя честь умершему командиру.

— Я принял на себя командование, — твёрдо напомнил я, — поэтому я отменяю приказ майора Чана. Вы поступаете под моё руководство.

— Мы не подчиняемся десанту, — заспорил Ермолин.

— Вы подчиняетесь крепости. А на земле её представляю я, пока крепость не пришлёт нового командора. Но когда у нас выйдет, мы эвакуируем всех раненых. И вашего майора тоже.

Не зря же они везли его через весь город. Не хотят бросать.

— Ну, командир, — Ермолин хмыкнул, переглянувшись с товарищем. — Ну, придумал... Слушай, ну раз такое дело... Что скажешь, морда ты пустынная? — он повернулся к товарищу.

— Обстоятельства позволяют такое, — Джамал кивнул.

И у обоих стал такой вид, будто они почувствовали облегчение. И я их понимал. Сложно уйти в безопасное место, оставляя друзей на верную смерть. Мало кто не чувствует себя последним гадом в такой момент.

— Какие приказы, командир? — Ермолин смотрел на меня.

— Приказываю наладить связь с другими подразделениями в районе, — я посмотрел на каждого по очереди. — После этого мы должны перегруппироваться и атаковать банк до полуночи. Но первым делом — обезвредить снайпера.

— Принято, — оба кивнули.

— Когда вернётесь с задания — поможете во время штурма. Надо определить их командиров, пулемёты, места для засад. И сапёров, чтобы не взорвали мост. Любую помощь я вам выделю. И не рискуйте собой, вы нам нужны.

— Само собой, кто же рисковать-то любит, — Ермолин засмеялся, вытер руки о штаны и кряхтя поднялся. — Пошли, смуглая рожа, найдём того снайпера, который пацанов стреляет, и отрежем ему кое-чего, — он похлопал по рукоятке ножа.

Оба разведчика ушли. Два профессиональных бойца на фоне неопытных пацанов. Но ничего плохого про десантников не скажу. Они отбиваются до сих пор, держатся, как положено десанту.

Я выбрался из подвала и вдохнул полной грудью воздух. Пропах гарью, но всё равно это было лучше той вони, которая стояла внизу.

Но на месте не стоял, сразу скрылся, чтобы меня не увидели из тех зданий вдали. А у входа остались носилки, на которых лежал боец, смотрящий в небо пустым взглядом. Снайпер развлекался и выбрал цель, которая не могла убежать. Наверняка хотел, чтобы тот орал и звал на помощь, приманивая новые цели, но тот умер раньше.

— Пусти! — один боец вырывался, пытаясь бросить к нему.

— Да всё, он уже умер.

Бойца прижали, пока он орал, а я заметил, насколько он и тот погибший похожи друг на друга. Да, точно, у нас же тут близнецы служат... служили.

А ко мне подошёл очень высокий мужик, пригибая голову. Ему уже давно перевалило за пятый десяток, но он недавно вернулся в армию добровольцем. С бритой наголо головой и трёхдневной щетиной, которую некогда было сбрить, очень широкоплечий и крепкий, старшина Ильин занимался хозяйственной частью батальона, но много воевал раньше и прекрасно понимал, что делать, чтобы бойцы не умирали пачками. Даже если для этого надо их гонять. Ещё и умудрялся следить, чтобы они не теряли человеческий облик, ведь все бойцы вокруг были чистыми настолько, насколько это вообще возможно в таких условиях.

— Господин капитан Климов! — он вытянулся, но беспокойно взглянул вокруг.

— Вольно, старшина. Как обстановка, Сергей? — неформально спросил я.

— Пока держимся, — он полез за сигаретами. — Везде хожу сам, помогаю взводным.

— Не тянут?

— Так они сами пацаны из академии, никого старше двадцати трёх, — вместо ответа сказал старшина и продолжил: — Но держатся. А инфы так и лезут. И там не просто сухари. Там ещё маячат бойцы из их пятой дивизии. Там целый батальон.

Мы встали у здания на площади, прикрываясь повреждёнными колоннами. Вся декоративная лепнина давно слетела, отовсюду торчала арматура.

— Слышал о них, — кивнул я.

Это элитная пехота из РВС Инфиналии, в полном составе перешли на сторону сепаратистов.

— Их командир — полковник Дайрин, человек грамотный, был имперским офицером, знает нашу тактику не хуже нас самих. Правая рука генерала Салаха, — старшина поморщился и снова посмотрел за мою спину. — Вы позволите? Гонять их надо, сопливые же ещё. Дети, без присмотра оставить нельзя. Только не коленки разбивают... а умирают. Снайпер этот сучий, уже десятка два моих пацанов положил. Раненых ещё добивает, кто ходить сам не может, не даёт унести.

Я кивнул, и он заорал на кого-то за моей спиной:

— Вы чё, мать вашу, сиськи мнёте?! Снайпер там сидит, забыли?! Живо по местам!

Орал так громко, что это было слышно отчётливо, несмотря на шум боя вокруг. Но замешкавшиеся бойцы побежали дальше, пригибая головы, а не стали засиживаться.

Вдали раздался выстрел, и научившиеся бойцы сразу пустили дым. Но спасти бойца не удалось. Двое несли носилки с раненым и только у входа поняли, что принесли труп. Я отсюда слышал, как они скрипят зубами от злости.

Ильин снова повернулся ко мне:

— Так вы же тоже ранены, господин капитан, — он посмотрел на мою окровавленную форму.

— Некогда отлёживаться. Что по бойцам?

— Раненых вы видели, покойники лежат в том подвале, — Ильин показал взглядом. — У нас остатки нашего первого батальона, это примерно две сотни боеспособных бойцов, и ещё те, кто прибил из второго. Есть ещё бойцы-региональники, но их мало. И несколько «шарфов», там есть снайперы, я одного посадил караулить вражеского.

— Что-то ещё, старшина? — спросил я.

— Бойцы из второй роты нашли заколоченный продуктовый магазин в подвале и обожрались просроченного творога, — спокойно сказал он и буднично добавил: — Теперь driшут.

— Сколько человек? Ходить могут?

— Семеро. Только до ямы и только бегом.

Кто-то сдавленно захихикал за моей спиной.

— Будешь смеяться, рядовой, — проговорил я, не оборачиваясь, — поставлю главным над этим химватальоном.

— Виноват, господин капитан, — сдавленно отозвался Пашка Шутник.

— Пусть сидят в тылу в стороне от остальных, — сказал я. — И смотрят, чтобы никто не полез из подвалов. И ещё пусть набивают патроны в магазины, пока не придут в себя. А в тот подвал никого не пускать. А то ещё заразятся.

— Есть, — отозвался старшина.

Говорил он спокойно, твёрдо, только голос хрипел, потому что ему приходилось много орать. Но он знал своё дело, и то, что отряд продержался так долго, когда выбило большинство офицеров, не в малой степени его заслуга.

А дальше ответственность моя. Я передал приказы ему и Флетчеру, хотя от Флетчера было не так много толку, раз он не мог говорить. Зато мог стрелять и жестикулировать, и в целом он не боялся боя. И бойцы его уважали.

Приставил к нему самого опытного сержанта, чтобы орал вместо него, и отправил с отрядом на юг, к аллее, чтобы держались там.

Наша задача понятна: перегруппироваться, дождаться союзников, контратаковать и выступать к банку. Сказать проще, чем сделать.

— Что со снайпером? — спросил я, увидев Ермолина.

Рядом с ним сидел высоченный парнишка в чёрной с золотом форме и шёлковым чёрно-жёлтым шарфом на шее, который уже пропитался грязью. В руке он держал тяжёлую винтовку с оптическим прицелом и очень массивным прикладом. Винтовка грозная, дорогушая ИПВР-22, а вот парня бил озноб.

— Караулим, — сказал Ермолин и похлопал по плечу парня. — Вот, гвардейца нашёл, а они же все поголовно снайперы. Да, боец?

— Т-так точно, господин капитан, — заикаясь, выдавил из себя «гвардеец».

Старшина говорил, что к нам прибилося несколько «шарфов», как прозвали бойцов императорской гвардии. Их тоже недавно ввели в город, думая, что эти высоченные парни титульной внешности, которые безукоризненно маршируют на парадах, легко победят врагов. Не вышло.

Этот — из «нерских» стрелков, одного из подразделений гвардии, в котором, как и у нас, в основном служат выходцы с севера, из Огрании. Слышал, у них суровые требования к меткости для вступления.

— Караулим гада, — Ермолин взял бинокль и присмотрелся на здания вдали. — Но он хитрый. Никогда два раза из одного места не стреляет. На живца его приманиваем. Ещё бы кого-нибудь зрячего, а я бы побегал, с того места бы его выманил.

— Давай помогу, — я прищурил глаза и достал тяжёлый бинокль.

— Лады, командир, — разведчик кивнул.

Вдруг, это тоже наёмник? А если наёмник, то из Дискрема, а я их тактику изучал в академии. Он где-то на тех домах должен сидеть. Если его не снять прямо сейчас, он ничего нам не даст сделать.

— Ладно, Ромка, — Ермолин посмотрел на снайпера и подмигнул, — карауль. Всё... — разведчик напрягся, чего-то ожидая, перебежал на другое место и махнул оттуда рукой. — Пошёл!

Из укрытия выскочил Джамал и побежал, причём на его голове был надет десантный тёмно-красный берет. Наверняка взял у кого-то из погибших офицеров. Снайпер мимо этой цели пройти не мог.

Бах!

Джамал упал, но закатился под грузовик.

Бах! Снайпер выстрелил в колесо, чтобы машина опустилась и своим мостом раздавила разведчика. Джамал едва успел выбраться.

Где же эта гадина? Я смотрел на крыши. Выстрел громкий, значит, он не так далеко. Если бы его увидеть... Он должен быть где-то на тех крышах на соседней улице.

А в голове снова начал набухать шар, металлический, тяжёлый, давивший на мозги. Как там, в подвале, когда я раскидал пустынников. И сейчас понимаю. Будто дух как-то учил меня этим пользоваться... может, даже против своей воли.

Ермолин, прячась за фонтаном, поднял каску и кусок зеркала, чтобы отсвечивала, будто это прицел. А гвардеец, сидящий рядом со мной, замер. Он искал цель, глядя в прицел винтовки.

А мне будто что-то царапало глаз, когда я смотрел на те крыши. Будто попала песчинка. Но нет. Она появлялась, только когда я смотрел на тот дом.

— Пятиэтажное серое здание, — шёпотом сказал я, — с красной крышей и дырой в стене от снаряда.

— В-вижу, — шепнул гвардеец.

Раздалось шипение, и его толкнуло в плечо. Но звука выстрела не было. Это Игниумная Пусковая Винтовка Риггера, которая выбрасывает пулю раскалёнными игниумными парами, а не порохом.

Я тут же поднял бинокль. Есть! Гадина, вот ты и попался. Это тебе за всех. Вражеский снайпер катался по крыше, вопя от боли, а вокруг разлеталась кровь. Пуля, несущаяся с огромной скоростью, просто оторвала ему руку. Но не думаю, что кто-то из наших ему сочувствует. И когда он скатился и полетел вниз, это встретили криками одобрения.

— Я п-попал? — спросил наш снайпер, удивившись этому.

— Молодчина, Ромка! — вернувшийся Ермолин его приобнял.

— Хорошая работа, — сказал я. — Как зовут, боец?

— Рома... Гвардии рядовой Загорский! — поправился гвардеец.

— Загорский? — удивился я. — Из тех самых?

— Т-так точно, господин к-капитан, — высокий парень потупил взгляд.

Сын или внук генерала Владимира Загорского, значит, а ещё прямой потомок и тёзка легендарного Молота империи — генерала Романа Загорского, жившего в прошлом веке. У них вся семья военные, целая династия. Выдающиеся, хотя вот насчёт нынешнего генерала Владимира говорили совсем другое.

Но этот вроде толковый парень, а ещё хороший стрелок.

Пока угроза миновала, и наши начали быстро переносить раненых в подвал. Раньше опасались носить из-за снайпера, который их караулил, добывая одного за другим. Теперь дорога открыта.

Но на этом всё не заканчивалось.

— Инфы идут! — произнёс Ильин, подходя ко мне. — С севера! Есть бронетехника.

— Встречаем, — сказал я и перехватил автомат.

— Занять позиции! — проорал старшина, подгоняя бойцов.

Начинается очередная атака.

Глава 6

«Таргин Великий (дата рождения неизвестна, примерно 41 г. до в.т.в. — дата смерти 537 г. в.т.в.) — легендарный завоеватель и правитель Юнитума, первый Небожитель. За свою сверхъестественно долгую жизнь превратил захваченные им разрозненные феодальные земли в могущественную империю, занимающую весь континент.

От Вторжения Таргина Великого в Юнитум ведётся современное летоисчисление в империи...»

— Имперская энциклопедия, новое издание 870 года

Пустынники шли в бой. Они использовали те же самые тактики, что и имперская армия, в такой же манере отдавали приказы. И совсем недавно они были частью империи, такой же, как и северяне из Огрании и остальные. Но всё изменилось.

Первая волна противника наступала, забросав всё перед собой дымовыми гранатами. Сквозь белую пелену дыма показались силуэты бегущих людей.

Я занял позицию в окопе. Отдельного наблюдательного пункта для меня не было, а стоять посреди открытого пространства, как свеча на ветру — верная смерть.

В нормальной ситуации сидел бы с картой у рации, но она уже давно не нормальная. Да и в десанте командиры всегда на передовой и даже первыми прыгают с парашютом во время высадки.

Поэтому я засел в недавно вырытом холодном окопе в третьей линии вместе с радистом и связистами, и стрелял лично, наблюдая за обстановкой из-за мешков с песком.

Над головой летели пули, трассирующие и обычные, некоторые рикошетили и визжали, а молодые солдаты вздрагивали.

— Не ссы! — со смехом прокричал ближайший ко мне десантник товарищу. — Если слышишь пулю — она точно не твоя!

Второй парень с оспинами на лице нервно засмеялся, но вдруг замолк, когда его каска дёрнулась. На ней появилась дыра аккурат напротив лба, а по лицу побежала кровь. Солдат упал без звука, товарищ на него посмотрел, а потом направил взгляд в сторону и начал туда стрелять, сжав зубы так, что это можно было услышать.

Все вели себя по-разному. Кто-то прижимал голову к земле, будто пытаясь спрятаться, кто-то пытался раскопать укрытие поглубже, накидывая перед собой камни и комья холодной земли. Но большинство стреляли.

Силуэты в дыму приближались.

— Подъём! — заорал старшина Ильин на слишком увлёкшегося копать солдата и сильно ткнул его в бок. — Стреляй уже!

Солдат-бинхаец стиснул зубы и начал палить в сторону врага автоматическим огнём, особо не целясь. Горячие дымящиеся гильзы сыпались на землю. Сильно воняло сторевшим порохом.

Где-то впереди, за зданиями в дыму, грохнул взрыв. Силуэты вдали залегли, но снова начали подниматься.

Я положил автомат на камни и комья земли и прицелился. Навёл оружие на врага и нажал на спусковой крючок, достаточно тугой. Выстрелил одиночным.

Приклад толкнул в плечо, но куда попала пуля, я не увидел. Следом пустил короткую двойку.

Та-та! Гильзы полетели вправо. Я увидел полёт трассирующей пули по пологой траектории. До самой цели.

Один силуэт упал. Кто-то вцепился ему за шиворот и потащил назад.

Огонь становился всё сильнее и сильнее. Зарокотал пулемёт позади нас.

Ту-ту-ту!

Было видно, как крупнокалиберные пули прошли по стене, выламывая от неё куски штукатурки и поднимая облачка пыли.

Следующая очередь срубила целую цепь нападавших, остальные залегли. Гранатомётчик нацелил трубу в сторону памятника, где стоял пулемёт, но я его снял.

Вспышки взрывов и выстрелов то и дело появлялись в дыму. Инфы пытались укрыться за давно сгоревшими машинами, но мы там почти всё заминировали.

— Третий взвод, работайте по дому! — во весь голос кричал старшина. — Вы чё там, мать вашу, сиськи мнёте?! Стреляйте!

Снова хлопнул взрыв посреди атакующих. Над головой пролетел снаряд из гранатомёта, оставляя дымовой след.

— Крыша! — я показал туда, заметив там силуэт.

— Понял! — отчаянно закричал Пашка Шутник, направляя в ту сторону автомат.

Длинные очереди трассирующих прошли по самому краю кровли, высекая искры. Силуэт, который я заметил, скрылся. Но блеск оптического прицела его выдал.

Туда направили пулемёт. Ту-ту-ту-ту-ту. Мощные звуки выстрелов прорывались через любой шум.

С этим снайпером было проще, чем с предыдущим. Его задело, он слетел вниз и больше не дёргался.

— Правый фланг! — крикнул я. — Огонь!

Со стороны проулка, где стоял сгоревший танк, выбежала целая толпа с дикими криками.

Это легковооружённая пехота из ополчения, даже не все были в военной форме. Бежали как придётся, бесформенной кучей. Но когда они подойдут ближе и закидают гранатами, то мало не покажется.

Я направил оружие туда. Бил короткими двойками, укладывая пули точно в цель. Ко мне присоединились остальные.

Нападающие быстро потеряли кураж: кто-то залёг, кто-то побежал назад, но многие двигались дальше.

— Не подпускать! — орал сержант с того направления. — Трофимов, ты чего там спишь?! Гранату кидай!

Бах! Граната попала точно в цель.

Правда, это я направил её в полёте куда надо.

С каждым разом пользоваться силами получалось всё лучше. Я даже обвалил одну колонну, за которой укрылся пустынный. Просто толкнул, мыслью, и она поддалась, засыпав врага.

А ведь может быть что-то ещё. Дух явно был сильный.

Ну а пока я перехватил автомат, положив руку на подствольник. Кто-то засел в том здании, кажется, пулемётчик, и он вот-вот должен был открыть огонь из окна.

Взял чуть выше, вспомнив, как на меня орал инструктор в академии, когда я не мог попасть в мишень.

Раздался хлопок, и граната полетела ровно в цель. Бах! Из выбитых окон повалил дым. Больше там не осталось никого.

Автоматические винтовки десантников палили дальше, к ним то и дело добавлялся рокот пулемёта. Во все стороны летели трассирующие пули, жужжа, как злые осы.

И враг отступил. Временно.

Поднялся ветер, принося с собой запах горелой ваты и тухлого яйца. Пошёл снег, совсем слабый, но грязи от него будет ещё больше. Хотя, казалось бы, куда ещё? Серая пятнистая форма у всех уже превратилась в однотонную коричневую.

— Будут ещё, — сказал я. — Готовимся, Сергей.

Старшина Ильин кивнул и побежал разбираться там, где у нас были недочёты.

— Второй пулемёт где?! Вы чего там, мать вашу, молчите?!

— Заело!

— Живо исправить!

Он гонял солдат, кричал громче, чем раньше, но его слушались.

А первая победа дала людям мысль, что ещё не всё потеряно. Все спешно снаряжали магазины винтовок патронами, готовили гранаты и рыли, рыли, рыли. Ковыряли землю, потому что это могло спасти жизнь, и десантники это уже поняли на своей шкуре.

Хорошо, что мы не на севере, и земля ещё не замёрзла. Лопатки звенели, попадая в камни, но не гнулись и не ломались, они достаточно толстые.

Повсюду валялись гильзы, втоптанные в грязь, трубы использованных гранатомётов, обрывки упаковок бинтов и выдавленные шприцы-тюбики с обезболивающим. Кровь смешалась с грязью.

Один солдат брезгливо отбросил от себя чью-то руку. Санитары и приданная им помощь оттаскивали раненых. Какое-то время было тихо.

Я слушал доклады с других направлений, а старшина проверял первую линию. Доносился его крик:

— Это что за яма? Это окоп или кролик норку вырыл?

— Так Мелкий же копал, господин старшина! — отозвался чей-то голос. — Ему-то в самый раз.

Из первой линии грохнул смех. Там засело отделение из первой роты.

— Каска где? — распекал старшина.

— Да у него там кость сплошная, зачем она ему? Любая пуля от ricoшетит.

Снова смех. Шутник, засевший неподалёку, хмыкнул.

— Отставить цирк! — рявкнул Ильин. — Найди себе каску!

— Есть!

Старшина вскоре вернулся.

— Пацаны ещё, — посетовал он, усаживаясь рядом.

— У наших выучка есть, — сказал я. — У РВСников всё намного хуже.

— Это точно.

— А что на той крыше? — спросил я, показывая на руины двухэтажного магазина. — Там хорошая точка.

— Хотели занести туда станковый пулемёт, но его повредило осколком, пытаемся починить, — Ильин сплюнул кровью из-за разбитой губы.

У меня тоже был железный привкус во рту, из-за мелкого камешка, который порезал губу. Но это беспокоило не больше, чем рана в боку, от которой я чуть не умер совсем недавно.

Оказывается, если не умереть сразу, то Небожители очень живучие. На это и намекал дух, когда хотел взять тело. И что же с ним случилось?

— У нас были гвардейцы, — спросил я, отвлекаясь от мыслей. — Там хороший снайпер, пусть сядет туда. И остальные тоже.

Тот высокий гвардеец с шарфом и его товарищи заняли новые позиции. Вскоре Ильин кричал на них уже охрипшим голосом:

— Живо на крышу! И не сидите там на жопе на одном месте! Позиции меняйте!

Гвардейцы-снайперы не спорили, подчинялись.

— Павел, — позвал я своего помощника. — Ты где?

— Здесь, господин капитан! — раздался голос из соседнего окопа.

— Заканчивай и подойди.

Шутник перевязывал раненого, что-то рассказывая ему на ухо. Тот лежал, стиснув зубы, но в какой-то момент не выдержал и издал смешок.

— Унесите, — сказал он товарищам и подбежал ко мне. — Что нужно, господин капитан?

— Мне нужны ещё такие гранаты, — я показал на подствольник. — И обычные, пару штук.

— Найду.

Он выругался и пригнул голову, когда снова начали стрелять. Новые выстрелы, следующая волна не заставила себя ждать. Но там не только пехота, мы слышали и лязг гусениц. А вода на дне окопа покрылась рябью от вибрации по земле.

Вражеский танк, который мы засекли давно, полз в нашу сторону.

И странное дело.

Что-то будто светилось за теми зданиями. Я вижу тот танк? Это сила духа так работает?

— Гранатомётчики, готовьтесь, — сказал я.

— Есть! — отозвался старшина. — Второе отделение! Вы куда?! Готовсь!

Танк пока не появлялся, но я будто его видел. Слабый огонёк за зданиями, синий, как фонарь в тумане или за плотной бумагой. Почему я его вижу?

А пока из-за дыма повалила очередная волна пехоты. Эти уже серьёзнее, тут более подготовленные бойцы из Пятой дивизии. Я прицелился и начал стрелять.

Та-та! Та-та! Та-та!

Но их командующий не торопился. Пока он просто проверял, сколько нас здесь. Он нападал то с одной стороны, то с другой, выбирая место, куда лучше ударить.

— Старшина, — сказал я, когда он подполз ко мне во время небольшой передышки, — что на юге у аллеи?

— Тихо, — отозвался он.

— Не нравится это мне.

— Мне тоже.

— Там капитан Флетчер, но у него мало людей. Нужно дать им ещё.

— Отправлю туда ещё отделение, — пообещал Ильин.

Загремел ручной пулемёт. С моей позиции было видно пулемётчика и солдата, который ему помогал, то прикрывая огнём, то набивая ленту, когда выдавалась свободная минутка.

Вот-вот должна была пойти третья волна нападающих, но иногда нападали небольшие отдельные группы пустынников.

Мы ждали.

Мимо пронесли раненого в плащ-палатке, он держался за живот и кричал. Некоторые привыкли к такому и уже не дёргались. Некоторые даже перестали вздрагивать, когда рядом что-то взрывалось.

У другого раненого на ногу вместо жгута был гвардейский шарф, хотя сам он пехотинец из РВС. Кто-то из гвардейцев отдал свой шарф, чтобы помочь соседу.

— Ложись!

Послышался высокий и отвратный визг летящих снарядов из миномётов. Но они накрыли не нас, а ударились куда-то со стороны врага. То ли это наши их обстреливали, то ли враги попали под дружественный огонь из-за чьей-то ошибки.

У пустынников тоже бывает бардак.

Но мне хотелось понять, откуда выползет этот танк. Я будто чуял его. И вскоре понял почему.

Танк, должно быть, очень старый, оставшийся с тех времён, когда их называли гусеничными панцирниками. И я мог уже различить его силуэт за стеной.

И я видел его, потому что в двигателе у него стояла свеча предка. Почти такая же, в которой находился тот дух в подвале.

В горящей каменной свече живёт дух давно умершего человека. А в старые времена такие свечи ставили в технику. Тогда ещё не умели делать мощные двигатели и правильно перерабатывать топливо — игниум.

Дух в свече, стоящей над двигателем, усиливал реакцию, минерал горел сильнее, и тяжёлые машины могли двигаться быстрее. Скорее всего, тот Небожитель оставил мне такую способность.

Ну давай, покажись, танк, проверю, смогу ли я тебя сдвинуть.

Но всё пошло не так.

Я понял, что с танком ничего не выйдет. Тот Небожитель в подвале, я будто видел его память. Или он сам показывал мне её...

* * *

Я стоял на вершине холма и видел совсем другую битву в другом месте и времени.

Будто само небо сражалось в этом бою. Сверху лился огонь, молнии и град, способный пробивать доспехи. Земля вздымалась, выпуская из недр огонь, лёд и магму. А ветер был такой силы, что разламывал каменные дома на куски.

Это совсем старые времена, ведь враги носили латы и держали в руках копья и мечи. Они скакали в бой на лошадях, а среди бронированных всадников то тут, то там были жрецы. Они все без оружия, в их руках были чёрные каменные свечи.

Ведь души предков, живущие в свечах, хранили тех, кто в них верил. И защищали от магии Небожителей. Огонь гас, не долетая до цели, град распадался, а ветер стихал. Вся мощь Небожителей была бесполезной против этого.

Тяжёлая кавалерия приближалась. Крики из множества плоток закладывали уши, а от топота копыт будто что-то переворачивалось в груди. Я мог разглядеть гербы на их доспехах и щитах.

А я... вернее тот, через чьи глаза я смотрел на бой, стоял на месте.

— Что нам делать? — Небожители неуверенно смотрели на меня. — Они не сдаются! Надо уходить.

— Стоять, — ответил тот, чьими глазами я смотрел. Тот самый голос, что я слышал из свечи. — Генерал, твой черёд.

Усатый мужчина в доспехах кивнул, посмотрел на приближающуюся волну тяжёлой кавалерии и хмыкнул. На его руках вместо наручей были плотно намотаны цепи, светящиеся изнутри красным.

Он поднял руку, и звенья звякнули.

— Готовсь! — закричали отовсюду.

Помимо Небожителей здесь были и другие войска. Наёмные пехотинцы наклонили вперёд длинные пики, а стрелки с мушкетами нацелились на волну всадников.

Генерал резким движением опустил руку.

И стрелки дали залп по кавалерии почти в упор...

* * *

В нос ударил запах пороха. Я снова в окопе, будто ничего и не случилось. Эти воспоминания заняли всего несколько мгновений реального времени.

Но как же давно было. Зато я понял, почему ничего не выйдет с танком. Предок в свече спасёт машину от любого Небожителя. Нужно другое оружие.

— Танк! — раздался крик. — Танк едет!

Зашипели снаряды, выпускаемые из гранатомётов. В воздухе остались едкие следы дыма от пролетевших зарядов.

— Куда, мать вашу? — заорал старшина Ильин. — Рано! Ждать!

Взрывы раздавались где-то в густом маскировочном дыму.

На какое-то время стало тихо, а после оттуда полился пулемётный огонь.

Одного десантника с гранатомётом срубило очередью, ранило второго, его сразу оттащили. А танк подался вперёд, стреляя из двух пулемётов на башне и в корпусе, не давая нам поднять голову.

Огромный старинный танк модели М-5 «Палач» с высокой башней выполз из-за руин и дымовой завесы, стреляя из пулемётов. Корпус широкий, с покатою бронёй и заклёпками по швам.

Краска на броне давно слезла, и танк казался рыжим. Болталось бревно, приделанное сбоку, оно всё норовило вылететь из креплений, а запасные траки на борту сидели прочно. На башне виднелась выцветшая эмблема — шипастый щит с молнией, герб одного из прежних Небожителей.

Гусеницы громко лязгали, перемалывая битый кирпич и обломки камня. Из выхлопных труб валил чёрный дым. Двигатель зарычал, когда машина раздавила сгоревший военный внедорожник, стоявший на пути.

— Почему он не стреляет из пушки? — спросил я. — Что это за модификация?

— Не могу знать, но он очень старинный, — отозвался старшина.

Танк не пытался подобраться ближе, а прикрывался руинами и остовами уничтоженной техники, продолжая вести огонь из пулемётов.

Ещё один десантник упал лицом вниз, задетый пулей, и больше не шевелился. Но его товарищи стреляли в ответ, не давая нагнать пехоте, что скрывалась за танком.

Бронемашина заехала за подбитую БД-49 и нацелила пушку.

Вот только вместо взрыва раздались гул и шипение.

Огнёмёт!

Из ствола вырвался длинный столб пламени в десятки метров яркого оранжевого цвета и ударил прямо по первой линии обороны. Обжигающий жар ударил мне в лицо, следом пришла вонь тухлого яйца, горелой ваты, оплавленной проводки и сгоревшего мяса.

Но крики, что донеслись оттуда, были громче всего. Пламя из игниумного танкового огнемёта накрыло целое отделение.

— Родненькие, вы чего? — старшина замер, уставившись на горящих. Голос дрогнул. — Ребята... Зачем туда-то палишь... сука! — вдруг заорал Ильин так, что в голосе послышались срывающиеся нотки. — Сжечь эту падаль! Огонь!

Стреляли все. Я тоже стрелял. А танк отходил, пряча свой корпус от гранатомётов за остовами уничтоженных машин. Но скоро появится снова.

Я не могу навредить ему напрямую из-за свечи духа предка, ведь предок будет защищать машину.

Но я могу повлиять на то, что происходит вокруг танка.

Эта гадина ответит за всё.

Глава 7

«Павел Громов (517 — 601 гг.) — первый император Юнитума, основатель династии Громовых. Небожитель. Низложил Таргина Великого. Заложил основы современного государства. Один из самых почитаемых героев прошлого...»

Алексей Громов (род. в 849 г.) — действующий император Юнитума. Взошёл на престол в 869 г. после трагической гибели своих старших братьев...»

— Имперская энциклопедия, новое издание 870 года.

Я быстро прикинул расстояние от танка до конного памятника с отбитой головой. Шанс есть, но надо кое-что сделать самому.

— Слушай мою команду! — начал я. — Третий взвод, отходим!

Старшина Ильин уставился на меня, не понимая смысла.

— Но ведь тогда танк сможет подъехать к зданию... — очень тихо сказал он, чтобы бойцы не слышали.

Я чуть кивнул и посмотрел в его усталые от недосыпа и напряжения глаза. Ильин понял всё или решил, что я знаю, что делаю. Он заорал, срывая голос:

— Третий взвод! Отходим быстро! Живо-живо! Хватит сиськи мять!

Дальность танкового огнёмёта не такая большая, а танкист хоть и управлял древним хламом, всё же понимал в позиционировании. Значит, чтобы жечь дальше, ему нужно продолжать скрываться за укрытиями. Но для выстрела потребуется ненадолго подъехать ближе и пустить новую струю.

В старое место он уже не полезет, его там ждут. Но было другое подходящее место — за памятником и полуразрушенным магазином, где мы его не достанем. И туда вёл удобный для него путь за развалинами и подбитой техникой.

Вот только пока он туда не идёт, чтобы не подставить свой борт под гранатомёты третьего взвода. Поэтому выбирает удачный момент, чтобы сжечь бойцов из третьего, а только затем продолжить путь.

Но туда его нужно выманить прямо сейчас. Пусть думает, что мы паникуем.

На втором этаже магазина наши развернули пулемёт, и тот стрелял, отсекая пустынников от танка. Поэтому расчёт пулемёта будет следующей целью для танка.

Ильин передал мой приказ, бойцы с правого фланга начали отходить, пригибаясь и перебегая от укрытия к укрытию. Ноги у некоторых разъезжались в грязи.

— Прикрыть их огнём! — приказал я.

Снова заголось пулемёт, защёлкали автоматы. Гулко ухали винтовки гвардейцев-«шарфов» с крыши.

— Нужно пять добровольцев на правый фланг с гранатомётами, — продолжал я. — Там есть укрытие.

— Ты, — тут же назначил «добровольца» Ильин, ткнув пальцем в ближайшего бойца. — И ты. И вы трое.

Отделение с тремя ручными гранатомётами заняло позицию, где я указал.

Но пока танк, эта гадина, не собирается показывать просто так.

Мораль наших бойцов упала, но они держались. Кто мог, помогал пострадавшей первой линии. Туда ползли санитары, прямо под выстрелами, пытаясь спасти тех, кого ещё было можно спасти. Раненых оттаскивали, тушили кого могли, а пустынники вели огонь по всему, что двигалось. Но они стреляли в кого угодно, только не в горящих.

Так сильно ненавидят нас, что готовы дать сгореть людям заживо, не добивая. И я слышал, как солдаты скрипели зубами от злости, наблюдая за этим.

Враг же продолжал давить. Маскировочный дым развеялся, и там показались силуэты наступающих пехотинцев. Но танк пока не показывался, он объезжал препятствия. Кажется, он клюнул.

За памятником императору Павлу Громову очень удобное для него место, откуда наши видно хорошо, а массивный постамент прикроет борт танка от наших гранатомётов. Если туда встать, жечь он может долго и эффективно, пока не кончится игниумная паста в баках.

Командир танка рассуждал так же. Я слышал, как грохочет двигатель, как гусеницы перемалывают битый кирпич.

Пашка Шутник тряс одного из десантников с первой линии. На веснушчатом лице солдата, запачканном копотью, не осталось ресниц, их опалило жаром. Он был в шоке, глаза смотрели куда-то сквозь Пашку, будто его не было перед ним. Обожжённые руки кое-как перебинтованы.

— Я на него воду из фляжки лью, — бормотал десантник, дико глядя перед собой. — А он не тухнет. Я на него воду лью, а он кричит и кричит. Воду лью, а он не тухнет...

— В себя приди! — Пашка со шлепком залепил ему по морде.

Солдат не отреагировал. Шутнику пришлось добавить ещё пару раз, прежде чем взгляд стал осмысленным.

— Ещё огнемёт! — раздался чей-то крик.

Обожжённый десантник заорал, пытаясь выскочить из окопа и убежать.

— Не пускать его! — приказал я, и его удержали.

У врага был и ручной огнемёт. Гадина какая, это же ИГХО-54. Ещё хуже, чем на танке.

— Снять его! — рявкнул я.

Но не зря я поставил гвардейцев на крышу.

Кто-то вскрикнул от страха, когда впереди что-то рвануло, а затем появилось целое облако ярко-оранжевого пламени.

Жар ударил мне в лицо, как и вонь тухлого яйца. Целая волна огня расплескалась впереди, накрыв наступающих. Но сейчас горели пустынники. Липкая горящая паста прилипала к ним, и ничто не могло её смыть, пока она не сгорала.

Попали прямо в бак.

И наши уставшие бойцы, совсем недавно с ужасом наблюдавшие за гибелью товарищей в огне, встретили этот взрыв злыми одобрительными криками.

— Горите, сухари ***ные! — кричали из окопов. — Суки! Как вам самим-то такое, а?

— Старшина, потом узнайте, кто стрелял, — сказал я. — Замолвлю словечко перед его командиром, пусть наградят.

Ильин важно кивнул.

Тот «шарф», можно сказать, спас много наших. Ведь у пустынников на вооружении были ИГХО-54 — игниумный химический огнемёт, куда заливалась игниумная паста, смешанная с маслом.

Хуже оружия нет, даже танковый огнемёт не приносил такие мучения, поэтому его везде запретили. Ведь такая паста намертво прилипала к любой поверхности и не гасла. Даже небольшое попадание пасты на кожу приносило тяжёлые увечья.

Но в этот раз оружие сыграло против них самих. Липкая горящая паста расплескалась вокруг, затормозив наступление.

А танк проезжал дальше, скрываясь за дымом.

— Он уже там, — я показал направление.

Пожалуй, только я один его и видел — по слабому синему свечению свечи духа в двигателе. Он за домами, объезжал препятствие и сгоревшие бронемашины, чтобы потом побыстрее добраться до укрытия и начать жечь.

— Откуда знаете? — спросил старшина, вглядываясь в дым и пыль. — Он может быть...

— Знаю, Ильин.

Я посмотрел на памятник. Это Павел Громов, император, живший много лет назад. Пустынники рушили имперские памятники по всему городу, но этому просто отбили голову, потому что он слишком большой, и так просто его не сломать.

Бронзовому коню отбили голову за компанию.

Рёв танка стал громче, он поехал, покидая укрытие, а огонь со стороны врага стал интенсивнее. Под гусеницами рвались противопехотные мины, но он давил их без вреда для себя, перемалывая камень и тела собственных убитых ополченцев и солдат, лежащих на пути. То ли не видел, то ли ему было плевать.

Но, скорее, командир хотел побыстрее занять место за массивным постаментом, ведь там было спасение. А когда он сожжёт пулемётчиков и стрелков на крыше здания, то враг пойдёт всеми силами.

Кто-то из гвардейцев на крыше не выдержал, испугался и побежал, но его срубило очередью. Наш пулемёт продолжал стрелять в сторону угрозы. Было видно, как пули высекали искры из брони в клубах маскировочного дыма.

С крыши пальнули из гранатомёта, но мимо.

Пора! Силуэт начал продвигаться быстрее.

— Готовьтесь! — я махнул рукой.

— Пошли! — закричал сержант отделения, увидев мой знак. — Головы пригибайте!

Гранатомётчики заняли новую позицию, где их не ждали, а танк, наконец, показался, на полной скорости пролетая мимо оставленного правого фланга. Башня на ходу разворачивалась в сторону пулемётной точки.

В него ударила одна граната, но она только сорвала запасной трап с башни.

А я смотрел на памятник. Говорят, этот император был Небожителем. Но такого он точно не умел.

Я сконцентрировался на памятнике и начал давить.

В голове будто проворачивался раскалённый шар. Причём он казался мне не гладким, а ржавым и покрытым колючей проволокой. Боль в боку нарастала, но я продолжал давить, одной только мыслью. Это никто не видел, для всех я будто наблюдал за боем. Никто не заметил, что я толкал землю в окопе перед собой. Но ладони чувствовали не грязь, а холодный металл.

— Не успели, мляха! — расстроено проорал кто-то рядом со мной. — Спрятался. Сейчас пожгёт пацанов!

Танк скрылся за постаментом, поймав ещё одну гранату, но без вреда для себя. Пушка чуть поднялась, на ней были видны остатки пасты, которая горела до сих пор.

Бронзовый конь весил тонны три, не меньше, а всадник примерно тонну. Я мысленно давил на задние ноги, туда, где крепления к постаменту уже ослабили от времени и обстрелов.

И я чувствовал, как поддаётся старая бронза, как трещит камень постамента и как лопаются крепления. Будто давил на них руками.

Надавил ещё, и две задние ноги коня подломились с протяжным скрежетом. Памятник качнулся назад, замер на мгновение, будто раздумывая, куда падать...

И памятник императору, которого иногда называли «Палачом», рухнул на танк, названный в его честь.

Удар был такой, что я даже почувствовал его через землю.

Тонны бронзы обрушились на башню и моторный отсек. Звон оглушил. Танк просел на катках, гусеницы вдавило в грязь, башню, направленную было на здание, сбilo в сторону и заклинило под весом памятника. Двигатель захлебнулся и заглох, пушка опустилась вниз.

А шар у меня в голове будто пропал, когда я перестал прикладывать силу. Рану в боку ципало, и только.

— Огонь! — услышал я команду сержанта.

Гранатомётчик из отделения дал залп, и граната попала прямо под башню.

Сначала раздался глухой хлопок, и из приоткрытых люков танка и дула вырвалось жаркое пламя красно-оранжевого цвета с густым чёрным дымом.

Пробило огнемётный бак за бронёй! Броня тут же раскалилась, загорелось бревно сбоку. Внутри танка начали рваться патроны от пулемётов. Жар стоял такой, что я даже вспотел.

— Не стрелять! Не стрелять! — кричал кто-то из наших злым срывающимся голосом.
— Пусть горят, суки!

Кто-то из экипажа попытался вылезти, но я увидел только силуэт в ярком пламени, который завалился на край люка и затих. Выжить в таком огне невозможно.

А силуэт свечи духа в двигателе будто стал ярче, я видел его сквозь раскалённую броню. Дух предка был в ярости. Но от такого он защитить не смог.

Бах!

Это рванул игниум в топливных баках. Взрыв был такой, что сломанный памятник сбросило вниз, в сторону отлетела целая бронеплита и обломки запасных траков.

— Горите, сухари ***! — кричали со стороны наших.

Взрыв огнемётного танка и пехотинца с ранцевым огнемётом среди строя подорвали уверенность пустынников. Мы вернули себе позиции и снова открыли огонь.

Наступали они уже не так отчаянно, неохотно, их силой гнали в бой.

— Всех представлю к наградам, — сказал я, когда бойцы вернулись.

Парни тяжело дышали, глаза дикие. Но всё же не испугались и сделали что нужно. Чтобы отомстить за наших, кто сгорел в окопах первой линии.

— Кто в памятник попал? — спросил Ильин. — Удачно вышло.

— Кеша, вроде, — бойцы задумались...

Так и не поняли, почему рухнул памятник. Но все решили, что это из-за гранатомёта. И пусть лучше так всё и остаётся.

Это простая предосторожность. Ведь когда-то Небожители правили этой землёй. А новым правителям не нужны слухи, что кто-то из Небожителей вернулся. Особенно из-за слухов, что нами правит самозванец...

* * *

Враги хоть и потеряли уверенность, но окончательно отступать пока не собирались. Их было больше, и они раздобыли ещё бронетехнику. У пустынников с ней всегда было плохо, и они в основном полагались на пехотные части, но всё же сколько-то бронемашин в их армии было. И они активно использовали старую списанную технику, которой место в музее.

Уже стемнело, когда мы подорвали две БП-52. Одна пехотная бронемашина сунулась к окопам, и её подбили из гранатомёта, и ещё одна подорвалась на mine.

Но шум двигателей не стихал. Вот только эти танки я уже не видел, ведь свечи духов ставили только в совсем старинные модели, а более новые машины делали без них, когда научились строить мощные двигатели.

— Второй взвод, готовьтесь! — раздалась команда впереди.

Показались два лёгких танка ЛТ-45 в пустынном камуфляже, следом шла пехота.

И один взорвался до того, как мы успели в него выстрелить. Взрыв был такой, что у него оторвало башню, и она рухнула рядом, придавив пустынника с ручным пулемётом. Второй танк попытался отойти, но после попадания снаряда качнулся и остановился с приподнятой пушкой.

Начали раздаваться взрывы, но не на наших позициях, а у врага.

Бах! Бах! Бах!

И следом злобно громыхали пулемёты. Очередной снаряд снёс уцелевший угол двухэтажки на соседней улице. Вдребезги разбило кирпичную трансформаторную будку, за которой кто-то укрывался.

Крупнокалиберный снаряд взорвал старый броневи́к, на котором пусты́нники нагло хотели прорваться, и он вспыхнул, как спичка.

Впереди были видны многочисленные следы трассирующих пуль, но стреляли не в нас. Пусты́нники то и дело падали.

— Наши! — обрадованно орал кто-то из соседнего окопа.

— Не высовываться! — приказал я и добавил тише: — А то ещё наши прихлопнут!

Угодившие с двух сторон в ловушку пусты́нники метались, но их косили с тыла, косили и мы. Кто-то наступал на них с востока, и бой шёл совсем рядом.

Наконец, с той стороны пустили несколько сигнальных ракет. Мы пустили в ответ свои.

Враг отходил на север к банку, умирая по пути пачками. А на площадь въехал первый союзный тяжёлый танк, выкрашенный в зимний белый цвет. Кто-то напутал с камуфляжем, думая, что здесь снег.

— Покажи, где мины стоят, — велел старшина ближайшему бойцу. — Чтобы не наехали.

Ещё один тяжёлый танк Т-36 «Молот» выполз из-за угла, разломав остатки кирпичной стены. На борту покатой башни виден знак пылающего копья и почти стёртая надпись «РВС Хитланда».

Следом шла пехота в бело-сером камуфляже и касках, но без бронежилетов. Это уже из Огрании, им выдали зимний камуфляж, но отправили на границы пустыни, а бронежилеты РВСникам не полагались.

Наши приветствовали их радостными криками, кто-то подходил с ними здороваться, хотя старшина и сержанты на всех за это орал. Одни были рады увидеть подмогу, а другие — дружеские лица, когда несколько дней видели только врагов.

Забавно, но сейчас пропало разделение на имперскую армию и региональничков, на гвардию и армейцев. С обеих сторон только усталые пацаны со взрослыми взглядами, которые уже натерпелись этих городских боёв, и вид союзников радовал, будто они встретили лучших друзей после долгой разлуки. Да и у всех форма настолько пропиталась грязью, что уже и не разберёшь, кто где.

Один танк, но уже не тяжёлый, а основной боевой Т-12 «Волк» из вооружённых сил Огрании, остановился перед первой линией. На броне сидело несколько человек. Один из них, вооружённый ручным пулемётом, бодро спрыгнул на землю. Надо же, какие люди.

— Ну что, командир? — заорал Ермолин, широко улыбаясь. — Приказ выполнен, принимай подмогу! Потеряшек по дороге набрали, — он махнул рукой назад. — Шли, шли — и на тебе, целый танковый батальон нашёл, заблудились по пути. А за ними ещё толпа пацанов! Все свои, имперцы! Нормально доехали, ребята! Спасибо за дорогу.

Разведчик показал танкистам и солдатам большой палец, вернее то, что от него осталось, и заржал.

— С возвращением. Где Джамал? — спросил я. — Он жив?

— Он пошёл на банк посмотреть, что там нового инфы придумали, — Ермолин высморкался в грязь. — А я этим хлюпикам дорогу показывал, чтобы снова не заблудились. Ладно, я пожрать, посрать, и дальше работать! Поспать бы ещё, да некогда, — посетовал он. — Джамал ждёт.

Он поправил ремень пулемёта и пошёл дальше, быстро и почти бесшумно.

А к нам стягивались ещё союзные войска. И их немало.

— «Утёс» пришёл, — сказал я, и старшина кивнул. — Принимайте их, Сергей. Доложите о потерях. И готовимся выступать.

— Есть! — отозвался Ильин.

Он пошёл выполнять приказ и собирать данные, а я направился к головному танку, чтобы поговорить с командиром прибывшей колонны.

Глава 8

«Генерал Владимир Загорский — командующий РВС Огрании, любимчик нового императора и главный кандидат на должность командующего имперской армией.

Кроме того, он сын контр-адмирала Александра Загорского, а ещё внук того самого Романа Загорского — знаменитого Молота империи.

Но глядя на "успехи" Владимира в различных кампаниях, можно сделать вывод, что военный талант отца, деда и прочих боевитых предков его не коснулся. Или он вообще приёмный...»

— Дитрих Хардален — военный историк, генерал вооружённых сил империи Дискрем в отставке.

Люк на башне танка распахнулся, и оттуда вылез командир. Разобрать его возраст было невозможно, настолько сильно его лицо было измазано чёрным маслом. Видны были только серые глаза и белые зубы. Комбинезон тоже чуть ли не пропитан маслом, шлемофон сдвинут на затылок.

Командир танка отстегнул провод гарнитуры, слез с башни на корпус и спрыгнул в грязь.

— Раненых у меня полный вагон, — сказал он без приветствия и прочих формальностей, очень громко. — Укрыть их надо.

— Разместите в подвале, старшина покажет, куда, — произнёс я. — Когда захватим переправу, то эвакуируем всех. Медикаментов мало, но всю возможную помощь окажем.

— Да есть у меня медикаменты, — танкист говорил громче, чем требовалось. Голос молодой. — И санитары есть. Даже доктор есть, хотя он алкаш. Да вот заняться пацанами негде. В машинах как можем их штопаем, прямо по дороге, а они и помирают, как мухи. Лишь бы место было, где ими заняться можно было бы. Нет же базы, кочуем с места на место, и везде жопа.

Он забыл об уставе и прочем, но я его не винил. Не на учениях и не на параде, у него все мысли о том, что делать с ранеными.

А командир достаточно компетентен, раз его батальон прожил три дня в этом аду и сохранил боеспособность. Ну а как он говорит при этом — дело десятое.

Он вспомнил, что забыл представиться, и протянул:

— Капитан Зорин. Командир второго батальона Третьей Мардаградской бригады, РВС Огрании.

— Капитан Климов, имперский десант летающей крепости «Императрица», — я протянул ему руку, и он крепко её стиснул. — Вы командуете, капитан?

— Больше некому, — отозвался он. — Колонну в первый день раздолбали. Столкнулись с картавыми на улице...

Так иногда называли жителей Хитланда за характерный выговор.

— ...ни проехать, ни уехать, а сухари как давай долбать по нам из окон из гранатомётов.

— Я видел там сгоревшие танки.

— Ну вот, брат, значит, представляешь себе, где мы оказались, — Зорин невесело хмыкнул и похлопал себя по карманам. — Блин, сигареты посеял. Короче, командир батальона помер, начштаба помер, я остался. Один, нахрен. А тут ещё прибились всякие, не бросать же.

Он говорил неформально, но сбавил голос, чтобы солдаты не слышали. А в его глазах видно огромное облегчение, что хоть что-то стало ясно и что рядом свои, что не надо больше прорываться в одиночку.

Зорин привалился к танку спиной, я встал рядом, оглядывая тех, кто прибыл.

— Какие силы привёл? — спокойно спросил я.

— Мой танковый батальон и с первого ещё несколько коробочек доехали, ещё всякая пехота прётся следом. Картавые идут в хвосте, — он кивнул назад. — Они нас не любят, брат, но деваться им некуда, с нами остались.

— Кто ещё?

— Нарландцы, островитяне, бинхайцы. Все, кто по пути прибил, всех забрали. Тут такой бедлам творится. А штаб вообще в каком-то своём мире живёт! Какие-то приказы отдаёт, непонятно что и куда. Сейчас вроде только очухались.

— А где сама бригада? — спросил я, оглядев тех, кто приходил. Маловато их для бригады.

— Основные силы сейчас штурмуют дворец Аристидов в центре, — Зорин скривился.

— И как там?

— Жопа, — ответил он. — Там командующий наших РВС хочет взять дворец до полуночи, чтобы отчитаться императору, видать, пока праздник не закончился. И кидает туда всех, кто под рукой. Нас бы тоже отправил, да мы на этих улочках застряли, заблудились. Танки в городе, мать их, — капитан сплюнул. — Мне ещё в академии вдалбливали, что так делать нельзя. А толку? Кто говорил, тот сам нас сюда и отправил.

— Наша задача важнее, — сказал я. — Если не возьмём переправу, всем конец. И тем, кто у дворца, тоже.

— Понял. Мы готовы. Куда деваться?

Зорин повернулся к своим и начал отдавать приказы:

— Давай бегом, пока принимают! Быстрее! Раненых грузи! Пока принимают! Второй! Ты куда поехал? Да не туда! — он побежал за танком, крича на ходу: — Коля, позови его по рации, сейчас снесёт же там всё, debil!

На площадь один за другим выползали танки и боевые машины пехоты. Бойцы второго батальона Третьей Мардаградской бригады прыгивали с брони и занимали позиции. Один танк чуть не ударился в магазин, на крыше которого залегли наши, но вовремя сбавил ход.

Бригада танковая, но пехоты в её составе много. Она считается элитной, гвардейской, ведь соединение очень старое и известное.

Но здесь, как и в императорской гвардии, элита была только на бумаге, ведь большинство бойцов — новобранцы.

— На всех парах к вам летели, брат, — Зорин выдохнул, когда раздал приказы. — Хоть на вашего разведчика наткнулись, а то бы заехали в засаду. А то в штабе, мать их, говорят: иди на Храмовую площадь, там наши десантники обороняются. А там вместо вас этих сухарей долбанных полный вагон. Несколько коробок там оставил, — Зорин стиснул кулаки. — А уж ребят моих покروшили... кому бы в морду за это плюнуть?

— Но вы умудряетесь держаться, — заметил я. — Три дня в пекле, и всё равно готовы к бою.

— А как ещё? — не скрывая гордости произнёс капитан. — Мы же Третья Мардаградская! Про нас даже кино снимали в прошлом году! Видел? Наш батальон там в массовке был! Битва за Нерск там была! Не видел? Танки старые завели, мы там ездили под камерами.

— Нет. Да и кинотеатр снесли, — я показал на руины, — так что не посмотрим.

Зорин хохотнул.

В это время пехота растекалась по окопам, танкисты переговаривались с нашими. Шли новые люди. Это хорошо, сможем взять укрепление такой силой.

— Как придут все офицеры, то на совещание, — сказал я. — И готовимся к выступлению.

— Понял, капитан. Пошёл гонять своих. Сделаем всё, как надо. А, вот ты где! — прокричал он кому-то.

Капитан махнул рукой в сторону только что прибывшего танка, который разворачивал корпус на маленьком пяточке между окопами, и побежал к нему:

— Ну-ка стой! — заорал он. — Я тебе чё сказал?! Я тебя урою, ты понял?! Ты нахрена его взял? Думал, я не увижу?

Крышка люка на корпусе со стороны механика-водителя откинулась, оттуда выбрался щуплый танкист, который держал в руках что-то похожее на грязную меховую сумку.

— Это чё за хозяйство ты мне тут развёл в танке? — кричал Зорин.

— Виноват, господин капитан, — проговорил танкист. — Некуда было деть.

— Не в танк же его тащить. Выпусти!

— Так потеряется. Или сожрут.

Я разглядел, что именно танкист держал перед собой. В руках у него был перепуганный енот с грязной, измазанной маслом шерстью, который прижимался к бойцу.

— Мимо зоопарка проезжали, — пояснил мне Зорин, когда вернулся. — А он, блин, зверя там подобрал, прибил к нему сразу. Жалко их, зверей этих, — добавил он уже спокойнее, — они-то откуда знают, что происходит. Сколько ещё постреляли там или осколками посекло.

Танки разворачивались, готовясь к наступлению, а мы продвинулись к ближайшим домам, благо, инфы оттуда отступили к банку.

Нужно провести совещание, но ещё не все офицеры прибыли.

Кроме мардаградцев здесь были и другие войска. Я уже насчитал десять танков, как основных боевых Т-12, так и тяжёлых «Молотов».

За ними шли бойцы в серо-песочной форме, это уже РВС Бинхая, их около роты. Это инженерные войска, но все вооружены. Бинхайцы в основном низкорослые и коренастые, но очень выносливые и упорные.

Они единственные в империи, у кого сохранился свой внутренний язык ещё со времён древних Переселенцев, хотя большинство из них говорили на том языке, что принят в империи.

Следом проехало ещё три танка, это осадная модификация «Молота» из РВС Хитланда. Пушка короче, но калибр больше, может стрелять ракетами и тяжёлыми снарядами против бункеров. За ними следовали боевые машины пехоты, ещё один тягач тянул двуствольную зенитную пушку ЗР-15.

С юга тоже подошли наши. Главный штаб на крепости и сам отдавал приказы, собирая людей для штурма, тем самым облегчая нам задачу. Не придётся бегать.

Что меня удивило, среди них были бойцы Сил Правопорядка Инфиналии, их полицейские спецвойска, ещё пара взводов армейцев и добровольцы. Это те, кто не перешёл на сторону сепаратистов и сражался за империю.

Смуглые бойцы-инфы с опаской смотрели на нас, а мы на них. Наши им не верят, думают, что эти в любой момент могут перейти на сторону врага.

И некоторые вполне смогут, но командование всё равно затыкало ими все дыры.

Прибыло около взвода морской пехоты, в основном островитяне из Калиенты, которые недобро смотрели на нас. Это всё последствия старой гражданской войны, она хоть и закончилась давным-давно, но недомолвки между народами остались.

Но только пустынные готовы продолжать ту бойню, остальные уже давно смирились и жили дальше.

Ещё были парни из Внутренних Войск империи, но их совсем мало. А в хвосте колонны подтягивались солдаты штурмовых частей РВС Нарландии, специалисты по городским боям.

Все их бойцы были в тяжёлых бронежилетах и массивных шлемах, а вооружены не автоматическими винтовками, а короткими пистолетами-пулемётами, гранатомётами и штурмовыми дробовиками. Среди них очень много сапёров.

Вот кого нужно было запускать в этот город — опытных штурмовиков, а не танки. Вот это как раз профессионалы, у них есть реальный боевой опыт. Это не пацаны-срочники, а в массе своей взрослые мужики, которым платят.

Теперь надо собрать эту солянку в одно войско.

— А я тут слышал, — Пашка Шутник, оказывается, крутился поблизости, — что нарландские штурмовики, когда строят дома, никогда не делают дверные проёмы. Они просто проламывают стену там, где хотят пройти, хе-е, — он засмеялся.

— Разговорчики, рядовой, — прервал я. — Там раненых выгружают, помощи.

— Есть!

Шутник побежал к грузовику с деревянным кузовом, придерживая автомат за ремень, и взял кого-то за ноги. Он что-то рассказал, похоже, ту самую шутку про штурмовиков, и оттуда раздался смех.

Старшина Ильин докладывал мне о потерях. Боеспособность батальон не потерял, но раненых стало больше, включая совсем тяжёлых. Если до утра не захватим переправу, потери увеличатся.

Я пошёл было к подвалу, но заметил, что возле памятника и сгоревшего танка собралось несколько человек из десанта. Ильин тоже заметил и уже пошёл разгонять.

— Чего там встали, мать вашу? — рявкнул он.

— Да ладно, старшина, всего один снимок, — раздался незнакомый мне голос с чуть картавым выговором жителей Хитланда. — И отпущу их.

Ильин посмотрел на меня и развёл руками. Я пошёл разбираться сам.

Среди наших десантников стоял очень высокий человек в чёрной шинели с погонами и портупеей и в фуражке. Его я не знал. Это взрослый мужик, ему где-то за сорок. Лицо с резкими чертами, будто высеченное из камня, прямо как с киноафиши. В целом он на какого-то актёра и походил. Даже умудрился побриться.

А где я его видел. Но зря он так стоит, в этой форме он хорошая мишень для снайпера. Хотя в войсках давно ходит анекдот, что за убийство таких офицеров вражеских снайперов не награждают, а штрафуют.

— Давай, ребята, плотнее, — проговорил прибывший и подтянул кого-то к себе. — А то ваш командир уже ругается. Улыбку!

Один из танкистов снял их на карманный фотоаппарат без вспышки.

— Всё, на позиции, бойцы, — сказал офицер, выпрямляясь.

— Да, господин инспектор!

Довольные бойцы стремительно отправились на позиции, обсуждая произошедшее, а их подгонял старшина. Я пошёл к тому офицеру, а тот увидел меня и пошагал мне навстречу, протянув руку.

— Бойцы просили сфотографироваться, не смог отказать, — уверенным твёрдым голосом сказал он и представился: — Офицер-инспектор Кеннет. Приписан к 12-й танковой дивизии Хитланда, но в данных обстоятельствах занимаюсь всеми нашими войсками в районе, раз других моих коллег здесь нет.

— Капитан Климов, имперский десант. Добро пожаловать.

Офицеры-инспекторы — особая каста в имперской армии. Их ещё называют офицерами по работе с личным составом или политическими офицерами, хотя этим их задачи не ограничиваются.

Они приписаны к каждому подразделению крупнее батальона. У нас был такой же, но он погиб. Они подчиняются напрямую имперским штабам и не отчитываются командиру части, где находятся. В основном инспекторы следят за выучкой солдат и боевым духом, а также наблюдают за политической лояльностью, проверяя, насколько все верны империи и императору, и не появится ли в армии один из модных на гражданке политических кружков.

А ещё инспекторы наблюдают за тем, как работает командир, и могут написать рапорт в штаб, если офицер не справляется. Поэтому их обычно не любят как рядовые, так и командный состав.

Но этот явно был другой.

— Если нет возражений, капитан, я хотел бы осмотреть ваши войска, — проговорил Кеннет и огляделся. — Проверю их боевой дух, и как они держатся. Хотя у вас нормальные ребята, можете ими гордиться, — он показал рукой вокруг себя. — Десант себя показал как положено. Не зря вы элита.

Моё разрешение ему в принципе не требовалось, у него собственное подчинение. Но он был вежлив и уважителен и умел себя подать.

— Бойцы у меня серьёзные, — сказал я. — У нас раненые в подвале, можете начать проверку с них. Раз вас все знают, инспектор, то будут рады видеть.

Думал, он будет упрячиться, но, наоборот, Кеннет оживился.

— Отличная идея. К ним я и отправлюсь.

Он пошёл в сторону здания. По пути расписался у кого-то в военной книжке, стрельнул сигаретку у бойца, ещё с кем-то сфотографировался. И что самое странное, его не только узнавали — солдаты будто были рады его видеть. Это странно.

— Это кто-то известный? — спросил я у Ильина, когда тот вернулся. — Его все узнают. И я его сам где-то видел. Но где именно — не помню.

— Да, известный, — он кивнул, — это же офицер-инспектор Кеннет. Он снимался во всех обучающих фильмах, которые показывают в учебках и академии, и на плакатах ещё раньше был. Известная личность, его даже по телевизору показывали, — старшина покосился на меня. — Ну да, вы вряд ли видели. Вы же недавно переехали.

* * *

— Всё готово, Шутник?

— В лучшем виде, — отозвался тот. — Почти как на моих проводинах в армию. Только водки нет.

— И не положено.

Это лучшее, что мы могли себе позволить в таких условиях. В подвальном помещении мы поставили стол с картой и фонарь, направленный на неё. И там же поставили еду, какую нашли. Есть будем прямо во время совещания. На столе стояли вскрытые банки тушёнки — жир застывший, но Шутник разогреет, когда все соберутся.

Тушёнка хорошая, её поставляют в крепость, и за качеством следят, у армейцев она была намного хуже. Я даже видел, как наши десантники тайком меняли банки на сигареты у других солдат.

Хлеб подсох, но мы уже привыкли к такому, съедим на раз-два. А вот канистру со спиртом из грузовика Джамала, которую он, по его словам, стащил у вороватого снабженца, я велел унести в госпиталь. Нам нужно собраться и быстро обсудить, а не напиваться.

Ещё были сухари, паштет, запечённая в золе картошка, правда, уже остывшая. Ну и как главное угощение — найденное где-то сало. Ещё была банка с маринованными огурцами и помидорами, срок годности ещё не вышел. Были банки с рыбными консервами, но их пока не вскрывали. Одну выкинули, она опасно вздулась.

Пока никто не прибыл, кроме двух разведчиков, которые смотрели на стол голодными глазами.

— Осмотрели подходы к банку, — сказал Джамал, гоняя во рту спичку. — Они там серьёзно укрепились.

— Сколько их?

— Не меньше роты. Пулемёты на втором этаже, снайперы на крыше. И сапёры уже возьмётся у моста. Под ним полно бочек, скорее всего, там игниум. И туда отступили те, кого

вы потрепали здесь. Они заняли несколько домов на ближайшей улице, придётся их оттуда выкуривать.

— Срань, — Ермолин покачал головой. — Там ещё стоит боевая ригга. Там темно уже, но она же, гадина такая, огромная, вот и увидел, командир.

— Вот же дрянь. Какая модель?

— Не видно. Древняя, ржавая. Как памятник, видать, где-то стояла раньше. Но завели и нашли боезапас для неё.

— Принято. Я собираю совещание через десять минут, — сказал я. — Вы тоже присутствуете.

— Будем, — Ермолин кивнул.

— Господин капитан, — в комнату забежал Шутник. — Старшина к вам отправил. Там на блокпосте передали, что какой-то штабной сюда едет. Вредный, парни говорят.

— К нам? — я уже пошёл на выход.

— Нет, он из штаба РВС. К танкистам.

И чего ему надо? Здесь командует имперская армия. Я пошёл проверять, пока было время.

Глава 9

«О происхождении Небожителей мы знаем крайне мало. Но одно я могу утверждать точно: никто из них не родился Небожителем, все стали таковыми после рождения. Как и Вы, господин Варга.

Главное, чтобы было кровное родство с кем-то из Восьми изначальных Небожителей, ведь все они пошли от самого первого — Таргина Великого.

Как Небожителем стал сам Таргин? А вот этот вопрос ещё сложнее, чем загадка о курице и яйце...»

— Из письма профессора Дэйра Лорду-Наблюдателю Огрании Яну Варга, 792 год.

Там, где танки разворачивались в боевой порядок для атаки, я увидел нового гостя, который даже не собирался говорить со мной.

Он только что приехал на штабном броневом автомобиле серого цвета с большой антенной. Все пароли у него были заготовлены, да и связь сейчас была, чтобы предупредить о приезде офицера.

Из машины вылез аж целый полковник. Седой мужик был похож на бульдога: вид грозный, щёки обвисли, ещё тяжело дышал. Форма с иголочки, а ботинки так блестели, что это видно на расстоянии.

Он вылез, наступил в грязь и поморщился. А после накинута на Зорина, который как раз стоял у своего танка.

— Немедленно возвращаетесь в расположение части! — громко говорил он, чуть вздёрнув нос. — Хватит прохлаждаться, капитан.

— Мне уже отдан приказ, — возразил Зорин.

— Какой приказ? — возмутился штабной полковник. — Генерал Загорский лично приказал вам вернуть батальон и участвовать в штурме дворца!

Вот в чём суть. Командующий РВС Огрании всё ещё пытается захватить тот дворец, чтобы объявить о победе в такой день, а людей не хватает. Представляю, какие там потери, целая мясорубка. Людей нехватает, вот и решили забрать у нас.

— Дворец? — Зорин не выдержал и закричал: — Да вы чего там? Штурмовать дворец? Да там любой танк выносят сразу, едва покажется. У них ракеты управляемые! Да проще ссать против ветра, чем штурмовать ту халупу!

Полковник побагровел, услышав это. Не привык, что уставшие офицеры на фронте могут спорить и ругаться. Большинство всё равно выполнит приказ, но свою точку зрения отстаивают многие.

— Да ты... да как ты смеешь? Это приказ командующего, — проговорил полковник сквозь зубы. — Так что собирай свои танки и срочно езжай на позиции. Или тебя обвинят в дезертирстве!

— Письменный приказ-то хоть? — съязвил капитан.

— Ты чё, самый умный? — полковник злобно прищурился. — Тебе сказано...

— Что происходит? — я уже подошёл ближе. — На каком основании вы вмешиваетесь в операцию имперской армии, полковник?

Тот злобно оглядел меня с ног до головы. Но как имперский капитан я ему не подчинялся. А вот Зорин был из РВС, и ему деваться было некуда. Такие уж особенности в имперской армии.

— Я забираю своих людей, — сказал полковник, смерив меня взглядом. — Всех огранцев.

— Нарушаете приказ верховного командования? — строго спросил я.

— Я не нарушаю, капитан, — торопливо сказал он. — Но приказ генерала Загорского...

— Все войска в секторе перешли под прямое командование имперской армии, — отчеканил я. — В том числе этот батальон и остальные.

— Вы всего лишь капитан и не можете...

— Могу. Я выполняю функции командора и представляю крепость. И на это я имею личный приказ главнокомандующего, генерала Рэгварда. А генерал Рэгвард, если вы забыли, находится в крепости, и рядом с ним присутствует император. Генерал Загорский хочет сам обсудить с ними этот приказ?

— Мы не нарушаем приказы крепости, — неуверенно пробурчал полковник. — Но в данных обстоятельствах, капитан, приказ отдан генералом Загорским, — с намёком сказал он, — и нужно посодействовать... сами понимаете, какие обстоятельства. Этого не забудут.

Ага, намекает, что Загорский может стать имперским генералом и будет командовать нами всеми. Но этот фокус со мной не пройдёт.

— Исключено. Мы выполняем свой приказ, полковник. И этот батальон в нём задействован.

Эта штабная крыса знает, что не прав. Просто полковник хотел действовать наглостью и увести батальон, не думая, что кто-то будет с ним спорить.

Но с командором Шлейном это бы не прошло. Не пройдёт и со мной. А кто-нибудь другой такой напор и не сдержал бы. Ведь Загорский — родственник императора и его любимчик, и скоро может стать очень влиятельным. Да, до знаменитого деда ему далеко.

Но мне-то надо взять банк, или мы тут все сдохнем, и что хуже — сдохнем впустую. Включая тех, кто сейчас штурмует дворец.

— Приказы капитана не обсуждаются, ведь он представляет крепость, — произнёс подошедший к нам офицер-инспектор Кеннет. — Все РВС подчиняются имперскому командованию, а батальон задействован в нашей операции. Неужели вы хотите нарушить устав, полковник?

— Нет. Но я...

— Так какие вопросы? Или мне провести инспекцию в вашем штабе?

— У нас там всё хорошо, — торопливо произнёс полковник.

Подавленный штабист вскоре уехал, не дожидаясь инспекции. Кеннет смотрел ему вслед.

— Загорский хочет стать имперским главнокомандующим, как и его дед, — он усмехнулся. — Правда, до деда ему далеко. Вот только с ним уже бояться спорить, как и с его подчинёнными. Вы, похоже, первый за долгое время, кто осмелился. И я заодно.

Кеннет будто хотел что-то добавить, но промолчал и ушёл.

— Вот только генерал запомнит, — тихо сказал Зорин.

— Вот станет имперским генералом, пусть тогда и вспоминает, — ответил я. — А сейчас у нас работа. Ты с нами, капитан. И письменный приказ будет. Все на совещание.

— Покажем им кино, — он усмехнулся и уважительно посмотрел на меня. — А ты не промах, Климов, как я вижу.

— Да ты, я вижу, тоже, Зорин.

Капитан засмеялся.

— А вы, Климовы, тоже дальние родственники императора? — спросил он.

— Очень дальние. Даже слишком дальние. Пошли.

Времени мало, но необходимо провести совещание, чтобы потом не гибнуть впустую. На город уже опустилась темнота, но впереди горят огни. Ещё мы видели лучи прожекторов, освещающих небо. Они стоят как раз там, где банк, который нам предстоит взять.

* * *

В прокуренную каморку, подготовленную для совещания, набилось столько офицеров, что не продохнуть. Почти два десятка человек, от молоденького лейтенанта-связиста только

что из учебки, который до сих пор вздрагивал от миномётных взрывов, до толстого и седого подполковника инженерных войск РВС Бинхая.

Здесь люди со всей империи. Некоторые были ранены, кто-то легко контужен, кто-то просто зол, а один выпил, что чувствовалось по запаху.

Пока ещё не началось совещание, они говорили все разом, и каждый обсуждал что-то своё. Кто-то спорил, кто-то просто выговаривался. Но поглядывали на меня, ждали, когда я начну.

Ну и ели, что было на столе. Вернее, набивали желудки перед штурмом, который вот-вот начнётся. Хотя один, уса́тый, в чёрном мундире офицера из штаба, аккуратно ел с салфеткой и неодобрительно косился на сидящего рядом Зорина, который выгребал мясо ложкой прямо из банки. Танкист привёл себя в порядок, и наконец-то стало видно его лицо, но комбинезон так и был покрыт чёрным машинным маслом.

— Как состояние? — я заметил капитана Флетчера в углу.

Тот что-то промышал в ответ. Он очень хотел есть, но толком не мог. Немного попытался и снова повязал повязку с печальным видом. Как я узнал от санитаря, пуля выбила ему передние зубы и порвала губу.

— Ничего, Юджин, прорвёмся, — подбодрил я.

Нас с ним взяли в десант одновременно, и мы жили в одной каюте на крепости. Хотя поначалу я думал, что он чистоплюй, раз уж потомок одного из самых старинных домов Нарландии. Но он показал себя с другой стороны, трусом не был, как не был и брезгливым.

— Ш-шмотри, Дима, какие шапки наш-шёл, — с трудом прошепелявил он под бинтом. — Ещ-щ-щё ес-с-ть. Надо?

И постучал каблуками о бетонный пол. Я посмотрел вниз. А ботинки новые, такие носят офицеры в армии Дискрема, и такие поставляли сепаратистам. Очень удобные, а главное — непромокаемые.

— Тащи.

У Флетчера был талант находить разные хорошие вещи. Он кивнул и отрезал кусок хлеба новым блестящим ножом. Тоже наверняка трофей.

Я сел за стол и оглядел всех. Кто-то замолчал, но на противоположном краю продолжалась ссора:

— Вам нужно не возмущаться, мессир майор, а идти в бой, как того требует долг перед империей, — услышал я чей-то голос с певучим акцентом среди общего шума. — И я вообще не понимаю, как такой, как вы, может...

Так говорили жители Мидлии — центральной области империи. Смуглый темноволосый штабист с тонкими усиками осуждающе смотрел на собеседника.

А тот встал во весь свой немалый рост. Высокий небритый мужик со шрамом на щеке и повязкой на лбу со следом крови, навис над уса́тым. Голос у него очень громкий и грубый, с надрывом:

— У меня всего рота осталась! — прогрохотал он. — От целого батальона первоклассных специалистов городского боя! Потому что вы там, мать вашу, в своём штабе, всё перепутали, и мы дошли в пустыне! А потом нас перебросили сюда, потому что в городскую застройку бросили танки, и их там посжигали! А наоборот надо было! По уму! Вы там в своей крепости совсем от жизни оторваны!

Это говорил майор из нарландского штурмового батальона, очень высокий мужик, даже выше любого десантника. И говорил так, что заглушил всех.

Стало тихо, только Флетчер что-то одобрительно промышал и начал точить нож между делом.

— Вы много себе позволяете, — неуверенно проговорил штабист-уса́ч. — Это граничит с изменой.

— Да я тебя сейчас... — нарландец подался вперёд.

— Спокойнее, — прервал я. — Вы же офицеры.

Майор-нарландец опустился на место. Штабисты, их, кстати, было двое, тоже расселись. Они из крепости, должны были находиться в армии РВС Огрании, но из-за бардака попали в засаду, и выжившие добрались сюда.

Второй, вроде бы был более компетентным, хотя и помоложе. Лицо смутно знакомое.

Я начал говорить. Думал, что гладко выступить не смогу, ведь речи никогда не читал, но получалось само собой.

— Наша задача — захватить этот банк и переправу рядом с ним, — произнёс я, показывая карту. — Крепость серьёзная, захватывать её опасно, потери будут. Но не брать её мы не можем. Если утром взорвут мосты, и мы останемся здесь надолго, без снабжения и с множеством раненых. Другого шанса прорваться может уже и не быть.

— Брать опасно, а не брать ещё хуже, — спокойно добавил второй штабист с погонями майора. — Такая вот ерунда, господа. Но я думаю, начинать штурм надо сразу после собрания, иначе мы не успеем.

Высокий и крепкий светловолосый мужчина тридцати с небольшим, с перебинтованным лбом и точкой ожога от пороха на щеке, внимательно следил за мной. Левая рука висела на перевязи. Штабист, но вид у него боевой.

— Варга, как всегда, говорит дело, — сказал нарландский майор-штурмовик.

Понял. Второй штабист из дома Варга, а это очень известная фамилия на севере. Видел портрет одного из его предков.

Ермолин и Джамал начали доклад о том, какие силы ждут нас на месте. Офицеры недовольно загудели.

— Боевая ригга, — проговорил капитан-танкист из Хитланда. — И чем мы будем её отгонять?

— У меня есть для неё подарки, — с усмешкой сказал Зорин. — Залежались у нас снаряды с сердечником из прессованного игниума. Они эту риггу в решето превратят, а внутри всё выжгут.

— А если у неё ракеты? Она целый квартал снести может.

— Могла бы — давно накрыла. Скорее всего, это просто пугалка. Но пулемёты и пушки могут работать, пехоту крошат. Надо её выманить, и мы с танков её добьём.

— А если не выманит? — спросил хитландский танкист. — Пойдём в обход? — он показал на карту. — Здесь укрепления не такие мощные. А вот банк стоит неудачно, вокруг него открытая зона. Пехоту будут класть на подходе пачками, им там негде укрыться. Или за танками укрываться? Так нас самих пожгут!

— У каждого пять минут, чтобы высказаться по делу, — сказал я, когда все начали галдеть.

Я капитан, а здесь находились майоры и подполковники. Но фактически выполняю задачи командора с молчаливого одобрения штаба, да и десант крепости приравнен к гвардии, поэтому моё звание считалось на два чина выше, чем в армии.

— В этом районе очень развитая сеть подземных коллекторов, — начал высокий майор-штабист Варга. — Если получится прорваться там, то сможем выйти прямо у них под носом.

— Во-первых, может быть засада, — подал голос пехотный офицер из Калуросы, сняв очки, чтобы протереть. — Во-вторых, эти коллекторы они знают лучше нас. А ещё у них там могут засесть огнемётчики и жечь коридоры.

— Тогда лучше заминировать все проходы с нашей стороны, — предложил Варга.

— Отправлю своих сапёров, — подал голос подполковник инженерных войск и вытер вспотевший лоб. — Поставим мины, но подрывать пока не будем. Как полезут, так и подорвём всё им на бошки!

Собрание одобрительно загудело, идея всем понравилась. Не хватало ещё, чтобы в тылу внезапно возникла рота пустынников.

— Вот какое предложение есть, — проговорил штурмовик, когда мы обсудили дела с сапёрами, и показал на карту. — Вот эти дома будут мешать проехать нашим танкам. А артиллерию туда наводить не дают. Так что их возьмём мы.

— Они же далеко в стороне, — подал голос второй штабист, усач. — А приказ — взять банк! И пока мы будем тратить время...

— А как ты собираешься брать банк, если в тылу враг? — рявкнул штурмовик. — Дайте мне в помощь пару рот и бронетехнику, — он посмотрел на майора-хитландца из танковых войск. — Ваши тяжёлые танки.

— Для чего она вам? — спросил тот.

— Пушай палят по первым этажам. Пушки большие, фугасы мощные, скорострельность не важна. Какие-то дома сложатся, какие-то нет, те мы и возьмём. Проломим стены и ворвёмся, а дальше дело техники.

— В этих домах могут быть мирные жители, — заметил усатый штабист. — Нужна их эвакуация. Император велел защищать их.

— Салах посадил туда гражданских не просто так, — добавил офицер-инспектор Кеннет.

Он тоже присутствовал и имел на это полное право. Инспектор только что вскрыл банку из сухпайка и ел кашу своей ложкой.

— Если мы их заденем во время штурма, то он снимет это на камеру и покажет на весь мир. Он такое любит. Но в данном случае я заявляю, что на кону многое, и риск оправдан. У меня возражений нет, можете занести в протокол. Если его кто-то пишет. Никто? Ну ладно.

— Но... — начал было спорить усатый штабист-мидлиец.

— Среди лояльных нам пустынников есть полицейские силы, капитан, — вмешался я. — Без боевого опыта штурма укреплений, поэтому в атаке будут бесполезны. Вот пусть займутся эвакуацией гражданских под нашим и вашим контролем. А заодно осмотрите все подвалы и заминируйте, чтобы никто не пролез.

— Сделаем.

Ну и заодно не опасаться, что они перебегут к врагу или ударят в тыл. Пусть занимаются делом.

— Что насчёт ригги, Зорин? — спросил я. — И как будем использовать твои танки? Хитландцы будут помогать штурмовикам, но перед банком будут только твои машины.

— Так говорю же, как покажется, мы её продырявим! — заявил тот.

— А если не покажется? — засомневался штабной майор Варга. — Да и когда ваши танки выйдут к банку, то получают из окон, вы там будете как на ладони. Даже без ригги у вас будут большие потери в технике.

— А какие предложения?

— Я учился в Дискреме, в офицерской академии, если кто-то не знает, — сказал я.

Все замолчали, уставившись на меня. Кто-то знал и понял, откуда я такой вылез, но большинству было плевать. Кому дело до этой старинной истории?

— Слышал, — сказал Варга. — И чему там учили? Вспомнили что-то подходящее?

— Там была такая задачка на тактику. Штурм укреплённого дома в городе с помощью танков.

— Они тоже отправляют танки в город? — кто-то из пехотных офицеров засмеялся.

— Танк в городе — машина уязвимая, но не бесполезная, — заявил Зорин и недовольно посмотрел на неё. — Если её прикрывать, можно такое делать, ого-го! Кто тебе будет улицы расчищать и огнём прикрывать? Боевые машины пехоты? Там броня — смех один! Разведку дайте, прикрывайте пехотой и дымом — и мы себя покажем!

— У тебя три тяжёлых танка и основные боевые, — продолжил я, глядя на капитана. — Можно сделать огневую «вертушку». Карусель. Хотя наши преподаватели говорили: «метод непрерывного огневого воздействия танковыми группами», — я усмехнулся.

— Угу, вроде понимаю, о чём речь, — отозвался Зорин, немного подумав.

— А что это значит? — спросил офицер-инспектор Кеннет, морща лоб.

— Грубо говоря, выезжает несколько танков, небольшая группа. Стреляет шквальным огнём по банку, подавляет пулемётные гнёзда.

— Император запретил разрушать банк, — встрял усатый штабист.

— Он запретил разрушать, — недовольным голосом проговорил Кеннет, косясь на него. — Но насчёт того, чтобы по нему пострелять, возражений не давал. Отремонтируют потом, стоял почти тысячу лет, ещё простоит. А наших людей можно сохранить. Дальше, командор, — попросил он.

Танкисты идею точно приняли, уже вижу. А майор Варга что-то черкнул карандашом на карте, выбирая удачные места.

— Эти танки расстреливают боезапас в высоком темпе, — продолжал я. — Другие танки прикрывают группу, и во время отхода первой группой начинают сами вести огонь, чтобы не стреляли по отступающим.

— Верно говоришь, брат, — Зорин кивнул. — Надо их прижимать.

— Первая группа отходит, пополняет боезапас, возвращается и готовится занять место, когда для них его освободят. Вот так и будут меняться, а враг подумает, что у нас танков больше, чем есть.

Все одобрительно загудели.

— Но для этого надо уничтожить риггу, — напомнил я.

— Я предлагаю вот что, — взял слово Варга и взглянул на карту, будто с чем-то сверялся. — Сделаем вид, что всеми силами атаковали вот эти дома, с бронетехникой и прочим, — он показал карандашом. — Пара взводов, танк и бронемашину. Примут бой и отойдут, когда запахнет жареным...

— Будто мы хотим взять другую переправу, — развил я его мысль и наклонился над картой. — Или навести новую. Я видел мостовик в прибывших войсках.

— Он сломан, — подал голос подполковник инженерных войск. — Может только ехать, но по назначению не сработает. Да и ему тяжело ездить по этим улочкам, узкие сильно, не развернуться на поворотах, он длинный.

— Пустынники этого не знают, — возразил я. — Как только они решат, что мы решили навести переправу, то бросят риггу против нас, чтобы мы их не обошли. Ведь другой серьёзной бронетехники у них нет.

— И там её будут ждать мои пацаны, — Зорин широко улыбнулся и хлопнул по плечу усатого штабного офицера, который от хлопка вздрогнул и брезгливо посмотрел на след масла на мундире. — И встретим их с нашим незабываемым северным гостеприимством. Уж ваши-то деды об этом много чего могут рассказать, да? Хах, помёрзли вы тогда.

— Отставить, капитан, — сказал я, пока не началась новая свара. — Мы все в империи, на одной стороне. Кроме того, — продолжал я, — как только мы захватим эти дома, то расставим там гвардейцев-снайперов.

— Хорошая идея, — Варга кивнул.

— Но это всё не самое главное, — я посмотрел на разведчиков. — Как только они поймут, что мы идём на штурм банка, то могут сразу взорвать мост. Даже один сломанный пролёт усложнит нам задачу.

Ермолин спокойно смял опустевшую банку тушёнки, будто это была банка из-под пива. Её он отбросил в угол.

— И тут-то поработаем мы, — проговорил он. — Это наша задача. Пойдём с Джамалом иотрежем им все кабеля нахрен, чтобы эту срань не взорвали.

— Два человека мало, — добавил я. — Могу предоставить несколько надёжных парней, чтобы прикрыли огнём.

— Лады, командир. Мы пойдём чуть раньше, пока они ещё не стоят на ушах, а как начнётся — не до нас будет. А когда получится, то пустим сигнал — жёлтая и красная сигнальная ракеты, разом.

Вскоре совещание закончилось, все гурьбой повалили к выходу.

Остался только высокий майор-штабист Варга. Вот этот грамотный, в отличие от того усатого. Говорил он строго по делу. Только он ранен, хотя этого не показывал, лоб перемотан, рука висела на перевязи.

— Если вы ранены, майор, лучше подождать в подвале, — сказал я.

— Ерунда, — он отмахнулся. — Я упрямый, это же наша фамильная черта, — он усмехнулся. — Не слышали поговорку: «упрямый, как Варга». А мы же с вами родственники, кстати говоря. Мы же как раз вышли из Климовых три сотни лет назад.

Он протянул руку, и я её пожал.

— Станислав Варга.

— Дмитрий Климов.

— Раз ваш начштаба погиб, то готов принять его функции.

— Отлично, — я кивнул.

— Как говорили мои предки, — Станислав улыбнулся, — возмездие приходит с севера. И сегодня оно пришло.

* * *

Бойцы готовились к штурму, разделялись на отряды, занимали технику, проверяли боеприпасы. Много суеты, много нервов, но в то же время у всех было ожидание, что всё вот-вот закончится.

Шутник с восторгом смотрел, как один из крепких штурмовиков несёт в руках здоровенную волынку с очень длинной трубкой.

Это старая традиция нарландцев. Они шли в бой под волынки ещё тогда, когда все вокруг сражались на конях и мечами. И сейчас оставили. Да и любят они навести много шума, а волынка — очень громкий инструмент даже на войне.

До меня доносились отдельные реплики солдат:

— ...пацаны говорят, целую канистру спирта там вылили. Пулей пробило.

— А где вылили? Может, ещё в лужах осталось?

— Да в землю уже всё впиталось.

— А из земли можно достать?.. Ты же умный, придумай.

Где-то рядом ссорились.

— Ты мой сухпаёк взял!..

— С чего он твой-то? Это я его обменял...

— Отставить цирк! — рявкнул старшина Ильин. — По местам!

— Господин капитан! — окликнул меня молодой взводный Максимов. — Не знаем, куда девать. Не бросать же здесь.

Я думал, у него в руках фонарик, который он прикрывал ладонью, но это оказалось нечто другое. Лейтенант протянул мне горящую каменную свечу. Точно, из того огнемётного танка достали свечу, когда машина остыла. Пусть он и прикрывал врага, но это душа предка, а их почитают.

Огонёк свечи лейтенант прикрыл рукой, чтобы меня не осветило перед возможным снайпером. Я протянул к ней руку и взял холодный гладкий камень свечи.

«Убийца!» — послышался голос у меня в голове.

Я машинально отдёрнул руку. Но снова взял.

«Ты их убил!» — снова тот же голос.

«А твои танкисты пожгли моих ребят», — сказал я про себя.

Со мной говорил дух. Другой дух, именно из этой свечи, а не из подвала, голос совсем иной, помоложе. Этот предок охранял танк и усиливал работу двигателя.

Значит, тот Небожитель из подвала дал мне силу, чтобы я мог слышать других мёртвых. А может, я всегда это умел.

— Унеси к раненым, — приказал я.

— Есть!

Взводный передал свечу бойцу, и тот с ней убежал, но огонёк свечи я видел даже через него ещё долго, даже через стены.

— А вы с нами, инспектор? — спросил я Кеннета, который подошёл ко мне.

— Если мы не прорвёмся, нам конец, — он усмехнулся и достал портсигар. — Да и знаете, когда солдаты видят, что командиры здесь, а не где-то в глубоком тылу, они сражаются охотнее. Хотя бы из понимания, что офицер вроде меня в самую глубокую жопу не полезет и впустую рисковать не будет.

Кеннет засмеялся и встряхнул руку.

— Слишком много расписывался, — сказал он, но руку явно трясло от волнения.

— Ладно, будете со мной, — я кивнул. — Оружие есть?

— Уставное, — он похлопал по кобуре.

У него такой же ПР-18, как у меня.

— Павел, найди автомат офицеру-инспектору, — велел я Шутнику, который находился рядом. — Это надёжнее.

Я огляделся. Бойцы ещё не отошли после дневной атаки, а тут уже новая. Кто-то был воодушевлён победой, кто-то не очень. На совещании всё было просто, а на деле всё пойдёт совсем не так.

И всё равно, мы работаем.

— Выходим! — приказал я.

Глава 10

«Боевые ригги — шагающие машины колоссальных размеров — долгое время были основой военной мощи империи.

Но уже во время Второй Гражданской войны стало очевидно, что ригги устарели и легко поражаются ракетами и прочими бронебойными средствами. Тем не менее, благодаря своей впечатляющей огневой мощи и мобильности, они оставались на вооружении вплоть до появления летающих крепостей.

Сейчас они в основном используются как памятники, но многие модели остаются на ходу...»

— Военная история империи Юнитум, том 4.

Разом зарычали моторы танков, обдав всех гарью и вонью топлива. Машины поехали, перемалывая остатки камней на мостовой, и через грязь, которая была повсюду. Следом за ними ехали бронемашины пехоты и десанта.

А вдаль, на севере, за городом, начали хлопать салюты. Яркие вспышки, праздничные, разных цветов. Где же их там запускали? Там, где штаб Объединённой группировки? Похоже, пускают с крепости.

— Празднуют день Основания империи, — с горькой усмешкой сказал Варга. — Им там должно быть весело.

— А вы чего забыли в городе, майор Варга? — спросил у него Кеннет. — Вы же приписаны к штабу.

— С моей фамилией в тылу не сидят. Предки не поймут. Мой прадед шёл в бой даже после потери руки и глаза, и ничего. А это всего лишь царапина.

— Слышал. И фильм про него смотрел.

Салют продолжался. А у нас начался свой.

Сначала завопили волынки. Следом дали залп танковые пушки, и первая волна штурмовиков хлынула в здания, что мешали нам подойти и атаковать банк.

До меня доносилась стрельба: громкие пулемётные очереди, щелчки автоматических винтовок, быстрая пальба из коротких автоматов и уханье штурмовых дробовиков. А дополняли всё это взрывы снарядов из крупнокалиберных танковых орудий, когда мощные фугасы пробивали стены.

Над домами поднималась пыль и дым, хорошо заметный в зареве огня...

Мы развернули командный пункт в одном из зданий, чтобы наблюдать непосредственно за штурмом банка. Рядом со мной радисты, несколько офицеров связи и охрана. Стрелять самому не надо, сейчас надо вести в бой все разрозненные части нашей армии.

С моего места видно, как штурмовики невозмутимо пролезали в пробитые танковыми снарядами стены или делали новые проходы сами, ставя взрывпакеты в нужных местах.

— Нарландия! — доносился их рёв.

Бах! Бах! Взрывы гремели отовсюду, но их волынку всё равно было слышно.

Пустынники такой тактике совсем не умели противостоять. Следили за одним входом, а у них под носом появлялся новый, вместе с контузией и осколками.

Ревела волынка, палили пулемёты, а где-то рядом с банком запустились двигатели боевой ригги, которую обещал встретить Зорин. Двигатели ревели так, что мы его слышали даже на дистанции.

Пока всё по плану, по радиации отчитывались о ходе боя. Но всё ещё может пойти не так.

Враг готовился, хлопали сигнальные ракеты, взмывая вверх, орал сигнал тревоги. Лучи прожекторов с опаской скользили по небу, опасаясь атаки с воздуха. Где-то там же крутился радар.

А в свете прожекторных ламп и сигнальных ракет я видел сам банк.

Это старое здание с вытянутыми окнами во весь этаж, башнями на крыше и колоннами повсюду. А под крышей повсюду торчали старинные каменные статуи, напоминающие уродливых монстров.

Не похоже это на банк, скорее на древний храм или замок. Очень старое здание.

Но что-то цепляло мой взгляд, будто в глаз попала песчинка. Именно тогда, когда я смотрел вниз, на основание.

Это было именно такое же ощущение, как тогда, когда я заметил, откуда по нам стреляет снайпер. Зацепился взгляд.

И не только. Дух Небожителя, продолжая молчать, снова решил кое-что мне подсказать.

Я понял, на что он намекает. Или знал это, будто это знание поселилось в моей памяти, будто всегда там было.

— Шутник, — тихо позвал я. — В подвале с ранеными есть свеча предка из того танка. Принеси мне ту свечу.

— Но... э-э-э... Есть, господин капитан, — рядовой замялся, но вытянулся и кинулся выполнять приказ.

Он побежал вниз по лестнице, придерживая автомат за ремень. А я посмотрел на банк и вниз, на то, что было закопано под ним.

Должно сработать.

А бой тем временем шёл вовсю, а у врага мы видели то, что может нам помешать — боевую риггу.

Такие машины были основой военной мощи империи долгое время, пока окончательно не устарели. Вот только её орудия корабельных калибров могут вызвать много проблем.

Огромный десятиметровый силуэт бронированной шагающей машины освещался сигнальными ракетами и всполохами пожаров. Она шла не туда, куда нам нужно, и стреляла из скорострельных мелкокалиберных пушек, не давая пехоте действовать.

Но я видел не только сам шагочод. Чтобы сдвинуть эту массу, мощности двигателей того времени не хватало, и для этого внутрь ставили свечу предков, как на старых танках.

Ригга защищена от моих атак.

— Коробка, ***, куда ты поехал, ***?! — слышалось из радиостанции по нашему каналу. — Прикрывай нас! Там пулемёт на втором этаже!

— ... противник ведёт шквальный огонь из окон...

— У них там зенитка, ***! По нам стреляет!

— Подбили! Горю! Я Утёс-4, горю!

— Утёс-3! — послышался прерывающийся голос Зорина. — Прикрой Четвёртого!

— Снайпер на крыше!

— Сухари обходят!

Я вмешивался, отдавал приказы, реагировал на то, что происходит в бою. Хотел быть там, с остальными, но здесь от меня больше толку.

На улице постоянно мелькали следы от трассирующих пуль, захлёбывались пулемёты, вспыхивали взрывы и взлетали сигнальные ракеты.

Обстановка лучше не становилась, мы ещё не вышли к банку, а ригга никак не хотела уходить.

— Гранит-1, Гранит-1! — в эфире назвали мой позывной. — Это Базальт-5! Мы на другой стороне моста! Вы что там делаете? Конец связи.

— Это Гранит-1. Атакуем их, Базальт, — невозмутимо сказал радист, когда я кивнул.

— Отправлю свои коробочки, чтобы отвлекли их, — пообещал неизвестный мне офицер.
— Поддержите нас огнём.

Не знаю, кто это, но я был ему благодарен. Глянул в лист актуальных позывных. Ага, танковая бригада из Калиенты. Имперская армия стягивалась к переправе и с той стороны, и врагу придётся отвлекаться и на них тоже.

Инфы стояли насмерть, но и мы после всех этих дней уже не были мишенями. Парни научились воевать.

А запыхавшийся Шутник принёс мне свечу духа из того танка и стоял у входа в комнату, ожидая приказов.

— Что-то мне не нравится, что происходит внизу, — окликнул меня офицер-инспектор Кеннет, который с нервным видом смотрел на бой и на силуэт ригги вдали. — Хочу проверить, что там.

— Там должны были всё заминировать, — сказал я. — Но если есть какие-то опасения, возьмите несколько человек и осмотрите сами.

Думал, что инспектор передумает, заткнётся и больше не будет отвлекать. Но он не смутился и действительно пошёл в подвал. Несколько десантников отправились за ним по команде Ильина.

— Так, старшина, — сказал я, когда Шутник протянул мне свечу. — Проверьте, что на правом фланге. Они давно не отчитываются. Отправьте кого-нибудь. Может, рация у них отказала, может, что-то ещё.

— Есть! — отозвался Ильин и пошёл отдавать приказы.

Я взял в руки свечу, будто хотел помолиться предку. Никого это не удивляет, во время боёв многие становятся верующими. Но мне она нужна для другого...

* * *

В это же время, в подвале...

Подвал был сырой и тёмный, в нём пахло плесенью и кровью. Свет был только от самодельной свечи и пары фонарей под потолком, немного проникало через окна под потолком из-за огня снаружи.

На полу лежали раненые, а санитар перевязывал их раны. На первом этаже стреляли из пулемёта, его грохот был хорошо слышен внизу.

Офицер-инспектор Кеннет быстрым шагом спустился в подвал. Раненые уставились на него, а санитар замер с бинтом в руках.

— Вольно, ребята, — бросил Кеннет и поднял руку, показывая на стену. — Что там? Что за шум?

— Там сапёры, — подсказал санитар и вернулся к своей работе. — У них собака лает.

Там был ещё один проход, очень низкий, поэтому приходилось пригибать голову. Но за ним обнаружилось просторное помещение с проломом в стене, который спешно заделывали найденными здесь старыми шкафами и столами.

Город старинный, и катакомбы в нём проходили почти везде. Пустынники охотно ими пользовались.

— Там поставили мину, — объяснил мордатый сержант, — Вот пёс на неё и лает.

У одного из сапёров был лохматый поисковый пёс, рыжеватый, с очень большой головой и мощной пастью. Он так рвался к стене, что аж рычал. Молоденький солдатик едва его удерживал.

— Он на мины рычит, — проговорил он, опустился на колени и обхватил пса за шею.

Судя по его взгляду, сапёр будто испугался, что Кеннет разозлится и что-то сделает собаке. Но пёс лаял не на проход. Кеннет посмотрел на стену, которая привлекла внимание животного.

— Тише! — сказал он. — Там что-то есть.

Пёс заскулил, когда сапёр прижал его к себе крепче. Десантники переглянулись, один достал лопатку из чехла за спиной и аккуратно вставил полотно между камнями.

И укрытая в стене дверь начала открываться. Послышались голоса.

Кеннет выдохнул и перехватил автомат, стиснув пальцы на деревянной рукоятке и цевье.

— Готовимся, — тихо приказал он.

* * *

В это же время, на улице...

Внутри танка воняло гарью, тухлым яйцом от топлива и машинным маслом, но Зорин не обращал на это внимание. Он сидел на месте командира, прижавшись к резиновому наглазнику прицела. Боевое отделение трясло от каждого выстрела, но звуки экипаж не слышал, ведь в момент выстрела в микрофонах, встроенных в шлемофон, срабатывал щелчок, отвлекая уши от взрыва.

— Двигай отсюда! — орал Зорин. На его шее был закреплён кожаный ремень ларингофона. — Чё ты там встал? Утёс-4! Чё ты остановился? Потушили?

Он потёр ремень на горле. Вскоре в наушниках раздался голос:

— Не могу двигаться. Мехвода ранило...

— Так, Третий, выдвинься, прикрой их, — приказал Зорин. — Четвёртый, ты вообще уходи! Сёма, — окликнул он оператора-наводчика. — По второму этажу! Там пулемёт. Осколочным долбани!

В ушах снова раздался резкий щелчок, когда выстрелило оружие. Автомат заряжания сразу начал подавать другой снаряд. А снаружи продолжался бой.

Во время очередной вспышки сигнальной ракеты показались силуэты десантников, ведущих бой из-за укрытий, пока упрямые нарландцы взрывали стены и влетали в здания под жуткий вопль волюнок, чтобы вынести там всех, кто попадался под горячую руку. А танки прикрывали их огнём.

— На крыше! Сухари на крыше! — раздался чей-то голос в наушниках.

Загрохотал крупнокалиберный танковый пулемёт, трассирующие пули летели высоко в небо, пытаясь прижать тех, кто засел наверху. На третьем этаже что-то взорвалось, кого-то выкинули из окна.

Зорин увидел, как крепкий штурмовик в шлеме и бронежилете сломал об ногу древко красно-жёлтого флага пустынных сепаратистов и бросил полотно под ноги.

Снова очередной взрыв. На этот раз в соседнем доме, мощный, даже танк тряхнуло. В перископ было видно, как от стены отлетали куски штукатурки и кирпичей. Туда начала стрелять скорострельная пушка боевой машины десанта, что ехала следом.

— Третий этаж, — спокойно сказал Зорин по внутренней связи.

Башня начала разворачиваться. Приводы гудели, пока оператор-наводчик искал цель.

Щелчок спас уши от громкого выстрела пушки, а верхний этаж скрылся в дыму.

— Где же эта шагающая гадина? — тихо спросил Зорин сам у себя.

— Утёс-2! — послышалось в наушниках. — Шагоход на соседней улице! Он к вам идёт!

— Встречаем, — сказал капитан, и голос стал спокойнее. — Заряжаем игниумные!

* * *

Свеча духа нагрелась и обжигала пальцы, но я пока не говорил с духом. Пустынники пытались обойти нас с правого фланга, но наткнулись на зенитку, которую мы поставили там. На ней атака и захлебнулась.

Убедившись, что нас не обходят, я вернулся к духу предка, что жил в свече танка.

«Чего тебе нужно?» — спросил он.

«Мне нужен ты, — подумал я, зная, что он меня и так услышит, — твоя Эссенция».

Раньше я не знал, что это, никогда не слышал об этом. Но тот Небожитель, кто не так давно говорил со мной в том подвале, будто дал мне знать, что это такое. Или поделился памятью.

Это та часть души, что связана с игниумом. Души мёртвых после смерти уходят в этот минерал, делая его сильнее, как верили в империи. Но некоторые души, особенные, могут поселиться в особой свече и следить за миром из неё.

А Эссенция нужна для того, чтобы силы Небожителя проявили себя по полной. Но просто так её не взять, ведь после этого дух исчезнет, а не каждый решится на это.

Но если выбор стоит между давно умершим и ещё живыми, то ответ для меня очевиден.

«Я вижу твою душу, — произнёс дух. — Она не одна. Почему? Что с тобой сделали?»

Последняя фраза прогремела, оглушая меня. Огонь свечи стал светить ярче.

«Почему у тебя три души? — в голосе слышалась паника. — Откуда ещё две?»

Этот дух испугался больше, чем Небожитель в подвале. Но я и сам был удивлён. Почему три? Моя, вторая того Небожителя, но какая ещё третья? Откуда?

Но когда он это сказал... Я почувствовал, что кто-то ещё был рядом со мной, он будто перестал прятаться на время. Он что, был со мной всегда?

Вопросов слишком много. Небожитель говорил, что меня готовили к чему-то, но к чему именно? Чтобы древний Небожитель получил моё тело? Кто третий? И почему он такой... голодный?

Наваждение ушло. Был я, был Небожитель, который тогда, в подвале, чего-то испугался и не получил моё тело. И ни следа третьего, которого я ощущал всего мгновение.

Так что же со мной сделали? Ведь я никогда не помнил, как оказался в том приюте, и даже настоящую фамилию узнал, только когда стал взрослым.

«Я офицер, как и ты! Отпусти меня!» — тем временем потребовал дух в свече командным голосом, и вспыхнувший огонёк свечи почти ослепил. Даже радист это заметил и поднял голову.

Я отвлёкся на обстановку и отдал приказы, ведь кто-то снова полез через подвалы. Но продолжал думать о случившемся, ведь это шанс закончить бой побыстрее.

«Я могу взять это силой, — сказал я духу, так и не открывая рта. — Но ты можешь отдать мне это сам. И тогда обретёшь покой, который заслуживаешь».

А бой продолжался.

* * *

На улице...

Внутри танка было слишком жарко, и пот заливал глаза. Но Зорину было не до этого.

Ведь один дом только что рассыпался, и огромный силуэт возник слишком близко. Две очень толстые ноги, обшитые стальными листами, закрывали обзор. Массивные стальные пальцы внизу помогали машине держаться.

— Задний ход! — закричал Зорин. — Мехвод... отходим!

Танк быстро отъезжал назад, потому что пушка не поднималась слишком высоко, и силуэт был недостижим, а вперёд ехать было некуда. Шагоход и развалины дома перекрывали всё, а ноги располагались слишком близко, чтобы проехать между ними.

А снаружи послышалось отчётливое: та-та-та!

Пушки, закреплённые на левой руке шагохода, выстрелили. И следом раздался взрыв. Утёс-3 уничтожен, танк загорелся. Никто даже не успел что-нибудь сказать напоследок.

— Лёша, Зорин! — закричал кто-то в наушниках, нарушая регламент. — Там гранатомёт! Осторожно.

Ещё взрыв!

Зорина подкинуло внутри танка. В ушах раздался звон. Свет в танке на мгновение погас, затем загорелся красный. Раздался тревожный писк.

Голова наводчика запрокинулась, изо рта вытекла красная струйка.

— Сёма, ты чё? — Зорин посмотрел на него. — Кончай спать! Пора...

Бесполезно, он мёртв. Раненый мехвод стонал, рация не работала.

Взгляд Зорина скользнул по нему, затем на пульт управления и закреплённые под бронёй снимки. Девушка, два пожилых человека, собака. И снимок их роты, сделанный ещё до войны. Некоторых из них уже нет.

— Ах ты сука какая! — Зорин оскалил зубы и полез к рации, чтобы снова её включить.

— Всем экипажам! Цель — боевая ригга! Игнумными! Огонь!

Он переключил систему управления огнём на себя и начал наводить пушку.

А огромный шагоход в прицеле направлял свои пушки на его танк.

Глава 11

«"Катафракт" — одна из самых массовых модификаций боевой ригги. Предназначена для фланговых обходов и внезапных ударов в тыл. Несмотря на меньший вес и более тонкую по сравнению с "Паладином" броню, огневая мощь и защита "Катафракта" оставались на очень высоком уровне...»

— Военная история империи Юнитум, том 4...

В подвале...

Собака лаяла где-то наверху, десантники отбивались, стреляли длинными очередями и кидали в открывший проход гранаты. Они громыхали одна за другой, из-за чего в ушах болело, а в груди ёкало.

— Держаться! — кричал Кеннет, паля из автомата в проход. — Запроси подкрепление, — отправил он одного бойца наверх.

Собака лаяла дальше, а враг нападал. И это не ополчение, а бойцы 5-й дивизии РВС Инфиналии — «Крысы пустыни», самое подготовленное соединение армии сепаратистов.

Кеннет пустил ещё очередь и перешёл к другому проходу в соседнем помещении. В темноте кто-то бежал, и офицер-инспектор направил автомат туда.

Но вместо звука выстрела раздался сухой щелчок. Кеннет дёрнул затвор, но до конца не доходило. Заело.

Пустынник с платком на голове кинулся на него, замахиваясь винтовкой, Кеннет ушёл от удара, полез за пистолетом, но, получив по руке прикладом, выронил оружие.

Остался только старый выкидной нож, который Кеннет достал из кармана. Больше оружия не было.

Пустынник оскалил зубы. Взгляд бешеный, глаза налиты кровью. Он заорал и рванул вперёд. Блеснул кончик закреплённого на оружии штыка.

Кеннет сжал нож крепче.

* * *

Мне пришлось отвлечься и снова раздать приказы, куда направить резерв. Враг лез отовсюду, к инфам шли подкрепления со всего района. Они не хотели сдавать важную переправу.

«Так кто ты?» — спросил я, едва у меня выдалась свободная секунда.

Мысли то сбивались в кучу, то снова расходились. Что-то требовало поглотить его, но дух сопротивлялся. Что-то требовало сломить его волю, но я не понимал, что это значит.

Но сам я думал иначе. С этим духом надо было поступить другим образом, раз он офицер.

«Капитан Рудаков, — наконец сказал он, и я понял, что его голос был молод. — Я был офицером в армии Огрании. Мы торопились на помощь Нерску, когда южане прорвали оборону и взяли его в осаду».

«Когда это было?»

Этот разговор казался важным. Я следил за боем, но не забывал о разговоре. Ведь это — ключ к той крепости, который я подберу прямо сейчас. И это же не банк, это храм, в котором сейчас находится банк. И он стоит в удачном месте.

Я это понимал, ведь слишком много под ним было силы. То есть игниума...

«Вчера, — ответил дух. — Или раньше? Я не знаю. Я не вижу, что происходит вдали. И время очень странное».

«В какой части ты служил?»

«Третья мардаградская бригада, — с гордостью сказал он, но голос стал мрачнее: — Мы не успели на битву. Оборона пала, Наблюдатель Ян Варга погиб, а я попал в плен, и через месяц

меня повесили. Даже не знаю, что было дальше. А душу поймали и спрятали в свечу. И тот, кто это сделал... он с тобой! Я его чую, его душа рядом. Он обманщик. Он был при моей казни».

«Ты про Небожителя?»

«Да. Но тот, ещё один — намного хуже! Он голоден».

«Кто он?»

«Я не знаю», — и это прозвучало правдиво.

Дух видит больше, чем я. Но далеко не всё.

«С тобой говорю я, а не они, — мысленно произнёс я. — И знай. Та война закончилась, вы победили».

«Правда? — он удивился. — Империя победила? Императрица взошла на трон? Ян Варга выжил?»

«Да на все вопросы. А сейчас идёт новая война. А твоя старая бригада сейчас сражается внизу, если ты не видишь. Помоги им и получишь покой. Давно пора, да? Ты заслужил, капитан».

Дух замолчал.

«Вот тебе я верю», — сказал он.

А после... его свеча потухла.

* * *

На улице...

Зорин вжался в сиденье.

— Огонь! — проорал он.

В наушниках раздался всего лишь один щелчок.

Но ригга, нависшая над танком, вдруг замерла. А по ней начали стрелять другие танки. Один, второй, третий.

Из дыр в массивном бочкообразном корпусе шагохода повалил яркий огонь и дым. Снаряды с сердечником из прессованного игниума пробивали монолитную стальную броню боевой ригги, а уже внутри сторали, поднимая температуру в кабине до предельных значений.

Вскоре из труб выхлопных коллекторов на корме огромной машины вырвалось огромное оранжевое пламя, освещающее всё вокруг. Огонь начал пожирать внутренности старинного шагохода.

Зорин выдохнул и посмотрел на часы.

— Вперёд! — приказал он. — Там пехотадохнет, пока вы тут прохлаждаетесь! Миша, живой? — Зорин ткнул мехвода.

— Не очень, — отозвался тот.

— Раз болтаешь, значит жив. Вперёд!

* * *

В это же время. Близ моста...

Под мостом было темно и сыро, вода плескалась внизу, пару раз мимо проплыли чьи-то тела. Вокруг опор поставили бочки с игниумом и привязали, чтобы их не унесла вода. Поставили с запасом, чтобы мост был разрушен с гарантией.

А на самом мосту шёл бой. Боевые машины имперской пехоты и танки палили из пулемётов и пушек по укреплениям. Эти силы отвлекали на себя огонь, пока основные части прорывались к самому банку, который нависал над мостом.

Но пустынные не собирались с этим мириться. Провода от бочек тянулись к взрывной машинке на берегу.

— Взрывай! — кричал капитан инженерных войск Инфиналии и подгонял своих. — Быстрее!

Сапёр с платком на голове начал крутить машинку, остальные бросились в укрытия. Но ничего не произошло.

— Не работает, саади, — доложил сапёр. — Где-то провод перебит.

— Найди где! Быстро!

Сапёр побежал в сторону моста, освещая дорогу фонариком, и быстро нашёл место, где толстый провод перебили чем-то тяжёлым. Он полез за оружием, но ничего сделать или кого-то предупредить не успел.

Что-то острое вошло в спину, и ноги подогнулись. А чья-то широкая ладонь без большого пальца прикрыла ему рот.

— Тише-тише, — почти ласково проговорил человек сзади.

Но нападение заметили. Разведчик Ермолин бросился в укрытие, оставив тело на земле. В него стреляли, он матерился, пока не добрался до большого железобетонного блока. Пуля высекла искру, попав в арматуру.

А тем временем Джамал и приданные ему десантники атаковали группу сапёров. Ермолин поддержал их огнём из ручного пулемёта и приблизился, когда стрельба стихла и пока подрывникам не прислали подкрепление.

— Вот засранцы, чуть не взорвали, — проговорил он и тяжело выдохнул. — Всё готово, Джамал?

Тот тем временем отключил провода и швырнул машинку в реку. Всплеска не было слышно, ведь по банку палили танки. Взрывы оглушали.

— Вот же срань! — выругался Ермолин, пригибая голову, когда до них долетел кусок камня из стены. — Танкисты херачат. Валим?

— Валим! — Джамал кивнул.

Но уйти они не успели. По зданию выстрелил танк, что-то взорвалось и загорелось, и в зареве огня стало видно, как со стороны банка к мосту медленно ехала гражданская машина. Небольшой грузовичок, набитый бочками.

— Вот же срань! — прокричал Ермолин. — Решили так взрывать. Огонь!

Они начали стрелять, но им пришлось залечь, ведь от банка отъехала двуствольная зенитка на гусеничной платформе, чтобы прикрыть грузовик. Снаряды лупили туда, где залегли разведчики.

* * *

В подвале...

Пустынник рванул на Кеннета, замахиваясь автоматом с закреплённым на нём штыком. Тот сжал рукоятку ножа и нажал на кнопку. Лезвие выскочило с громким щелчком. Кто-то кричал, а офицер-инспектор не сразу понял, что кричит он сам.

Инф замахнулся, но Кеннет ушёл в сторону, сделав резкий рывок. Пустынник сделал пару шагов, закричал и выронил автомат.

Он обеими руками схватился за ногу. Светло-жёлтая штанина пустынной формы на правом бедре быстро пропиталась кровью, которая при таком слабом свете казалась чёрной.

Пустынник стремительно бледнел, теряя много крови, ведь она брызгала, как под напором. А Кеннет, такой же бледный, как умирающий инф, отошёл к стене.

На пол упал выкидной нож и звякнул. Лезвие окровавленное. На рукоятке была грубо выгравирована крысиная голова — знак «Ржавых Крыс», некогда известной подростковой банды из города Кхарас в Хитланде.

— Вашу мать, — проговорил Кеннет и попытался взять нож, но рука плохо слушалась.

Но когда он услышал шаги, то подхватил не нож, а лежащий на полу пистолет. А в проёме появился ещё один пустынник, который сразу начал целиться из автомата.

— Ах ты!.. — только успел прокричать офицер-инспектор.

Но нападения не было. Примчавшийся сзади рыжеватый пёс напрыгнул на пустынного с боку и вцепился зубами ему в руку.

Кеннет прицелился и выстрелил, но даже когда пустынный умер, пёс так и продолжал рвать руку трупа. А в проходе слышались шаги. Кеннет очень глубоко вздохнул, поправил фуражку и посмотрел на вошедших.

— А у нас тут прорыв, старшина, — бодрым голосом сказал он, пряча трясущуюся руку за спину. — Хорошо, что я сюда зашёл.

— Понял, господин офицер-инспектор, — Ильин уважительно посмотрел на него и на два трупа под ногами, а затем отдал распоряжение бойцам: — Ты и ты — вниз. Ты — сапёров зови!

Когда они убежали, Кеннет устало привалился к стене и сполз вниз. Пёс сел рядом с ним и заскулил, а потом лизнул в лицо.

* * *

У банка...

Зорин не отрывался от прицела. Танки его батальона били по зданию. Снаряды ударялись в стены, взрывы происходили и внутри, но всего этого было мало.

Оттуда стреляли пулемёты, чуть ли не из каждого окна. Сплошной поток трассирующих не давал шансов пехоте даже поднять голову, не то что выдвинуться. И что хуже — в банке были управляемые противотанковые ракеты, которые не давали бронемашинам занять позиции удобнее.

И пехота подобраться не сможет, ведь инфы развернули зенитку. Тяжёлая двухствольная установка только что снесла атакующих морпехов, а теперь долбила по той стороне моста, по бойцам, которые пытались помочь объединённой группировке взять банк.

— Сучья зенитка! — вырвалось у Зорина, когда он увидел, сколько людей гибнет. — Снять её!

А потом земля содрогнулась.

— Какого?.. — пробормотал он.

* * *

Я будто различал, что происходит. Тот дух-Небожитель, что был в подвале и хотел взять моё тело, был рядом и был готов действовать.

Небожитель снова показывал мне другие времена, когда шагоходы ещё были на вооружении и считались непобедимой силой. Он помогает? Или надеется отыгаться в нужный момент? Я ему не верил.

В его воспоминаниях ригги стояли на холме, который трясло от землетрясения, а по земле расползались трещины. И шагоходы проваливались туда. Под холмом были залежи игниума, и дух, усиленный эссенцией, мог воздействовать на игниум даже на расстоянии. Он вызвал землетрясение.

Не зря этот банк показался мне храмом, когда я его увидел. Это и был старинный храм, посвящённый предкам. А храмы в те времена строили на месторождениях игниума, чтобы духи в свечах стали сильнее.

Ведь в давние времена духи отвечали на молитвы, а для этого была нужна сила.

Я смотрел на землю под зданием и видел светящиеся жилы в глубине. Мог разглядеть их и до этого, но слабо, а когда предок из танковой свечи согласился помочь, для меня они засветились ярче, чем солнце. И с Эссенцией из его души я мог на них влиять.

Если присмотреться, я видел месторождения и давил на них, пытался поджечь и взорвать. Шар в голове, который будто поселился там после молитвы, становился больше и горячее, а руки чувствовали нестерпимый жар. При этом я машинально отдавал приказы об обходе и начале атаки, реагировал на появление подкреплений инфов, слушал доклады.

— Отходим! — наконец приказал я.

Офицеры уставились на меня, но начали отдавать приказы.

А я понимал, что главное сейчас происходит там, под землёй. И когда напряжение достигло пика, всё получилось.

Здание, где мы находились, начало дрожать, с потолка посыпалась пыль, упало чьё-то фото, висящее на стене. Радист с тревогой посмотрел на потолок и притянул радиостанцию к себе поближе.

А затем вдруг погасли огни прожекторов, стоящих у банка. Замолчала зенитка и попыталась уехать.

Стало тихо. Никто не стрелял всего несколько мгновений.

А затем раздался громкий гул. И здание банка начало трястись, будто оно стояло на слое желе.

Этот уродливый храм начал рушиться.

Сначала по фасаду прошла трещина, от крыши до фундамента. Потом вторая и третья. Стены начали ходить волнами, во все стороны посыпалась пыль. Из окон вылетели немногочисленные уцелевшие стёкла и обломки рам, за ними полетели камни, куски штукатурки и чьи-то тела.

Я смотрел дальше. Рация замолчала, все смотрели.

Трещины по земле расползались, как паутина. Земля под банком вспучивалась, из разломов валил пар, подсвеченный снизу багровым. Игниум в недрах раскалялся, плавился и рвался наружу, а его пар обжигал. Стало намного теплее. Но мост держался, хотя его и болтало.

Под землёй что-то глухо ухнуло, потом ещё раз. Правое крыло банка просело на метр, накренилось. С крыши посыпалась черепица, следом полетели пулемётные гнёзда вместе с расчётами. Крики людей тонули в грохоте падающих камней.

Здание банка разрушалось так, будто по нему стреляла крепость из главного калибра.

Даже сильнее.

* * *

Под мостом всё тряслось. С опор сыпалась каменная крошка, но эпицентр был в другом месте, и мост пока держался. Отвалилась пара плохо закреплённых бочек, и вода зашипела, когда в неё попал игниум.

— Это кто так хреначит? — Ермолин задрал голову. — Крепость? Ладно, пацаны, уходим!

— Уходим, — повторил Джамал и подхватил раненого десантника. — Через канализацию.

— И потом будете говорить, пацаны, — Ермолин усмехнулся, — что дерьма в жизни вам довелось нахлебаться. Туда!

Они могли покинуть это место, потому что тот грузовик до моста не доехал. На него с крыши упала уродливая шипастая статуя, которых там было много, прямо на кабину.

— Сигнал, — напомнил Ермолин.

Оба разом вскинули сигнальные пистолеты, и две ракеты, жёлтая и красная, с шипением взмыли в небо.

Бочки с игниумом падали с опор и раскалывались о камни. Вонь от вытекшей пасты была невыносимой, от неё несло тухлыми яйцами и горелой резиной. Но на открытом воздухе паста просто горела, а не взрывалась.

Разведчики добежали до решётки, через которую пришли, и скрылись внутри. Как раз вовремя. Вскоре часть набережной обвалилась, засыпая вход.

* * *

Зорин прильнул к перископу. Такого он никогда не видел.

— Ни хрена себе! — выдохнул он. — Это куда мы попали? В погреб с игниумом, что ли?

— Не могу знать, господин капитан, — отозвался чей-то голос в наушниках.

Зорин забыл, что всё это время говорил на общей связи, и выругался.

Но стрелять уже было не в кого. Здание тряслось, оседало. Угловая башня накренилась и рухнула, увлекая за собой часть крыши. Обломки сыпались вниз, погребая под собой пустынных внизу.

Кто-то пытался бежать, но земля уходила у них из-под ног. Злополучная зенитка рухнула в трещину вместе с расчётом.

— Твою же мать, — Зорин не мог оторваться от перископа.

Трещина по зданию прошла глубже. Часть фасадной стены обвалилась, обнажив внутренности. Видно всё, что готовили враги для обороны: мешки с песком, пулемётные гнёзда, ящики с боеприпасами. Подготовились они хорошо, могли держаться несколько дней против целого полка.

Только всё это теперь летело вниз.

Сухари разбегались кто куда, но не все успевали.

А после здание начало складываться. Перекрытия не выдержали, этажи рушились один на другой, поднимая тучи пыли. Над руинами стоял столб дыма и пара, подсвеченный снизу красно-оранжевым светом.

* * *

И всё закончилось.

Я выпустил пустую свечу, и она звякнула, упав на пол. Имя духа я запомнил и передам, чтобы почтили его память. А его душа обрела покой.

Сил не осталось, старую рану снова саднило, голова кружилась. Я едва мог привалиться к стене.

Помимо облака пыли, поднявшегося вверх, было только две взмывающие сигнальные ракеты, красная и жёлтая, что освещали небо.

А затем стало темно, но я видел яркую точку на горизонте в ночном пасмурном небе. Это крепость? Или что-то ещё. Но точка затухала.

— Запроси доклады о потерях, — велел я радисту. — И доложи в штаб крепости — мы захватили переправу.

Глава 12

«Таким образом, несмотря на свои неоднозначные поступки, Небожитель Таргин Великий за свою сверхъестественно долгую жизнь стал одним из самых значимых правителей в мировой истории.

Его достижения не пытались отменить, а императоры династии Громовых строго следили, чтобы сохранились его памятники. Ведь Таргин Великий — неотъемлемая часть истории империи...»

— *“Жизнеописание Таргина Великого”, полное собрание в 56 томах, том 56 часть 4, заключение.*

— А тебе, командир, разве не надо с ними? — спросил Ермолин, кивнув в сторону уходящих грузовиков. — Ты так-то тоже ранен.

— Не падаю же, — ответил я. — Батальон на позициях, я уйду с ним.

Да и не чувствовал я, что надо прямо сейчас отправляться в госпиталь. Раз уж стою на ногах благодаря этой силе, то жду приказ отойти вместе со всеми.

Мост Таргина Великого, стоящий у разрушенного банка, трясло. С самого утра он загружен по полной. Только что проехали несколько санитарных грузовиков, на их обтянутых брезентом кузовах были нарисованы белые круги с красной точкой внутри.

Они увозили наших раненых десантников и бойцов РВС, которые воевали вместе с нами. Тут и те, кого ранило ночью, и те, кто несколько дней терпел боль и мыкался по подвалам. Один из парней с перевязанной головой смотрел на нас из кузова.

Пропустив эту колонну, по мосту вновь пошли войска уже в другую сторону. Несколько танков Т-12 новейшей модификации пронеслись мимо, обдав нас гарью. Ехали быстро, торопясь на юг, где инфы предприняли контратаку, чтобы выбить имперцев с новых позиций.

Танкисты смотрели на нас из открытых люков со странным выражением на лицах. Они ещё чистенькие, не замазались, и танки у них со свежей заводской краской.

Следом ехала пехота на бронемашинах и грузовиках. А в небе над нами с громким рёвом пронеслось звено реактивных самолётов. Вскоре на юге раздались взрывы.

— Хоть бы не на наших сбросили, — очень тихо пробормотал Шутник. — Хоть бы не на наших.

Да, мы видели, что бывает, когда попадаешь под свою же авиацию. ПВО в городе подавлено, радары уничтожены, и самолёты показывались в небе постоянно. Значит, и крепость скоро подлетит ближе.

Командование вводило в город новые силы и, по слухам, завершило окружение на юге, что надо было сделать ещё в первые дни. Так что исход штурма скоро будет предreshён, хотя инфы всё равно продолжали яростно драться.

Мы с офицерами думали, что генерал Салах велит прорываться и отступать в пустыню на юг. Там не пройдут наши танки, и крепость туда не полетит, так что в этой пустыне он может обороняться долго.

Правда, в таком случае, большая часть Инфиналии вернётся империи, и их мятеж прошёл впустую.

Штаб велел закрепиться у переправы, этим мы и занялись. На окружающих дорогах мы расставили блокпосты, бойцы занимали уцелевшие здания, переносили пулемёты и готовились отбивать возможные нападения.

Некоторые фотографировались на фоне сгоревшей боевой ригги.

— Подвиньтесь-ка, — в кадр к танкистам влез Шутник. — Потомки должны запомнить героя.

— Тебе здесь даже не было, — возмутился рыжий наводчик.

— А я за вас болел! Это тоже считается.

Утром стало видно, насколько боевая машина была стара: бронеплиты покрыты ржавчиной, а орудие главного калибра вообще с дырой от коррозии прямо в стволе. Поэтому чудовищная пушка и не стреляла, обходилась только вспомогательными орудиями. Хотя они-то как раз и были заточены против пехоты и танков.

— Модель «Катафракт», — с видом знатока произнёс Зорин, с интересом оглядывая шагающую машину. — До чего же древняя.

— Там должна быть свеча духа предка, — вспомнил майор Варга, — где-то в кабине.

— Велю достать, когда всё остынет, — сказал старшина Ильин. Он щурил глаза и прикрывал их ладонью от солнца, пока смотрел вверх. — Там всё ещё пекло, господин майор, игниум до сих пор плавится.

Мост опять задрожал, когда по нему поехали ещё танки. Следом — машины разминирования, бронетранспортёры пехоты, грузовики и инженерная техника.

А я посмотрел на руины банка. Рядом с ними чудом уцелело два памятника.

Первый — императору Павлу Громову, очень большой. Он не конный, как на той площади, а пеший, и у него не отбили голову. Император здесь молод, на лице ухмылка, на левом глазу повязка бандитского вида, а на плече он держал внушительного вида топор палача — Карнифекс, легендарное оружие Небожителя, каким был Громов.

Почти у каждого Небожителя было особое оружие помимо способности, и они призывали такое в момент опасности. Копья, мечи, топоры, дубины, даже цепи.

Но есть ли какое-то у меня, я пока ответить не мог. И даже не знал, как они его вызывали.

Другой памятник — бронзовый. Это статуя старика, древнего, скрюченного и с огромным носом. Статуя зелёная от старости, но нос и туфли блестят, наверняка это тёрли на удачу. Старик в доспехе, на котором скульптор тщательно вырезал перья, приделанные туда как украшения. Лицо старое, но очень хитрое.

Это Таргин Великий в последние годы жизни. Они с Громовым были соперниками, и Громов, который сам был Небожителем, победил, но память о враге велел сохранить.

Мимо снова проехали войска. В этот раз новобранцы, и по глазам видно, что в бою они ещё не были. Взгляды у некоторых восторженные и любопытные, у некоторых испуганные. И все пялились на нас. Почти ровесники с моими бойцами, но мои выглядят намного старше.

А когда бронемашины проезжали мимо трупов пустынников, которые мы сложили кучей в ожидании, когда их заберут, новобранцы уставились на них, выпучив глаза. К одному трупу подбежала одичавшая собака, но её отогнали.

— Не ссыте, эти сухари уже не кусаются, — прокричал Шутник колонне. — А вообще, пацаны, если жрачку найдёте какую, понюхайте сначала, а то ещё обдрищ...

— Шульгин, отставить цирк! — приказал старшина Ильин.

— Да я просто, подбодрить, — Пашка тут же принял на себя деловой вид, но вслед колонне тихо сказал: — Удачи, пацаны.

* * *

Даже подвалу банка досталось. Даже бронированное хранилище, где когда-то лежали золотые слитки, пострадало — толстые стальные стены смяло, как бумагу.

Но там ничего ценного уже не было, поэтому гвардейцы и представители имперской безопасности, прибывшие на броневиках, предназначенных для вывоза денег, уехали пустыми. Хотя на нас косились, будто это мы всё стащили.

Мы же разместились в уцелевшей части подвала. В помещении сидели почти все офицеры, кто был на вчерашнем совещании. Только двоих тяжело ранило, их уже эвакуировали, и ещё двое, включая усатого штабиста капитана Бруно, погибли.

Штабист вчера никому не понравился, все думали, что он вредный чистоплюй и стукач, и задачу я ему дал несложную. А он погиб, выполняя её. Раскрыл пустынников, которые пытались под видом гражданских выйти нам в тыл. Погиб не зря, сорвал им планы, и спас много бойцов и гражданских. Его уже помянули, пожелав, чтобы его душа нашла путь домой.

Остальные, включая второго штабиста, майора Станислава Варга, были на месте.

— А генерал Загорский всё-таки взял дворец, — сказал Зорин, заходя в подвал. — Под самое утро.

— Большие потери? — спросил я.

Он кивнул и поморщился.

— Проблема-то в том, — добавил танкист, — что он два дня назад сказал императору, что дворец уже в наших руках, а к нему тогда только-только подошли. Император сейчас рядом с городом, вот генерал и торопился доделать. Припомнит он нам это, брат, что мы ему отказали.

— Расслабься, — сказал я.

— Я не парюсь. За пацанов обидно. Не было у них такого командира, как здесь.

Мы принесли в комнату обшарпанный деревянный стол, который шатался, пока мы не подложили под ножку свёрнутую бумажку. Ели то, что у нас осталось: тушёнка, хлеб, каша из консервов и вяленое мясо, которое мы захватили у инфов. Оно твёрдое и солёное, но для разнообразия совсем неплохо.

Я сел в углу, рядом с Флетчером, который точил нож, о чём-то задумавшись.

— Спасибо за подгон, — сказал я.

Он кивнул с важным видом. Флетчер умудрился найти целый контейнер с нижним бельём на одном из захваченных складов. Старое бельё стирать некогда и негде, так что мы его просто выкидывали, мылись и надевали свежее. Всё это делали втихую, всё равно наш снабженец сидит на крепости. Его бы от такого хватил удар.

У нас проверяли, чтобы солдаты даже на передовой приводили себя в порядок. Занимался этим Ильин, одно отделение он прямо сейчас заставил мыться в ледяной воде. И так было нужно. У нас говорят, если солдат теряет человеческий облик, то со временем перестаёт вести себя как человек, начинает звереть. А так нельзя, им ещё домой возвращаться.

Пришёл Джамал с канистрой в руках. В ней что-то бултыхалось, похоже, там был спирт. Он открыл крышку, и все сразу унюхали это.

— Солдатам не показывал, а то бы не дошёл, — сказал он с усмешкой и вставил в рот спичку.

— Сходили мы к снабженцам, — добавил Ермолин и хмыкнул. — Позаимствовали, так сказать. А то они развели торговлю на том берегу. Меняют спирт на сигареты.

— Вы уходите? — спросил я.

— Теперь да, — он кивнул. — Особые обстоятельства закончились, командир, теперь у нас своё командование, как и раньше. Но мы хорошо поработали.

— Отлично вышло.

— Если предки позволят — ещё пересечёмся, командир, — сказал Ермолин. — Если меня, конечно, не спишут из-за этого.

Он показал искалеченную левую руку, где не было большого пальца.

— А ты, Джамал? — я повернулся к разведчику.

Когда я к нему обратился, он вздрогнул и выронил спичку. Похоже, уснул с открытыми глазами.

— Буду работать, — проговорил Джамал, чётко выговаривая каждый звук, — как и раньше. Наверное, придётся создавать новую группу, потому что Чана, скорее всего, комисуют. Этого мордатого тоже, — он кивнул на Ермолина, и тот хмыкнул. — А я один много не навоюю. Но в ряды разведкорпуса Его Императорского Величества, — сказал он с иронией, — много кто желает попасть.

Он взял с тарелки запечённую в золе картошку и начал чистить.

Тут голову поднял командир нарландских штурмовиков — майор Фостер. Он где-то уже выпил, причём крепко, и в тепле его развезло. У него был зам, который всем рулил, поэтому мы пока спрятали офицера здесь, чтобы никто посторонний его не увидел.

Скоро здесь будет много высших офицеров, раз уж мы победили, и каждый скажет, что это его заслуга. Зато если бы мы проиграли, все генералы наперебой бы кричали, что они к этой операции непричастны.

— В этом городе мы будем торчать долго, — пьяным голосом сказал майор, — потому что император, да хранят его предки, — едко произнёс он, — боится собственной армии, и не без причины. Вот и будет нас кидать из одной жопы в другую, чтобы нам было не до мятежа. Пока всех офицеров не положит.

Стало тихо, все посмотрели на него, а потом на офицера-инспектора Кеннета, который поднялся.

Кеннет показал себя с хорошей стороны этой ночью. Он нашёл, где прорывался враг, и удерживал оборону до прибытия наших, поэтому его зауважали. Но такие разговоры — его ответственность.

— У вас сильный нарландский выговор, и я не разобрал, что вы сказали, — произнёс инспектор. — Но вам, майор, лучше проспаться и поменьше болтать. В ваших же интересах.

— Дальше передка не пошлют, — майор засмеялся. — А я уже в штурмовом батальоне, ха! Кто кроме нас во весь рост в атаку ходит? Мы и ходим. Это наша работа, лучшая в мире. Пенсия в сорок лет, но за неё надо пролить крови, чужой и своей.

Он хороший человек и офицер, но хватанул лишнего. Лишь бы ещё где-нибудь такое не сморозил. Поэтому не выпускали.

Все обернулись, когда слышали шаги, и в помещение заглянул лупоглазый часовой с автоматом.

— К вам из штаба, господин капитан.

— Пропусти, — велел я.

Вошёл молодой офицер в чёрной шинели. Вид у парня чистый и аккуратный, глаза испуганные, видно ухоженные руки и ногти. Это адъютант генерала Рэгварда, явно недавно выпустившийся из академии.

Он старался держаться невозмутимо, но скользнул взглядом по столу и по нам. Всё это явно не напоминало штабную работу или выхолащенные учения, где он наверняка участвовал.

Парень похлопал глазками, достал из кожаной сумки на боку конверт с красной печатью и протянул мне.

— Новые приказы. Лично от генерала Рэгварда.

* * *

Нам было приказано отходить. Причём не только десанту, но и остальным частям, кто участвовал в штурме банка.

Приказ понятный и логичный. Нас сильно потрепало, все устали и держались из последних сил. Бойцам нужно отдохнуть, батальону нужно пополнение, а уж РВСникам досталось намного сильнее.

На наше место заступали новые отряды, в основном внутренние войска из Калиенты. Загорелые солдаты-островитяне с удивлением смотрели на нас и на следы боя вокруг.

Но ещё больше их удивляло, что их земляки, уцелевшие после штурма морпехи, запросто сидели с нашими бойцами, шутили, смеялись и ели. Но совместные бои сближают даже недавних врагов.

Когда-то наши народы враждовали, а правители объявляли друг другу кровную месть. Так было и с пустынниками, но только инфы затаили свою злобу сильнее остальных. До сих пор припоминали.

— Не сработает, — окрикнул Пашка несколько островитян, которые обступили статую Таргина.

Один залез, чтобы потереть ему нос на удачу.

— Почему? — спросили из толпы.

— Сухари, вон, тёрли и тёрли, до зеркального блеска. И вон где все лежат. Не помогло! Он ехидно усмехнулся.

— По машинам, — приказал я, когда приготовления закончились.

Отступили мы в пригороды на севере, но там были не казармы, а старый курортный комплекс. Наконец-то можно было спокойно помыться, поесть и поспать.

Здесь же разместили бойцов второго батальона имперского десанта с нашей крепости. Их потрепало куда сильнее. Командовал ими майор Брайдер, он же, как старший по званию, должен возглавить имперский десант нашей крепости.

Брайдер, высокий белобрысый мужик из Нарландии, раньше относился ко мне холодно, и мы с ним особо не разговаривали. Но в боях он явно пересмотрел свой взгляд на многие вещи, и, увидев меня, подошёл с таким видом, будто увидел старого друга.

— Крепко вам досталось, Дмитрий, — сказал он. — Но вы молодцы, продержались. Показали, чего стоит наш десант. А нас вот потрепали. Понатыкали зениток там, где мы высаживались. Треть только в воздухе потерял.

— Было жарко, но мы справились, — я кивнул. — У меня есть вопрос.

— Говори, Климов, конечно.

— У тебя был такой боец, кличка Крыс. Он прибил к нам на пару дней, потом исчез. Не объявлялся у вас?

— Нет, — майор помотал головой. — Так и не видел его после высадки. Помер, наверное, или дезертировал. Так-то хороший боец, матёрый, но себе на уме.

Брайдер тоже ждал вызова в штаб и возвращения десанта в крепость. Вид у него мрачный и усталый.

Майор поставил вместо себя одного из ротных, но первый батальон оставил за мной, а сам отбыл на крепость. Ну а нам дали пару дней на отдых. Никуда не вызывали, новых приказов не поступало. Поэтому мы давали бойцам поспать подольше.

Помимо столовой, бани и прочего необходимого, здесь была ещё библиотека. Я взял оттуда несколько книг, которые могут пригодиться.

Одна — иллюстрированная энциклопедия про Небожителей, как Изначальных Восьми, так и тех, кто появился позже, из Второго поколения. Достаточно подробная энциклопедия.

Были и научные работы профессора Дэйра, написанные зубодробительно сложным языком, и тонкая брошюра «Природа Небожителя» за авторством Яна Варга, предка штабного майора, который нам помогал. Эту книгу я прочитал целиком, там мало текста, но написано понятным языком. И там было много интересного для меня, чтобы сделать выводы...

— Ого, — не удержался и вслух сказал я. — Тут-то вы и ошиблись, заговорщики.

Да, вот к этому они не готовились. Но теперь я был уверен, что вскоре ко мне придут.

Вернулся в выделенную мне комнату и сел писать наградные листы для своих бойцов и рекомендательные письма для других офицеров и солдат РВС, кто хорошо себя проявил.

Знаю, что штабисты очень сильно докапываются до оформления, чуть ли не до каждой пометки, и маринуют эти листы месяцами. Вот и надо разбираться со всем этим заранее, чтобы выбить всем медали и награды.

Бои в городе продолжались, иногда доносились стрельба и взрывы. А я писал представление на Шутника и думал о своём. На самом деле, даже было немного не по себе от того, что сижу в чистом, сытый, в этой светлой комнате, где тепло, есть чистая вода, туалет в отдельном помещении и ванна, а они там умирают.

Но так надо. Восстановлюсь и снова в бой. Все понимают, что с империей творится что-то неладное. И раз кто-то хотел устроить заговор и вернуть одного из Небожителей к жизни, то я сам оказался здесь замешан. Мне и драться за всех.

Дух Небожителя, который хотел получить моё тело, пока не показывал себя. Ещё одна душа, третья, тоже молчала, будто её и не было. Если бы не тот разговор с духом покойного офицера, я бы и не знал о ней.

Ладно. Это тоже не всё. Я выпрямился на стуле и подкинул вверх ручку. Смогу ли заставить её остановиться?

Она зависла в воздухе буквально на мгновение, и вскоре упала.

Я попробовал ещё раз, она снова остановилась передо мной, но всего на несколько секунд. А усилие я прикладывал такое, будто целился из тяжёлого пистолета на вытянутой руке. И рана заныла.

Нет, это так не работает. Удержать вещь слишком непросто, даже мелкую ручку. Зато швырять и толкать — совсем другое дело, причём даже огромные предметы легко подчинялись мне.

Да, ломать, а не строить, и убивать, а не перемещать. Не смогу закинуть своего десантника на крышу или спасти падающего, но смогу уничтожить врага. Эта способность для боя.

Снаружи раздался шум двигателя, и я выглянул в окно. Рядом со зданием курорта остановился тёмно-зелёный внедорожник с имперским гербом на капоте. Два офицера в чёрных шинелях вошли внутрь, оставив вооружённую охрану снаружи.

Вскоре оба офицера появились в моей комнате. Один усатый и высокий, другой намного ниже, гладковыбритый, очень толстый. Оба смуглые, наверняка из Мидлии.

— Капитан Спинелли, — представился один, говоря нараспев. Высокий и усатый мужик смотрел на меня немигающим взглядом. — А это старший лейтенант Моретти. Мы из спецотдела службы контрразведки.

Да, оба из Мидлии. Почему-то большинство контрразведчиков были из центрального государства империи, и очень этим гордились.

— Капитан Климов, — назвал я и отложил ручку.

— У нас есть к вам несколько вопросов по поводу происходящего. По поводу того, что вы якобы взяли языка во время вылазки. И по поводу того, что вы попали в плен, — Спинелли усмехнулся.

— Я не попадал в плен, — спокойно сказал я. — Пустынники захватили меня ненадолго, пока я был без сознания после ранения, но не смогли удержать. Вырвался с боем и вернулся к своим.

— А вот захваченная нами плёнка, утверждает, что вы были в плену, — сказал майор с ехидным видом. — Вас там засняли крупным планом. Можете как-то прокомментировать этот факт?

— Могу, — всё так же спокойно говорил я. — Был без сознания. Они успели снять меня и одного бойца для пропаганды, делая вид, что заботятся о пленных. Когда этот журналист ушёл, моего бойца казнили, — я сжал кулак. — Хотели казнить и других, но я вступил с ними в бой, захватил автомат, освободил своих людей и выбрался во время обстрела.

— Как удобно, капитан Климов, — высокий контрразведчик навис надо мной. — Свидетеля якобы казнили, потом вы возникли из ниоткуда, освободили своих бойцов и вернулись с ними. Очень удобно.

— А вы на что намекаете, капитан? — спросил я.

— Ни на что, — влез толстый. — Хотим выяснить недомолвки. А знаете, что сказали об этом ваши бойцы в госпитале? Из разведгруппы, которую вы собрали?

— Прекрасно знаю, потому что они были там и всё видели сами. Если вы их, конечно, не запутали. А все данные, которые мы добыли, привели к успеху. Благодаря им мы успели предотвратить взрыв моста и окружение группировки, и сейчас штурм города продолжается.

— Так-то оно так, — проговорил высокий Спинелли, — но всё равно, иногда внедрённые агенты сначала должны привести к успеху, чтобы потом...

— Привести к успеху, чтобы имперская армия захватила город в ближайшие дни? — спросил я. — И чтобы имперская армия избежала ловушки для своих основных сил? Как по мне, это успех именно для нас, а не для врага. Хотя... А на чьей вы сами стороне? — я усмехнулся.

— Не заговаривайся, капитан, — прошипел толстый. — У тебя не то положение.

— Следите за речью, — оборвал я. — Я старше вас по званию, старший лейтенант Моретти. Я — имперский офицер из гвардейского подразделения.

— А на каком основании вы разрушили банк? — спросил высокий. — Император запретил разрушать здание.

— А его разрушили пустыnnики, — невозмутимо сказал я. — Там был полный подвал активного игниума. Хотели взорвать мост, да не вышло.

Оба снова переглянулись, вид у них стал злой. Придётся им уходить без результата, вот и злятся. А за дверью раздались шаги, и вскоре она начала открываться. К ним пришло подкрепление?

— Вон! — прокричал высокий, не оборачиваясь.

— Вон? — раздался новый голос, в котором прозвучало удивление. — Это ты мне сказал?

Оба контрразведчика повернулись и с удивлением посмотрели на вошедшего. Он был молод, одет в гражданский костюм с галстуком и коричневую кожаную куртку поверх него. В левой руке была чёрная папка, а в правой — значок в виде серебряного орла, держащего в когтях планету.

— Императорская служба безопасности, капитан Райгер, — представился он и повторил: — Ну-ка, брысь отсюда. Оба!

— Мы уже уходим, мессир.

Контрразведчики тут же потеряли спесь и торопливо вышли. А капитан ИСБ внимательно посмотрел на меня. Интересно вышло. У него то же самое лицо, что и раньше, но выражение другое, и поэтому он кажется совсем иным человеком, более взрослым и опасным.

— Так вот ты куда делся, боец, — сказал я.

— Иногда приходится маскироваться, — Крыс усмехнулся. — Но у нас остались кое-какие нерешённые вопросы, господин капитан. Надо их обсудить.

Глава 13

«Изначальная душа Небожителя — это чистая сила без воли и личности. Это оружие и способности, не более того. Но к ней привязана душа предыдущего владельца, который владел этой силой, вместе с его личностью, памятью и волей.

Когда Небожитель умирает, душа его предшественника обретает покой и исчезает. А душа умершего прирастает к этой силе и ждёт нового носителя. Таков цикл.

Но некоторые из них не хотят исчезать. Они подавляют душу нового хозяина, чтобы после смерти исчез он, а не они. И тогда у них появится шанс снова проверить этот фокус с очередным владельцем...»

— Ян Варга, «Природа Небожителя».

«Ян Варга (725 — 811) — правитель Огрании, герой империи, Небожитель. Один из самых преданных сторонников династии Громовых во время Второй гражданской войны. Получил тяжёлые увечья в боях, но продолжал сражаться до самой победы.

После войны восстанавливал экономику Огрании. Создал Нерскую промышленную зону — крупнейший производственный комплекс в мире.

Изучал феномен Небожителей, привлекал многочисленные научные группы для исследования этой темы. Автор монографии «Природа Небожителя»...»

— Имперская энциклопедия, новое издание 870 года.

— Вот ты и появился, — сказал я. — А у меня к тебе много вопросов, Крыс. Начнём с первого. Почему ты дезертировал из боя?

Тот не ожидал такого поворота, и на мгновение опешил.

— Нет, господин капитан, — произнёс Крыс. — У меня был приказ, и я его выполнил. Но перед тем как уйти, я нашёл транспорт и предупредил разведчиков. От меня этого не требовалось, а я сделал.

Он подошёл ближе к столу. Под курткой у него была видна кобура, из которой торчала рифлёная рукоять пистолета. Дверь он оставил открытой, и в коридоре кто-то был.

Крыс посмотрел на книги, лежавшие на столе.

— «Природа Небожителя», — он взял тонкую брошюру. — Серьёзный труд.

Кто-то точно был в коридоре. Я слышал шаги, чьё-то дыхание, звук, когда скрипят кожаные куртки. И это точно не те два контрразведчика. Те-то как раз вернулись в машину, я слышал их голоса снаружи.

А Крыс того пацана из второго батальона почти не напоминал. Ему не двадцать три, как все думали, он старше, просто выглядит моложаво. Более взрослый и опасный, но всё же чувствовалась в нём какая-то неуверенность.

— У вас проблемы, господин капитан, — медленно проговорил он, посмотрев на меня.

— Не у меня, — сказал я, — я у вас.

— Капитан, — Крыс усмехнулся, — в вашем положении...

Я пристально посмотрел на дверь за его спиной.

Бах! Дверь громко захлопнулась, а ключ повернулся в замке. Всего одно усилие, и сработало. Райгер вздрогнул и повернулся.

Крыс посмотрел туда, потом на меня и потянулся к кобуре. Тонкая книжка о Небожителях упала на стол.

Но его пистолет вылетел из кобуры и прыгнул ко мне в руки — модный М-11, из империи Дискрем, пятнадцатизарядный, с очень толстой рукояткой с вырезом под пальцы. Я снял оружие с предохранителя и поднял, направив на Крыса.

Снаружи начали долбиться в дверь.

— Пусть ведут себя потише, — приказал я. — Или мои бойцы услышат и перестреляют там всех ещё до того, как я вмешаюсь.

— Тогда вас всех обвинят в измене, — проговорил Райгер.

Но ухмылка с его лица исчезла.

— Или я вас сам прихлопну, — продолжил я, — я уже научился этим пользоваться. А потом скажу, что вы заговорщики и шпионы. А ведь так оно и есть, скорее всего. Императору будет интересно узнать о том разговоре в подвале, и что за свечу ты там нашёл. Так что вели им уйти.

— На улицу! — рывкнул Крыс громким командным голосом. — Ждите меня там!

Я показал ему на стул.

— Садись.

— Постою, — отрезал он.

— Садись.

Послал мысленный толчок, и он отшатнулся, держась за грудь, и сел. Толкнул его легко, небольшим усилием. Я демонстративно положил пистолет на стол, чтобы посмотреть, потянется ли он за ним.

Крыс не кинулся за оружием, смотрел на меня. Решил не рисковать. Значит, сохранит свои торчащие зубы.

— Хорошая вещь, эта «Природа Небожителя», значит, — я положил книгу себе на колени. — Я её уже прочитал и понял, на чём вы прогорели.

Обложка тонкая и мягкая, белая, с печатью столичного университета. Это совсем небольшая брошюра без твёрдого переплёта. Автор Ян Варга, и, если не путаю, это прадед штабного майора Станислава Варга.

— Ну давай поговорим, — я поднялся и опёрся на стол, положив книжку перед собой. — Капитан Райгер из императорской охранки, он же Алексей по прозвищу Крыс из имперского десанта.

Какое-то время он молчал, прикидывая шансы. Но в итоге заговорил.

— Мы знали, где свеча может быть, — Райгер чуть поёрзал на стуле. — У нас оставались записи, в каком районе её могли спрятать.

— И ты специально отправился в десант, чтобы попасть туда? Когда ты попал на крепость, войны ещё не было.

— Мы предполагали, что война будет, потому что к этому всё шло. Салах тогда совсем вышел из-под контроля, — он шумно выдохнул. — И мы думали, что император не потерпит такого и рано или поздно выдвинет войска.

— Чья это была душа? — спросил я.

Крыс молчал долго. А после признался:

— Таргин Великий. Первый Небожитель.

Дух говорил, что основал империю. Первым императором считался Павел Громов, но к тому времени страна уже была империей, просто правитель носил другой титул.

Читал про Таргина. Он создал Небожителей, захватил Юнитум и правил почти пять сотен лет. Много чего он умел, например, быстро перемещаться... или перемещать вещи на расстоянии. Даже мог уничтожить военный корабль, скрутив его, как тряпку, причём стоя на берегу.

— Его эссенция и сила Небожителя сохранились, — медленно продолжал Райгер, — и однажды он уже возвращался. После Первой гражданской ему это удалось. Тогда один из незаконнорождённых детей императора хотел заполучить себе его силу, а Таргин взял его тело под контроль.

— И развязал Вторую гражданскую войну?

— Почти, — мрачно ответил Крыс. — Но там было много причин, она не могла не начаться. Таргин лишь ускорил события. Но этим себя и погубил. Душу Небожителя невозможно уничтожить, но и выбросить опасно, ведь она может попасть в руки врага. Вот её и спрятали в Инфиналии.

Снаружи слышались крики. Но это не бой, просто Ильин размещал патрули и посты на территории. Всё же это вражеская земля, а у пустынников налажена разведка и есть поддержка местного населения.

— Ты привёл меня, чтобы Таргин получил себе тело, — сказал я.

И это был не вопрос. К этому всё и вело.

— Да, — медленно сказал Крыс, подумав над ответом. — Не буду отрицать. Такой был приказ. Тебя выбрал Йонас Эрдель, предыдущий глава ИСБ, он и сделал всё, чтобы перевезти тебя в империю. Но его обвинили в измене в прошлом месяце. И казнили.

— Значит, ваш заговор раскрыт?

— На меня они не вышли. Пострадали только высшие офицеры, нас не достали. Мы продолжаем работу.

Вот сейчас он откровенен. Бравада кончилась, план не удался, а верхушка заговора уничтожена. Крыс пытался делать хорошую мину при плохой игре, но на деле он и его сообщники просто пытались хоть как-то продержаться.

Потому что они не знают, что делать дальше, и я это понял.

— Эрдель тогда сказал, — продолжил Крыс, — что один из Климовых, которые живут за морем, как раз готов для этой роли. И когда вас вернули, то меня отправили в десант как новобранца.

— Что значит «готов»?

— В вас есть кровь одного из изначальных Небожителей. Все они были связаны между собой и Таргином кровными узами, и у их потомков эти узы остались. Без этого перенос бы не сработал.

Я открыл тонкую книжку и полистал первые страницы, разыскивая то, что меня заинтересовало при чтении.

— Если человек в детском возрасте, — Райгер подался вперёд, — то он может получить душу Небожителя, сохранив самого себя. А если он получит её во взрослом возрасте...

— То Небожитель получает тело целиком, — сказал я. — Уже прочитал. Так должно было быть со мной. Но работает не всегда, как оказалось.

— Исключения бывают. И с тобой вышло так. Но почему — мы не знаем.

Заговор куда сложнее, чем кажется на первый взгляд. В нём должна быть ещё какая-то сторона, о которой Крыс не знал. Ведь со мной было что-то ещё, голодное, что не дало Таргину получить тело. Эту голодную сущность я чувствовал всего мгновение, и кто это, ещё не знал. Как и то, откуда он взялся.

Но я не скажу об этом Крысу. Это — мой козырь, который поможет продержаться в этой игре.

— Значит, это заговор против императора, чтобы Таргин Великий его сместил, — я посмотрел на пистолет. — Говори, Крыс. Ты уже в этом крепко замешан. Если император прознает, казнит всех причастных. То есть вас всех.

— У вас тоже проблемы, — Райгер попытался усмехнуться. — Мы можем найти другое тело для Таргина.

— Тогда бы вы давно меня убили. Вы не можете и знаете это. Вы тоже читали эту книгу.

Я снова взял тонкую книгу Яна Варга и быстро нашёл то место, которое вычитал в библиотеке.

В самом начале страницы было написано, что некоторые Небожители могут захватить тело носителя, чтобы не потерять личность и жить вечно. А дальше шёл следующий отрывок:

— Но если у Небожителя не выйдет, его личность исчезнет раньше, — прочитал я вслух. — Тот, чью душу когда-то связали с моей, когда меня самого сделали Небожителем, боролся со мной, чтобы взять контроль, и у него почти получилось.

— Я читал эту книгу, — сказал Крыс.

— Плохо читал, — я продолжил: — Я терял себя и делал многое, о чём до сих пор вспоминаю с сожалением. Но в конце я смог выстоять, и личность прежнего Небожителя исчезла. И теперь, когда умру я, у души Небожителя будет моя личность, а не его.

Я закрыл книгу и посмотрел на Крыса.

— Значит, если вы что-то сделаете мне, то даже после моей смерти вам придётся иметь дело со мной. Ваш полубог исчезнет, а у этой силы будет моя личность и память. Верно?

— Верно, — неохотно подтвердил Райгер.

Его козыри исчезали один за другим. Среди них осталось всего несколько исполнителей, которые непременно хотели довести дело до конца, надеясь, что сам Таргин, хитрый интриган, сможет доделать за ними работу. Не вышло.

Мне и самому надо понимать, что душа Таргина, привязанная ко мне, не упустит свой шанс. Таргин помогал мне драться и побеждать, но это — временный союзник, очень опасный. И если бы не эта голодная сущность, меня бы уже не существовало.

— По какой причине вы решили бросить вызов императору? — продолжил я допрос.

— Это не настоящий император, — очень тихо сказал Крыс. — Это узурпатор и шпион империи Дискрем.

— После таких слов нужны доказательства.

— Они есть. Но не при себе.

— Тогда раздобудь их.

В коридоре раздались шаги, и он бросил взгляд на дверь. Раздался стук.

— Господин капитан, — услышал я чей-то голос. — Майор Брайдер велел передать, что штаб прислал транспорт. Десант возвращается на крепость.

— Поговорим с тобой потом, — сказал я.

— Да, господин капитан. Но вы и сами это увидите сегодня.

* * *

— А они будут жаловаться? — тихо спросил майор Брайдер.

— Вряд ли, — уверенно ответил я.

Когда мы прибыли на аэродром, то узнали, что несколько наших лейтенантов, причём один из них был из моего батальона, избили троих снабженцев.

За такое в обычное время могут отправить под трибунал, но наши офицеры были трезвы, а тыловики порядком обнаглели: разворовали посылки, которые пришли нашим бойцам из дома.

Снабженцы, видимо, решили, что раз ребята на передовой, то большинство погибнет и никому не будет дела до этих посылок. Съедобное они сожрали, а остальное пытались пустить на продажу.

Кто-то из десантников возмутился и сказал командиру, и наши офицеры, только что прибывшие из боя, пошли разбираться. Так разобрались, что двоих снабженцев пришлось отправить в госпиталь.

Старший интендант, очень толстый полковник, который явно жрал посылки вместе со своими подчинёнными, вызвал военную полицию и составил рапорт, но мы с Брайдером написали свои. А кроме того, на аэродром прибыл офицер-инструктор Кеннет. Выводы он сделал сразу.

— Ну что, ребятки, мажьте лоб зелёной, — сказал он побитым снабженцам. — На этом не закончится.

Угроза оказалась не пустая, ведь выяснилось, что пехотинцам из РВС поставили автоматы из забракованной партии, у которых деревянные приклады повело от влаги, что было явным заводским браком.

А новенькие АВР-49 со складными металлическими прикладами, ещё в смазке, остались лежать в дальнем углу склада. Для чего они там лежали — неизвестно, но если выяснится, что их готовили к продаже сухарям, то причастных расстреляют.

Когда всё уладили, боеспособные остатки двух десантных батальонов расположились рядом со взлётной полосой. Многие просто завалились на землю, обессиленные что-либо делать. Вместо касок у всех сейчас были тёмно-красные береты, форма чистая, оружие наготове. Некоторые спали, некоторые смотрели, как на посадку заходит грузовой самолёт с гербом Нарландии — гибким мечом-хлыстом, оружием одного из Небожителей прошлого.

Старшина Ильин был напряжён, нервно расхаживая среди бойцов. Когда ко мне подошёл и отчитался, мы поговорили напрямую:

— Что вас гложет, Сергей? — спросил я.

— Не знаю, как это работает, господин капитан, но пока под ногами твёрдая земля, чувствую себя уютно. А когда на палубе крепости — всё сразу намного проще. Будто вернулись домой.

Он кивнул в сторону севера, где вдали должна была находиться крепость.

— Пойду их разгоню, — Ильин заметил, что несколько бойцов стояли кучкой в стороне от строя.

— Отдохните, старшина, — я посмотрел на него внимательнее. — Пусть взводные занимаются, не надо делать их работу, а то расслабятся.

— Есть, — он кивнул. — Вы правы, господин капитан.

Я знал, что Ильину давно предлагали закончить ускоренные подготовительные курсы и стать офицером, но он отказывался. А ещё я знал, что вечером, если всё будет спокойно, он напьётся вусмерть в одиночку в своём закутке.

Это знали все, но покрывали его, пряча от военной полиции и командиров.

Я подошёл к тем бойцам сам. Они толпились возле ящика, на котором стоял включённый радиоприёмник, откуда тихо играла музыка. Среди них был Пашка Шутник. Он активно жестикулировал, что-то рассказывая.

— А знаете, кого мы там ещё видели? — спрашивал Шутник у десантников второго батальона. — Кеннета! Помните, инспектора из учебных фильмов? Как бросать гранату, как отдавать приветствие командиру, как искать укрытие. Столько фильмов было!

— Так мы тоже его видели, — один из бойцов показал рукой. — Вон он ходит, у ангара.

— Мы-то с ним воевали! — возразил Пашка. — Он вообще зверюга, ножом двух сухарей разделал.

— Да не придумывай, Шутник.

— Да я вам говорю, сам видел! Сапёров спросите, они подтвердят. А ещё я танкистов видел, которые в «Волках с Севера» в массовке снимались. Смотрели же?

— Третья мардаградская, ха! В кино сниматься умеют, а воевать не очень, — широкоплечий курносый десантник из второго батальона усмехнулся.

— Чё сказал? — Шутник тут же напрягся. — Ты мне тут не вякай. Ребята грамотные, так себя показали. Я теперь танкистам всегда наливать буду.

— Тихо! — крикнул один, наклоняясь к приёмнику. — Слышали? Вот сейчас будет! Вот, это нам! Меня назвали. Пацаны, слушайте!

Я уже подошёл ближе.

— Чего столпились? — спросил я.

— Господин к-капитан! — бледный боец с прыщами на лице по прозвищу Конь выпрямился и поправил берет. — Тут песня по-по радио одна играет.

От волнения он начал заикаться. На щеке был виден след от порохового ожога.

— И что?

— Так для нас, — боец показал на приёмник. — Мне брат из дома песню заказал, вот мы и слушаем! — Конь заулыбался. — Он обещал в письме, что мне на день рождения закажет. Ну, для нас, для десантников. И вот она играет.

Что-то играло из хриплых динамиков. Я не мог разобрать, потому что сигнал совсем слабый, много помех. Но понятно, что это песня, какая-то весёлая, но не молодёжная, а на военную тематику, про солдат, возвращающихся домой.

— Через три минуты в строй, — приказал я спокойным голосом.

— Есть! — отозвались все разом.

Я замолчал, они тоже, вслушиваясь и глядя на приёмник. Один из молодых, совсем ещё пацан, шевелил губами, будто подпевал. Точно думают о доме.

Отошёл от них и огляделся. Тут не только наш десант. На поле начали выстраиваться гвардейцы-«шарфы», которые охраняли крепость, и по регламенту встречали нас.

Чистенькие и свежие парни в новенькой униформе с золотым шитьём стояли ровным квадратом. Сразу бросаются в глаза их лица с наивными детскими взглядами, какие были у наших до этой высадки. Вооружены гвардейцы не АВР-49, а устаревшими карабинами со штыками. Это красивое оружие с лакированными прикладами, но оно для парадов, а не для современной войны. Впрочем, хотя бы в арсенале для них было нормальное оружие.

— Летят, — кто-то показал на горизонт.

Там показались приближающиеся вертолёты.

Сама крепость пока не подходила к городу, только отправляла свои самолёты бомбить укрепайоны врага на юге Фледскарта и стреляла из своих батарей, до нас то и дело доносились взрывы. Иногда крепость пускала ракеты большой дальности куда-то в пустыню, но у тех была слишком крутая траектория и летали они очень высоко.

Гул вертолётов было слышно хорошо.

Майор Брайдер — самый старший по званию среди оставшихся на земле офицеров, поэтому командовать возвращением будет он. По традиции командор или замещающий его офицер, высаживается среди первых, а возвращается последним. Ну а следующий по старшинству офицер — наоборот.

Поэтому сейчас я, как капитан, полечу в первом вертолёте, а Брайдер, раз командора нет, останется на поле до конца.

Вертолёты начинали садиться. Это толстые, пузатые модели МВ-12 — транспортные вертолёты с широким фюзеляжем и двумя соосными винтами. Корпус клёпанный, пятнистый и серый, как наш камуфляж. Краска на брюхе облупилась.

Внутри умещается почти двадцать человек с оружием, а при необходимости и больше. Вооружения нет, зато они прочные.

Я надвинул берет глубже, чтобы не слетел. Один из вертолётчиков уже приземлился на поле перед нами. Мощные винты не прекращали крутиться, поднимая пыль и мусор. По жёлтой траве, оставшейся с лета, шли волны. В кабине за мутным бронестеклом видно двух сидящих пилотов в шлемах с тёмными стёклами.

— Хочу полететь с вами, капитан, если нет возражений, — услышал я, несмотря на шум винтов. — Меня тоже вызвали на крепость.

Ко мне подошёл Кеннет, придерживая фуражку, и посмотрел на меня. Порывы воздуха трепали полы его шинели.

— Внутрь, — без лишних церемоний я кивнул и приказал людям: — На посадку!

И сам сел в вертолёт. Поместились мы там быстро, ведь тренировались много раз, да и бойцы будто хотели как можно скорее уйти отсюда.

Вертолёт быстро взмыл вверх, когда я дал знак пилоту, что мы готовы. В животе сразу появилось это своеобразное ощущение подвешенности, но я к нему давно привык. Ещё заложил уши, и к этому привыкнуть было сложнее.

Вибрация от двигателей шла по телу, скамейка мелко дрожала. Машину качнуло, потом ещё раз, когда она набрала высоту, и мы полетели дальше.

Наушники нам не полагались, поэтому из-за грохота винтов почти ничего не слышали. Но у меня было столько тренировок в таких машинах, что на шум я не обращал внимания.

Я сидел и наблюдал за бойцами. Кто-то закрыл глаза, кто-то говорил с соседом, громко крича на ухо.

Угодил я куда-то. Но зато вокруг люди, на которых можно положиться. Против нас было всё, но большинство выжило и мне доверяет. Поэтому мне нельзя их подставлять. Но с этим заговором... сначала надо разобраться, что происходит. Потому что лезть куда-то без разведки — это смерть. Это я выучил ещё в академии, а многие в этом убедились только во время боёв.

— Вот и крепость, — объявил Кеннет, глядя в иллюминатор. — Говорят, что «Императрица» — самая красивая среди них.

И мы все уставились на неё, будто видели впервые.

Глава 14

«Самое важное оружие летающей крепости — не пушки огромных калибров, не ракеты и не самолёты, всегда готовые к вылету. Самое главное её оружие — множество способов обмануть системы обнаружения врага.

Противник до последнего не должен знать, что именно он видит на своих приборах. Ведь если он засечёт крепость заранее, то это будет огромная уязвимая мишень. И наша задача, как инженеров — делать всё, чтобы вражеские радары всегда оставались на два шага позади наших систем...»

— Михаил Риггер. Первый директор Нерской промышленной зоны, создатель летающих крепостей.

Крепость не приближалась к городу, для неё там всё ещё было слишком опасно, вот мы и летели к ней сами на вертолётах.

Обычно реактивных двигателей крепости, маршевых и маневровых, можно услышать с нескольких километров, но сейчас всё глушили винты вертолётов. На самой крепости тоже шумно, но к этому быстро привыкаешь, как и к запаху топлива.

Сначала мы увидели яркие следы реактивных струй, поддерживающих огромную машину в воздухе, и как раскалились сопла двигателей.

— Я видел все три крепости, — прокричал Кеннет мне на ухо, сразу повеселев. — Хотя и норовистая в управлении, говорят. Был на «Молоте империи» и на «Копье Севера»! Жаль, что больше таких не строят.

Да, не строят. Кто-то говорит, что это слишком технически продвинутая машина, и империя не потянет ещё одну. В какой-то степени это было правдой, ведь они очень сложные и дорогие.

А кто-то называет другую причину: якобы в реакторе стоит свеча настоящего Небожителя, вроде той, что тогда была у меня в руках. Будто дух давно мёртвого Небожителя, живущий в свече, позволяет сгорать игниумной пасте в нужном объёме и с нужной температурой.

И этих свечей в империи осталось якобы всего три. Про ту, которую нашёл я, они явно не знали.

Паста сама по себе сгорает с такой силой, что гигантская машина парит на реактивной тяге, но с такой свечой сгорание выходит не только мощнее, но и намного экономнее, иначе бы топлива хватало всего на несколько часов.

Но всё, что касалось двигательной части, было засекречено, вход в реактор охраняли не хуже, чем в покои императора, и, возможно, всё это было просто слухами, чтобы скрыть тайну.

— Красавица, — Кеннет усмехнулся. — Ну и огромная же!

Я кивнул, потому что кричать не хотелось.

Крепость показалась впереди во всей красе. Она и правда огромная. Несколько сотен шагов в длину, больше сотни в ширину, и очень высокая. Огромные орудийные башни были направлены в сторону города.

— Гигантские пушки у нас всегда умели строить! — прокричал Кеннет и усмехнулся.

Вот это точно. На крепости были четыре трёхорудийные башни: две впереди, и две в корме. И каждая — 406 мм. Говорят, на старых Исполинах, особенно огромных шагоходах, были орудия и побольше, но столько огневой мощи за раз они нести не могли.

Отдача такая мощная, что при каждом залпе включались двигатели для компенсации, и всё равно внутри в этот момент сильно трясло.

Пушек поменьше было куда больше, не считая бесчисленного числа скорострельных зенитных орудий и направляющих для ракет ПВО. Если какой-то самолёт увидит крепость, то

близко он подойти не сможет из-за сплошной стены заградительного огня. Да и в таких случаях сразу отправляли перехватчиков.

Ну а самолётов крепость несла достаточно. Для них была взлётно-посадочная палуба с новейшими стартовыми паровыми катапультами и улавливающими тросами в конце взлётной полосы для посадки. И ещё были подъёмники, ведь сами самолёты располагались в ангаре внутри крепости.

И это не считая самолётов сопровождения, которые базировались на аэродромах. Без них крепость никогда не выходила в поход.

Кроме того, на ней были места для взлёта и посадок вертолётов, так что десант мог быстро покинуть крепость и атаковать врага.

Сейчас крепость не стреляла, а медленно плыла вперёд, и яркие реактивные струи были хорошо заметны вблизи. Вот так крепость легко увидеть своими глазами, особенно ночью. А вот радарам её засечь не так-то просто.

— Читал мемуары императора Константина Романовича, — снова закричал Кеннет. — Он своим военным талантом пошёл в отца, это точно. И писал хорошо.

— Вы про кампанию на архипелаге Меркато? — догадался я.

— Ага! — он закивал. — Блестящая операция.

Ещё бы. Армия Дискрема считала, что победит, а наши крепости пересекли море и ударили им в тыл, когда враг этого не ждал. Их радары даже не увидели это. Думали, что это просто звено самолётов, и не успели подготовиться, когда начался мощный обстрел.

Маскировка — главное оружие крепости. Её можно увидеть только своими глазами и слышать своими ушами. Но глаза и уши не видят так далеко, особенно в масштабах целого фронта, а крепость может маневрировать и пользоваться особенностями местности.

А ещё я видел на учениях, как крепость выбрасывала в воздух мелкую отработанную игниумную пыль из особых форсунок, и по какой-то причине эта пыль влияла на работу радаров.

Возможно, связано с Небожителем, дух которого мог находиться в реакторе, ведь доподлинно известно, что их силы могут глушить радиосвязь. Возможно, они влияют и на излучение радаров.

Да и не только в обычных радарх дело. Даже игниумные радары здесь вообще бесполезны, на сегодняшний день ни один не может определить сигнатуру выхлопов двигателей крепости.

А ещё продуманная система маскировки могла обманывать ракеты с тепловым наведением, сбрасывая ловушки и снижая расход топлива, попутно охлаждая раскалённые сопла реактивных двигателей жидким азотом. Ну и собственные ПВО успешно сбивало такие ракеты.

Кроме того, наземные войска запускали воздушные шары с игниумными сжигателями в местах, где может появляться крепость, сильно отвлекая внимание на себя. Техника ещё не научилась определять разницу и палила вслепую.

Конечно, крепость можно было обнаружить пеленгаторами или увидеть своими глазами. Но если крепость подобралась так близко, что её можно засечь подобными способами, то лучше бежать, ведь она готова нанести сокрушающий урон.

Да и она никогда не подходит близко. Это авианосец и артиллерийская платформа, способная нанести удар по захватчику из любого места, но ей нужна развитая система обслуживающих баз и снабжения.

Так что её используют как ставку для верховного командования и для поддержки наземных армий. Особая тактика применения, чтобы сохранить ценное оружие.

А её маскировочная система — один из самых важных секретов империи. И враг постоянно пытался его узнать.

Крепость уже рядом, её серо-песочный корпус и бронеплиты были так близко, будто до них можно было дотянуться рукой.

«Одна минута», — второй пилот показал мне условным жестом.

Вертолёт поднялся ещё выше. Мы увидели гигантский радар на башне, что медленно крутился вокруг своей оси. Когда крепость подходила на позицию для стрельбы, его выключали для маскировки, ведь разведку могли сделать и самолёты.

Видна и посадочная палуба, там уже ждали техники. Все одеты в особые герметичные костюмы, ведь на такой высоте очень холодно.

Вертолёт сел на палубу-подъёмник, и вышло очень мягко. Пилот удержал его, а после начал глушить двигатель. Подъёмник начал опускаться в глубины корпуса почти бесшумно.

— Ого, как вас встречают, — сказал офицер-инспектор Кеннет.

— Так положено, — ответил я.

На площадке внизу выстроились императорские гвардейцы и офицеры. Но главное, что здесь был сам генерал Кондратьев. Это командующий всем имперским десантом, и не просто командующий — он и создал этот род войск.

Усатый семидесятилетний старик в простом пятнистом камуфляже и чёрном офицерском берете стоял прямо и приложил руку к головному убору, приветствуя нас.

По устоявшейся традиции, если генерал находился на крепости, то он лично встречал десант, вернувшийся из боя. Всем нравилась эта традиция, именно в такие моменты многие из нас чувствовали, что находятся среди своих. И что даже генерал, который в обычное время был для многих недостижимым, сейчас был таким же десантником, как и все.

В других войсках такой традиции не было.

Я выбрался из вертолёта первым и встал перед генералом по стойке «смирно».

— Господин генерал, разрешите доложить. Боевая задача выполнена, имперский десант возвращается на крепость.

Кондратьев внимательно посмотрел на меня усталыми глазами с большими мешками под ними и протянул мне руку.

— Поздравляю, капитан. Благодарю за службу!

— Служу империи!

Генерал выслушал отчёт, а его адъютанту я передал список убитых, раненых и пропавших без вести. Впрочем, я сделал три копии, ведь прекрасно знаю, как адъютанты и штабисты относятся к таким вещам. Наверняка опять потеряют.

После генерал остался ждать майора Брайдера.

— Старшина, — позвал я, — личный состав провести в казармы. И можете отдыхать.

— Есть, — отозвался Ильин.

И в его глазах я увидел огромное облегчение. Вернулся сам и вернул бойцов. Ведь несмотря на свою внешнюю строгость, он болел за каждого из них.

— Капитан Климов, — тем временем высокий гвардейский майор встал передо мной. — Его Императорское Величество вас ожидает.

— Я готов.

— Прошу за мной.

Императорские гвардейцы ждали именно меня.

Теперь пора предстать перед правителем и увидеть всё самому. Слишком много ходило слухов, что это самозванец и заморский шпион, а вся эта война — часть заговора против него. Или его заговор против армии, которая помешает ему сдать страну хозяевам.

Где правда? Неизвестно. Но даже Крыс говорил, что он — узурпатор.

Я направился к лифту, а они следовали вокруг, но не как конвой, а как почётный караул. Офицер-инспектор Кеннет какое-то время шёл рядом.

— Это большая честь, капитан, — тихо сказал он. — Жаль только, что вам не понравится, что вы там увидите.

— О чём вы, инспектор?

— Здесь, наверну, совсем не так, как внизу. Я буду позже, — вдруг спохватился он, будто что-то вспомнил, — пока нужно отойти.

* * *

У десантных офицеров была своя кают-компания на нижней палубе. Так что в кают-компаниях для командования я бывал редко.

Мы шли через коридоры крепости. Они были похожи на корабельные: здесь везде низкие потолки, переборки, местами вдоль стен тянулись трубы с дрожащими стрелками манометров и висели кабели в оплётке.

В некоторых отсеках было просторно, но иногда приходилось пролезать через низкие люки. Пол везде состоял из рифлёного металла или решёток, воздух пах машинным маслом и горячим игниумом. Гул двигателей был слышен повсюду, но вскоре я к нему снова привык, как и раньше.

А дальше началась роскошь. После очередного перехода мы пошли по коридору, где под ногами лежала ковровая дорожка красного цвета, очень толстая. Стены отделаны под дерево. Гвардейцы шли по обе стороны от меня, пока не остановились перед массивными двустворчатыми дверями кают-компаниях для старших офицеров и распахнули их.

И тут я понял, о чём мне говорил Кеннет. Ведь в империи большой праздник, и вся страна его отмечала... кроме нас.

Очень громко играла весёлая музыка. Офицеры в парадной форме разных родов войск смеялись и веселились. Мимо меня прошёл слуга в белом костюме, неся в руках поднос, на котором стояли бокалы с шампанским. На маленькой сцене толпились музыканты с инструментами.

Здесь были и женщины, весёлые и молодые. Были и в возрасте, наверняка жёны генералов и имперских сановников. Были и сами сановники — которые смотрели на окружающих, презрительно прищуривая глаза.

Здесь офицеры Генерального штаба и приближённые к императору особы празднуют День Основания империи.

На столах были расставлены изысканные закуски, так непохожие на то, что мы ели внизу, и выпивка: вино многолетней выдержки, коньяки и прочие дорогие сорта алкоголя, а не смешанный с водой спирт.

И было то, из-за чего стоило напрячься — здесь находились офицеры в роскошной серой форме, с аксельбантами и золотом на погонах. Офицеры императорской армии Дискрема, союзники нового правителя. На груди видны эмблемы с головой быка — герб Высшего дома Хардален. У некоторых была другая эмблема в виде железного бычьего черепа — это знак Железного Легиона, гвардии дома Хардален.

Скажи о таком внизу, все сразу бы сказали одно — предательство. Крепость — высший секрет империи, и тут ходят офицеры чужой империи, которая воевала с нашей всего пятьдесят лет назад. И будет воевать ещё, в чём никто не сомневался.

А у дальней стены в широком красном кресле сидел светловолосый молодой человек, уже порядком выпивший, в чёрном с золотом мундире. Рядом с ним прямо на подлокотнике сидела женщина в военном костюме.

Молодого императора я видел однажды на параде издали, да и его лицо было повсюду, а вот эту женщину я не знал, но догадался, кто она. Это невеста молодого императора, и родом она была из Дискрема. И её старались лишний раз не показывать, чтобы не злить население.

Сейчас император и его невеста посмотрели на меня. Именно это было самым странным. Более странным, чем всё, что я видел за последнее время.

Их глаза, у них такой же серо-синий холодный оттенок, как у огня свечи духа, но более яркий. И для меня он какое-то время светил ярче, чем лампы на потолке.

Когда я видел императора в прошлый раз, у него не было такого взгляда.

А это могло означать только одно. Они оба — Небожители. И вижу эти глаза только потому, что я и сам теперь Небожитель.

Но ведь Небожители мертвы. Так ведь я-то жив... И... неужели никто не знает этого, даже заговорщики? Значит, всё совсем не так, как они думали.

Но главный вопрос был другой: видят ли эти двое, кто я такой?

Император сделал знак своей охране, чтобы меня пригласили к нему. Император Алексей Громов медленно поднялся, опираясь одной рукой на подлокотник кресла, а другой на колени своей невесты. Та хихикнула, но её взгляд оставался холодным и настороженным.

Хотя это было сложно сказать наверняка — её глаза светились так же ярко, как глаза самого императора. Оба Небожители, и я их вижу, а они видят меня. Император Громов, или тот, кто называл себя им, выпрямился во весь немалый рост и пошёл ко мне.

Все Громовы высокие. Впрочем, я и сам был высок, поэтому мы с ним оказались примерно ровень.

Он подошёл ко мне, и мы стояли, глядя друг другу в глаза. Они перестали слепить, будто я привык. В его глазах мелькнуло удивление, и длилось оно долго, но всё же вскоре в них появился хитрый огонёк.

— Капитан... — Громов сделал паузу и нахмурил лоб.

Его адъютант, высокий напыщенный парень с бакенбардами в таком же чёрном с золотом мундире, тут же подскочил к нему и подсказал на ухо:

— Капитан Климов, имперский десант, — расслышал я его шёпот.

— ...Климов, имперский десант, — невозмутимо продолжил император. Голос немного пьяный. — Наслышан о вашем подвиге этой ночью, вот и захотел увидеть лично.

— Я прибыл, Ваше Императорское Величество, — сказал я, как положено.

Громов шагнул ещё ближе и внимательно присмотрелся ко мне, будто что-то заметил. Я приготовился, что он сейчас атакует или отдаст приказ меня убить, но император спокойно продолжил, но тихо, чтобы его слышали только несколько человек:

— Ты уничтожил банк, хотя я это запретил, — Громов нахмурился. — Нарушение моих приказов может считаться изменой, — строго добавил он.

— В данных обстоятельствах, — спокойно говорил я, — мы сделали всё, чтобы сохранить уникальный памятник архитектуры. Но враги не умели обращаться со взрывчаткой. Они хотели взорвать мост во время штурма... но ошиблись и взорвали сами себя.

Громов нахмурился, и в кают-компании стало тихо. Все смотрели на нас. Даже музыка перестала играть.

А после император захохотал, и вся его свита вслед за ним. Они смеялись, пока он не закончил. Но офицеры из Дискрема к веселью не присоединялись, а смотрели на меня изучающими взглядами, будто целились из автомата.

— Слышала, Анна? — окликнул Громов свою невесту. — Я же тебе говорил, что эти пустынные точно всё сломают. Им только волю дай.

— Уверена, — равнодушным голосом сказала Анна, — что капитан сделал всё возможное, чтобы это предотвратить.

— И я так думаю. В таком случае... за проявленную храбрость в бою, а также за действия, которые привели к победе, награждаю капитана Климова...

Откуда-то сбоку к нему спешил человек с фотоаппаратом, чтобы сделать снимок для газеты.

— ...награждаю капитана Климова орденом «Орла»! — объявил Громов.

Фотограф поднял свой прибор. Император улыбнулся, глядя в объектив, а кто-то из свиты вложил ему в руку медаль в виде серебряного орла, с белой эмалью и синей лентой. Яркая вспышка на мгновение ослепила.

Это «Имперский орёл» третьей степени, офицерский орден. Очень серьёзная награда, особенно для потомка изгнанника. Просто так подобными орденами не награждают. Это престижный знак, и он даёт дорогу к повышению, а ещё смывает пятно позора с фамилии.

Император умело приколот орден мне на грудь как раз в тот момент, когда снова сверкнула вспышка фотоаппарата.

— Поздравляю, капитан!

— Служу империи! — чётко отозвался я.

Служу империи, и только ей.

Глава 15

«Долгое время во всём мире считалось, что империя Дискрем во всём превосходит наш Юнитум.

Они процветали, развивались и богатели, пока мы гибли в бесконечных войнах друг с другом, которые провоцировали их правители. Они называли нас варварами, живущими на месторождениях игниума и говорили, что давно бы нас захватили, если бы хотели.

Но кампания на архипелаге Меркато показала, что мы можем говорить с врагом на равных даже на его земле. Мы нанесли им такое поражение, которое они никогда не забудут.

Такой позор они постараются искупить любой ценой. Так что никогда им не верьте...»

— Из последнего письма императора Константина Громова своим детям.

Я думал, император (или кто там был вместо него) заинтересуется, откуда у меня такие силы, но он начал говорить совсем о другом:

— Климов, значит? А мы же очень дальние родственники, как ты должен знать.

— Да, Ваше Императорское Величество, — сказал я, как полагается. — Громы и Климовы давным-давно находились в одном клане в Огрании.

— Познакомься с моим родственником, Анна, — бросил Громов.

— Очень приятно, — его невеста сделала лёгкий реверанс.

Анна Хардален так и не расслабилась, но смотрела не на меня, а рассматривала гостей. Наверное, проверяла их реакцию, кто смеётся, а кто нет, кто лоялен, а кто не очень. Ведь ходят слухи, что это она правит, а не Громов.

Она из Дома Хардален, что было ясно по значку с гербовой головой быка. Глава этого дома сейчас был императором Дискрема. Но вообще, это привлекательная женщина, и дело даже не в том, что в окопах женщин почти не видишь, и любая привлекает внимание.

Вот только её взгляд, который я разглядел, когда меня перестало слепить, был ледяной и очень безжизненный.

— Можете расслабиться, капитан, — продолжал Громов. — Разрешаю вам остаться и обращаться ко мне запросто, и не только ко мне, а к любому, кто здесь. В империи Дискрем так принято при дворе, и это хорошая традиция, позволяет не закостенеть правителю. При моём дворе многие тоже пользуются этой привилегией. Хотя я бы сказал, что некоторые этим злоупотребляют. Да, Борис?

Снова раздался угодливый смех окружающих, а Алексей повернулся к свите.

— Кстати, адмирал, это же ваш родственник? Чего не подходите знакомиться? Или уже знаете друг друга?

— Ещё не знакомы, Ваше Императорское Величество.

Из толпы сановников медленно вышел очень высокий рыжий мужчина в синем адмиральском мундире, увешанном наградами.

Этого я знал. Это командующий военно-морскими силами, адмирал флота Борис Климов. Тоже Климов, но я потомок того брата, которого тогда изгнали, а этот — потомок оставшегося в империи. Так что он смотрел на меня, не скрывая злобы.

— В любом случае рекомендую, — продолжил император, глядя на адмирала, который стоял рядом с явной неохотой. — Родственники должны находиться рядом друг с другом. Можете пообщаться запросто, будто здесь нет чинов. Разрешаю.

Это адмиралу не понравилось особенно. Но я понял, император специально его поддевал и изучал с хитрым видом.

— Я бы познакомился, — пробасил адмирал, смерив меня взглядом, — но я не очень горю желанием общаться с людьми из Дискрема.

— Я не подданный императора Дискрема, — возразил я. — Пусть родился там, но мои предки жили здесь, и я вернулся домой, к своим, где уже принёс присягу. И даже воюю.

— Я бы сказал...

— Спокойнее, господа, — сказал император строгим тоном и нахмурился. — А если прикажу пригласить капитана, адмирал? Для родственников это приемлемо, даже если они в разных званиях.

— Я выполню приказ, — упрямым голосом сказал Климов, — но это не изменит моего отношения. Я был против возвращения потомков изгнанника. В тот год на нашей семье осталось пятно позора, и его не смыть одним боем и одной наградой. Уж простите, Ваше Императорское Величество, но вы сами разрешили говорить начистоту.

— И всё же, господин адмирал, — сказал я, — мне доверили служить на крепости, и я сражаюсь за империю. И люди идут за мной, проливая кровь. Эта награда — не только для меня, но и для них тоже. Это ничего не стоит?

— Стоит, но... — неуверенно произнёс адмирал. — У меня нет к вам претензий, капитан. Вы хороший солдат, я уверен, и награда заслужена. Но мы, Климовы — родственники Громовых, и этот статус нужно поддерживать, дабы...

— Опять эту пластинку завёл, — хохотнул император, и его свита следом. — А ведь ваш родич ранен, но стоит на ногах. И это доказательство, что он настоящий Климов, раз даже раны его не берут. Ваш дед Валентин управлял риггой даже когда остался без ног. Вы, Климовы, очень упрямые. Кстати, могу немедленно послать к вам своего личного врача, капитан, — он посмотрел на меня.

— Я хорошо себя чувствую, Ваше Величество, — я помотал головой.

— Я рад. Но я понял вашу позицию, и у нас вышел интересный спор. Что важнее: имя, данное при рождении, или дела, совершаемые человеком. В Дискреме тоже обсуждают это...

И вся свита начала об этом говорить. Куда я попал? В нашей кают-компании такое не обсуждали почти никогда. Хотя у нас были люди более знатного происхождения, чем Климовы и даже Громовы. Тот же Флетчер — потомок герцогов, которые правили страной ещё до Таргина. А предки покойного командора Шлейна были королями Мидлии в древние времена.

Но эти темы родства и знатности не интересовали офицеров, а если они и обсуждали такое, то не с таким пафосом, как здешняя знать. Всё же это дела давно минувших дней, империя сильно изменилась с тех пор. Сейчас старая знать не в таком высоком положении, как раньше. Большой почёт сейчас военным, а не знати, и сейчас через армию можно забраться наверх даже выходцу из небогатой семьи. Хотя чего спорить, всё равно потомку Наблюдателей, как раньше называли знать прошлого, было куда проще в жизни, чем остальным.

— Славно поговорили, — объявил император и хлопнул в ладоши. — А что до Дискрема, то мы теперь союзники. И пора уже заканчивать всю эту бессмысленную бойню. Это всё в прошлом.

— Да, Ваше Императорское Величество, — отозвалась свита, даже адмирал Климов, хотя он был недоволен.

— И совместно с нашими союзниками из Дома Хардален мы, наконец, сможем отправить человека на орбиту планеты, — продолжал Громов. — Технологии сейчас позволяют. Быть может, сможем выйти в космос и увидеть, откуда прибыли эти Переселенцы.

— Так и будет, Ваше Императорское Величество, — произнёс один из дискремских офицеров. — Над этим мы и работаем с вашего высочайшего позволения.

— А теперь тост, — объявил Алексей, и ему тут же подали бокал. Он посмотрел на меня. — Вот вы его оцените, капитан. За тех, кого больше нет с нами, — проговорил он и выпил залпом, ни с кем не чокаясь.

После последовали несколько мгновений тишины, как положено, хотя сомневаюсь, что присутствующие поняли, что всё это значит. Но для нас, тех, кто воевал внизу, это значило многое.

— Вы хорошо отличились, капитан, — сказал Громов, глядя на меня, и повторил: — Капитан... или может быть, пусть лучше будет майор, — добавил как бы невзначай. — Оформите ему назначение, — бросил он адъютанту. — Сразу бы назначил вас командором, но мои советники говорят, что через звания лучше не скакать, так что потерпите пару лет. Поздравляю, майор Климов!

— Служу империи! — отозвался я.

Но не просто так он осыпает меня милостями. В самый раз напрячься, ведь за этим что-то стоит.

— Есть ещё какие-то пожелания, майор? — спросил Громов, и мы с ним отошли в сторону, ещё ближе к столам. — Подумайте хорошо, другого шанса попросить что-то не будет.

— Да, есть, Ваше Императорское Величество. Мне бы хотелось, чтобы отличившихся в бою наградили, а семьям погибших помогли. Потому что слишком много времени уходит, чтобы это выбить.

— Какая честность и ответственность за этих людей, но я это ценю, — он скосил глаз на своего адъютанта, и тот закивал.

После император продолжил говорить о чём-то со своей свитой, и вскоре пошёл на выход. Со мной остался адъютант. Напыщенный молодой мужчина с бакенбардами покачал головой.

— Это было немного дерзко, но Его Императорское Величество к вам очень расположен, господин майор. Дайте фамилии этих офицеров, и я займусь их награждением.

— Вот список отличившихся, а вот отдельный: погибших, раненых и пропавших без вести из моего батальона, — я передал ему смятый лист. — Мне бы хотелось, чтобы вы ускорили необходимые выплаты семьям, а также поиски пропавших и помощь раненым. И выдали награды отличившимся.

— Это задача совсем не для нас, — возмутился адъютант, но вздохнул. — Ладно, давайте сюда. Сделаю запрос в вашу канцелярию, дело пойдёт быстрее...

* * *

Музыка заиграла громче, со всех сторон возобновились разговоры, а император Громов и его подозрительная невеста, которая почти не вмешивалась в разговор, больше здесь не показывались.

С ними ушла часть свиты, но немалая часть офицеров, включая моего родственника-адмирала и других, остались, и большинство из них принялось пьянствовать. Но здесь не было командующего крепостью, контр-адмирал Извольский был трезвенником, а также не явился имперский генерал Рэгвард.

Я посмотрел на стол и почувствовал, что очень уж хочу есть.

— Присаживайтесь сюда, господин майор, — один из неприметных слуг тут же показал мне свободное место за столом и пододвинул стул.

Императорский приём — не солдатская кухня, и угощения тут были на высшем уровне, даже в полевых условиях вдали от дворца. Передо мной стояли серебряные блюда с тонко нарезанной говядиной в винном соусе, запечённая утка с яблоками и свежий хлеб с хрустящей корочкой. В хрустальных вазах лежал виноград, груши и разные ягоды. Ещё было вино в графинах, красное и белое.

И тут ко мне подошёл Крыс. Сейчас на нём был парадный мундир гвардейского офицера, но выглядел он всё равно непримечательно. На него никто не обращал внимания.

— Как впечатления, господин капитан? — спросил он.

— Ты знал? — я кивнул на дверь, в которую удалился император.

— Что он и его невеста — Небожители? Да. Поэтому... поэтому я... поэтому мы и пошли на такие меры. Одного Небожителя может победить только другой.

Крыс сел за стол. Музыка играла громко, но мы говорили тихо, едва слыша друг друга. Впрочем, я слышал его лучше. Должно быть, это плюсы моих новых способностей.

— Небожители хорошо слышат, — сказал я. — На случай, если опять будешь говорить про заговоры.

— Вы же не слышите, что они говорят в соседнем помещении. И они тоже. Эта способность работает не так сильно. Нас здесь не подслушают. До нас сейчас никому нет дела.

— И зачем его побеждать? Где доказательства, что он узурпатор?

— Доказательства есть, как и доказательства заговора против него. Но это просто одна нелегитимная власть сменит другую.

— Говори конкретно, — прервал я. — У меня времени мало. Мне ещё сегодня надо составить список погибших для выплат. И написать письмо родителям и невесте Штыка, что он не вернётся домой.

— Штык погиб? — Крыс посмотрел на меня, чуть приоткрыв рот.

— Его казнили пустынные. А ты думал, что раз сбежишь, то все выживут?

— Я не сбежал, — сквозь зубы проговорил он. — Там была группа разведки, я знал их места, вот и позвал их. От них было больше пользы, чем от меня одного. Просто я думал, что он выживет.

Это сожаление или Крыс притворяется? Не сказал бы, что они были друзьями. И всё же пару дней провели рядом, в бою это многого стоит, люди после такого совместно пережитого тянутся друг к другу сильнее. Возможно, что и Крыса это задело где-то в глубине души.

— Давай к делу. Как он отреагирует на меня?

— Пока не знаем, заметил он это или нет. Но в любом случае, он захочет переманить вас на свою сторону. Вы же гвардия, теперь с боевым опытом, а он мало кому может верить.

Пока он говорил, я пододвинул к себе рыбу под белым соусом, от которой шёл пар. По привычке хотелось достать из кармана свою ложку, завернутую в салфетку, но я удержался, ведь помнил, где находился.

Да и на столе лежали приборы, серебряные, с гербами, а я ещё с академии помнил, как ими пользоваться. Этикету нас учили очень тщательно.

Война войной, а есть хочется всегда.

— Но это не настоящий император, — сказал Крыс очень тихо. — Кому это знать, как не его службе безопасности?

— Ты рассказывай.

Да уж. Обсуждать заговор против императора, пока он сам в соседнем помещении. Но я понимал, что мы здесь не одни такие. Много кого он не устраивает среди собравшихся, и многие обсуждали это прямо сейчас.

— Император Михаил Константинович был слаб, — начал объяснять Райгер. — Но дети у него были сильные. Три сына, надежда империи. Дмитрий, твой тёзка, Константин и Алексей.

— Который стал императором сейчас.

— Нет, — он помотал головой. — Дмитрий погиб в аварии, Константин утонул, Алексей в это время был в Дискреме. Он хотел сделать военную карьеру, и обучался у них, у нас тогда было потепление отношений между империями. Учился в академии, кстати, той же самой, что и ты.

— Я его там не видел. Хотя академия была очень большая.

— Но оттуда вернулся не он, — Райгер понизил голос. — Похож на него, знал всё, что знал Алексей. Но это не он. Двойник, узурпатор. Охранка знает это лучше всех. Это марионетка, которая губит империю. А ещё с силами Небожителя, что было хуже всего.

— И вы решились на заговор.

— А кому ещё возглавить империю, как не тому, кто когда-то её создал? — он произнёс это уверенным голосом. — Мы думали, что у него легко это получится. Эрдель, предыдущий руководитель, был в этом уверен.

Я смотрел на него, пытаюсь понять, почему он рассказывает мне про узурпатора. Я его не пытаю, не выбиваю данные. Просто задаю вопросы, и в какой-то момент он стал отвечать очень подробно.

Врёт? Или какой-то расчёт?

— Что ещё? — спросил я.

— Заговоров несколько, — сказал Крыс. — Уже многие поняли, что на троне самозванец. А кто не понял, того не устраивает, как император заигрывает с Дискремом и собирается взять в жёны дочь их императора, которая, говорят, на самом деле управляет всем. Так что один из заговоров, скорее всего, удастся. Возможно, они заполучат себе власть и назначат нового императора. Или выберут среди себя.

— И кто они?

Он молчал долго, раздумывая и глядя на меня, будто что-то прикидывал.

— Один из них — ваш дальний родственник, адмирал Борис Климов. С ним генерал Загорский из РВС Огрании. Генерал Салах, скорее всего, тоже был связан с ними. Его восстание может быть частью заговора, чтобы отвлечь армию, насколько мы можем судить. Но потом он плюнул на договорённости и решил действовать сам.

— Ты знаешь о заговоре, но не выдаёшь его. Твоя работа — такое предотвращать.

— Таков план, — сказал Крыс. — Они возьмут власть, но не смогут её удержать.

— И тут бы вышел Таргин в моём теле. А зачем было ждать? Таргин легко бы справился с кем угодно. Размазал бы их хоть прямо сейчас.

— Для всех он был бы правнуком изгнанника Павла Климова. Какое это даёт право на трон? Никакого. Без номинальных прав никто не назовёт его императором. Даже то, что он Небожитель, мало поможет. Началась бы кровавая гражданская война, куда хуже предыдущих.

— Тогда на что был расчёт?

Да уж. Как говорится: никогда такого не было, и вот опять. Служба безопасности сама возглавила заговор, считая правителя чужой марионеткой.

Но раз Крыс говорит, надо слушать, чтобы понять, что делать мне самому. Думаю, многие хотят переменить меня на свою сторону, чтобы я сделал грязную работу. И чтобы не попасть в ловушку, надо выяснить как можно больше.

— Расчёт на то, — продолжил Крыс, — что новые властители действовали бы всё хуже и хуже, недовольство ими копилось бы сильнее. Потому что военный талант одного из генералов ты видел сам. И вот тут-то харизматичный человек с силами Небожителя и поддержкой армии и гвардии смог бы проявить себя, а Таргину в харизме не откажешь. И кроме того, Климовы — дальние родственники Громовых. Шанс есть, но для этого нужно было копить силы.

— Вот это план вы придумали, — я покачал головой.

— Это придумал сам Таргин во время прошлой жизни, — сказал Крыс. — План на случай поражения, чтобы можно было вернуться. Мы только проработали детали и нашли носителя для его души. Нельзя недооценивать Таргина. Он — почти бог.

— Давай без пафоса, — я поморщился.

— По крайней мере, некоторые в это верят. Эрдель вот всегда верил, что Таргин вернётся и наградит его.

— Давай к делу. Ну вот, ты мне всё выдал. Я держу вас в руках, и душа вашего бога у меня. Какие предложения?

Райгер молчал.

— Мы не знаем, — наконец признал он. — Правда не знаем.

— Так что ты хотел со мной делать? Для чего приходил сегодня на земле и хотел угрожать? Говори честно.

— Мы хотели найти способ запугать тебя, заставить действовать на нашей стороне, чтобы помочь Таргину вернуться. Но тут... мы искали способ, как дать ему силы... но...

— У вас нет никакого способа, — заключил я. — Таргин придумал за вас план, но когда всё пошло не так, вы сели в лужу. Плохо, что вы не учитываете опыт имперской армии. У нас всегда подчинённые готовы принять роль командира на случай его гибели. А у вас всё рассыпалось, когда главный умер.

Он обречённо кивнул.

— Так и есть, — протянул Крыс. — А империя рушится, кризис в Инфиналии не единственный. Потому что этот император или кто будет вместо него, нас погубит или сделает колонией Дискрема. Сами видите, насколько всё прогнило наверху. Офицеры Дискрема изучают наши летающие крепости и радары. Они уже придумывают, как это уничтожить.

Вот тут он не врал, я сам их видел только что. И это огромная проблема, на самом деле. Скажи кому внизу, что здесь ходят «дискари», как называли военных из Дискрема, все сразу будут кричать о предательстве. Крепость — секретное оружие.

Но помощи от этих заговорщиков не будет, и с этим знанием пока непонятно что делать. Хотя смотреть, как империя рушится, я тоже не собирался.

— Теперь ты идёшь и узнаёшь, что Громов решил насчёт меня, — приказал я.

— Вы не мой командир.

— Я им был и остался. Узнай. Если он направит меня в пекло, то со мной весь отряд. И твой батальон, кстати. Ребята погибнут. Как Штык. И вообще, Крыс... кому ты служишь? Кому из заговорщиков.

— Я делаю то, что выгоднее империи. Но...

— Сам не знаешь, что выгодно. А я тебе говорю — эти заговоры и прочее до добра не доведут.

Тут он кивнул. Хотя бы это понимает.

— Но чтобы держать всё под контролем, — продолжал я, — нам надо знать больше. И что ты выберешь? Одного из заговорщиков, которому не надо ничего, кроме собственной власти? Или всё же империю? Чтобы она продержалась? Под этой крепостью десятки тысяч человек, которые проливают за неё кровь. А для тех, кто здесь, это просто пешки в их играх.

— Я понимаю.

— И сам стал пешком, — добавил я, и он злобно посмотрел на меня. — И ты знаешь, что это правда. Поэтому, капитан Райгер, тебе надо сделать выбор, на чьей ты стороне.

— А вы?

— А я на той, которая не втравит моих ребят в эту мясорубку ещё раз. Мы ходили в разведку, и сейчас занимаемся этим. С плеча не рубим.

— Я понимаю, — повторил он задумчивым голосом.

Вскоре Крыс ушёл, так же не привлекая внимания. Вряд ли он так проникся моими словами, но я всё так же склонен не лезть в пасть дракона, не зная, что там ждёт. А то с одной стороны узурпатор с силами Небожителя, а с другой — заговорщики.

И между ними — империя, которая находится в огне.

Я-то знал, кого именно выбрать. Но в этих делах и дворцовых интригах нужна максимальная осторожность.

А пока думал, продолжил есть. После нескольких дней сухпайков, консервов и прочего, что удавалось найти в разрушенном городе, такая кухня казалась ещё вкуснее.

Тут несколько офицеров из Дискрема. А я же учился там, где и они, и помню, как там говорят. Там жителей Юнитума называли не вероятным противником, а говорили просто:

«наши враги». Они готовятся к войне, и хорошо, что я воюю за эту сторону, а не за ту. Я ещё в академии думал об этом, как бы вернуться. Не чувствовал я то место своим домом, никогда.

Никогда я не хотел воевать за Дискрем против Юнитума, даже когда учился. Просто там выбора не было для сироты после приюта: или армия, или грузчиком в порт, или в бандиты. А когда меня пригласили в консульство Юнитума и вручили приглашение, я даже не сомневался, что делать, и согласился приехать сюда сразу. Потому что всегда тянуло именно сюда, на земли предков.

И сразу, когда сошёл на берег, понял, что здесь мой дом. И хоть на меня косились из-за предка, вот в этом праве на дом мне не отказывали. Поэтому и сражаюсь, и готовлюсь дальше, раз получил шанс и силы для этого. С этим будет проще.

Вскоре ко мне подошёл высокий светловолосый майор в чёрной форме офицеров Генерального штаба. Это мой знакомый Станислав Варга, предельно вежливый, держащийся так, будто никакой раны нет, хотя лоб по-прежнему перевязан, а его левая рука висела в перевязи.

— Я присяду?

— Конечно, майор, — произнёс я.

— Благодарю, — очень вежливо сказал Варга. — По правде, я пришёл сюда, только когда узнал, что награждают вас. Поздравляю с новым званием.

— Благодарю.

Варга — один из самых известных родов севера, и майор ведёт себя совсем не так, как другие. Он очень вежливый, даже к солдатам обращался на «вы».

Майор сел рядом со мной и взял салфетку с тарелки.

— В госпиталь так и не отправились? — спросил я.

— Пока некогда, генерал просил остаться и передать дела, да и я привык работать. Ну и можно немного ошарашить местных штабных офицеров своим видом, — он улыбнулся. — Они раны только в кино видели. Привыкли, что там солдаты падают молча в героических позах, а не вопят, когда осколок разрывает брюхо, — мрачно сказал майор, глядя перед собой застывшим взглядом, и тут же добавил: — Извините, о таком не говорят за столом. Просто впечатления сильные. Всё же это был мой первый настоящий бой, и я ещё не привык.

— Понимаю. Вы хорошо себя показали. Ваша семья, как я слышал, всегда служила в армии.

— Так и есть. Люди это помнят, — Варга усмехнулся. — Сейчас в это сложно поверить, но совсем недавно северяне шли в бой с криками: «Варга!», а мы их вели и не прятались за их спинами. Уважение сохранилось до сих пор.

Кое-что он мне прояснил из настроений высшего света. Много кто недоволен заигрываниями императора с давним врагом, и, похоже, никого не устраивала невеста Анна из другого государства и чужие офицеры на крепости.

— Между нами, Дмитрий... можно звать вас по имени?

Я кивнул.

— Гостям из чужой империи здесь не место, — продолжил Станислав. — И моё мнение разделяют многие. И если бы не эти «гости», за императором пошли бы все. Без исключения. Не обращая внимания на любые слухи. Но увы, — Варга скривился. — Я немного выпил, Дмитрий, поэтому лучше промолчу, чтобы не сказать того, о чём пожалею.

Но его мнение о происходящем, а также мнение других из его круга общения, считывалось отлично. Вскоре он ушёл, я какое-то время посидел и тоже собрался уходить, ведь никого полезного здесь не видел.

И уже на выходе столкнулся с генералом Рэгвардом. Кажется, он искал меня.

— Господин генерал, — обратился я к нему.

— Вольно, майор Климов, — отозвался Рэгвард и махнул рукой. — Поздравляю с назначением, — он был чем-то встревожен, — и пока вы не прогремели во весь свой молодецкий

голос: «Служу империи», мне бы хотелось с вами пошептаться с глазу на глаз, — он вцепился мне в плечо. — Не откажете старику?

Смотрел он на меня с намёком, явно что-то хотел от меня.

— Я готов, господин генерал.

— Есть тут одно место, — тихо сказал Рэгвард, так и держа меня за плечо, будто опасался, что я убегу. — Поговорим там о делах ваших молодых.

— И о женщинах? — спросил я, зная его характер, что он иногда любит пошутить и не начнёт злиться.

— Это первым делом, майор. Но только после работы. Очень важной работы, — он с намёком посмотрел на меня.

— От которой зависит судьба империи?

Он хмыкнул.

— Судьба этой кампании точно зависит от сегодняшней ночи. И для этого нужен десант, никто другой не успеет.

Глава 16

«Живём в небе — сражаемся на земле»

— Девиз имперского десанта

«Не убила крепость — добьём мы».

— Неофициальный девиз имперского десанта

Имперский генерал Конрад Рэгвард, высокий и крепкий пожилой мужчина в чёрной парадной форме, смотрел на меня, держа фуражку в руках. Он лысый, усы седые, выглядел ещё бодро. Взгляд насмешливый, но цепкий, и сразу привлекает внимание, ведь один глаз у него карий, другой зелёный. Их фамильная черта, много у кого из их семьи глаза разного цвета.

Это с ним мы тогда говорили по радиосвязи, когда я вернулся с вылазки.

О нём ходили легенды. Генерал был в опале на момент начала войны, но когда мы увязли, император вернул его в армию. Конечно, за несколько дней он не смог исправить весь бардак, но мы надеялись, что вскоре у него выйдет победить.

У Рэгварда было много необычных привычек. Он мог внезапно заявиться в отдалённую часть на краю страны, где его не ждали, и устроить там проверку. Мог начать внезапный манёвр или неожиданную атаку, или, наоборот, отступить, чтобы потом резко выбить врага с другого направления, а затем и вернуть утраченное.

Он сторонник мобильной войны, глухую оборону ненавидел, а логистов и транспортников доводил до истерик. При этом уважал офицеров и ценил простых солдат, но не опускался с ними до фальшивого панибратства.

Его замыслы понимали редко, но всё же верили, ведь просто так он ничего не придумывал. Хотя с возрастом генерал стал осторожнее, но порой был способен придумать что-нибудь такое, чего враг не ждал.

Он из старой гвардии командиров времён императора Константина, деда Алексея. Таких больше не делают.

Мы с ним добрались до лифта, который почему-то никто не охранял, и поднялись на ещё один уровень. Генерал привёл меня в штаб крепости, но огромное помещение пустовало. Никто не сидел за радиостанциями, вокруг не ходили штабисты, а за огромным столом с картой расположились всего два человека: один в чёрном мундире штабиста, с левой рукой в перевязи и перевязанным лбом, второй — уже седой, но подтянутый, в оливковой форме разведки, без знаков различия.

— Это полковник Дробышев из императорского разведкорпуса, — представил генерал второго офицера. — А майора Варга вы и так знаете.

— Доброй ночи, господа, — Stanisław Варга кивнул.

— И для чего мы собрались? — спросил я.

— Сейчас объясню. Майор, — Рэгвард посмотрел на Stanisława. — Мне нужно присесть, если вы не возражаете.

И странное дело, Варга поднялся, а генерал спокойно сел. И что это значит? Но стало не до этого.

Поверх лежащей на столе карты кто-то расстелил другую, меньшего масштаба, с пометками от руки. Это дамба к северу от города. Что-то стряслось, и нужно реагировать быстро. Её хотят взорвать? Но её же охраняют с первых дней.

Сон как рукой сняло. Что-то случилось, и надо отреагировать быстро. А к кому обращаться в таких случаях, как не к десанту? Особенно когда нами командует такой любитель

внезапных ударов. Именно таких, посреди ночи, когда мы сами об этом не знаем. А уж враг тем более потеряется.

— Ситуация на земле аховая, — сказал генерал и показал на карту. — И надо решать всё быстро. Вот только есть проблема: когда я экстренно соберу штаб и подниму всех причастных, об этом узнает тот шпион, который нам гадит, и передаст всё генералу Салаху. И момент будет упущен.

— Вы его так и не вычислили, — произнёс я.

— Это не так-то просто, майор, даже с теми бумагами, которые вы добыли. А я не хочу отправлять людей на верную смерть без шанса на победу. Поэтому собрал вас. Вы трое в последние дни были в городе, а не на крепости, и от вас утечка из штаба пойти не могла. Предатель был здесь, а не внизу.

— Всё так плохо? — спросил Варга, с тревогой глядя на карту.

— Если Его Императорское Величество позовёт на совет своих «союзников», — он скрипел. — Вот тогда будем говорить, что в этот момент, оказывается, всё ещё было хорошо. Потому что генерал Салах ещё летом украл у нас три бомбы класса «Вечное пламя»! И я об этом узнал только сейчас!

Мы с Варга недоумённо переглянулись. Об этих бомбах ходили слухи, но как они действовали, никто не знал. Будто это были особо мощные игниумные бомбы, но игниум в них не просто взрывался, а вступал в реакцию, принося куда большие разрушения.

Мы толком не знали, а вот разведчик от неожиданности выронил карандаш, который держал в руках, и приоткрыл рот.

— Вы хотите высадить десант? — догадался я. — Пока враг не использовал эти бомбы?

— Верно, майор. В ночь, во вражеский тыл. Прямо сейчас, пока я не созвал штаб. Знаю, что ваши люди устали, Дмитрий, но больше некого отправлять. Вы должны высадиться и прикрыть разведкорпус, пока Салах не взорвал эту хренову дамбу в самый неподходящий момент и не затопил весь город с нашей армией! — Рэгвард ударил кулаком по столу.

— Ещё и дамба, — пробормотал Варга. — Если не атаковать, всё станет хуже.

— Не только. Тогда вся наша кампания полетит коту под хвост! Вернее, заберётся туда ещё глубже. А если он ещё взорвёт бомбу где-нибудь рядом с крепостью... Так что выход один — ударить первыми. Прямо сейчас.

Новость тревожная, и генерал говорил начистоту, раз уж тут только мы. Но это точно не дворцовые интриги. Дело не в императоре, а в империи, ведь война ещё идёт, и мы можем проиграть. А это нельзя, ведь все эти смерти окажутся напрасными.

Так что нам нужно делать именно то, что умеет делать десант. Нас ждёт работа.

* * *

Замысел был простой. Разведкорпус должен был штурмом взять подземный бункер генерала Салаха и предотвратить взрыв бомб. Но генерал Салах прекрасно знал нашу тактику, поэтому операцию мы замаскировали под высадку десанта.

Ночью против империи восстал один из батальонов РВС Инфиналии и присоединился к сепаратистам. Этот батальон мог захватить дамбу, и для её защиты официально отправляли десант крепости, как самое мобильное подразделение.

Операция с виду рядовая, а генерал Салах хотел шантажировать императора этими бомбами, поэтому генерал Рэгвард полагал, что мятежник не взорвёт их без нужды, тем более, пока он сам находится рядом с ними. Да и у него достаточно войск, чтобы закидать нас шапками.

Но всё не так просто. Рэгвард умел проводить такие манёвры. Он знал, как сделать так, чтобы ложная атака выглядела убедительно, но и чтобы не терять при этом людей в бессмысленном нападении.

В районе были союзники, правда, не всем можно было верить, ведь часть из них — пустынные из РВС, и тоже могут перейти к сепаратистам, но генерал обещал отправить надёж-

ные войска нам в помощь, чтобы нас не раздавили во время ответного удара. И обещал полную поддержку крепости.

— Император не знает, в чём именно дело и что я задумал, — сказал Рэгвард, — но я беру на себя полную ответственность. Понимаю, что люди устали, но другого десанта под рукой нет. Да и вы, Дмитрий, хорошо себя показали там.

Кажется, Рэгвард единственный, кто из всех знакомых мне генералов говорил «люди», а не «личный состав». Мелочь, но заметно.

Полковник из разведки высадится с нами, а Станислав Варга будет координировать работу всех войск до того, как об этом пронюхает шпион. Потом, когда скрывать станет нечего, подключится остальной штаб, и начнётся полномасштабная операция.

И закончить нужно до утра, иначе Салах подорвёт дамбы и затопит город. Тогда пострадает имперская армия, и погибнут тысячи гражданских, до которых сепаратистам дела нет. Они привыкли прикрываться ими, как живым щитом, да будут показывать по новостям, что империя убивает мирных жителей.

— Каждый может высказать, — сказал Рэгвард, закончив говорить. — Даю две минуты на человека.

— Салах служил в имперской армии, — я наклонился к карте. — Значит, он понимает, где мы можем высадиться, — я указал на отмеченное красным карандашом место. — Вот здесь самая удобная точка для высадки. Я уверен, что он её уже укрепил, если ожидает высадки.

— Так, — Рэгвард кивнул, а остальные наклонились ближе.

— Там будут ждать зенитки и прочее. Основное ПВО подавлено, но нам и мелочи хватит, которая стоит по дворам. Они собьют вертолёт или перестреляют нас, если станем спускаться на парашютах. Но...

Я провёл пальцем по шершавой бумаге и указал на другую точку.

— Предлагаю другое место. Вот эта площадь, здесь прямой путь к дамбе. Наши вертолётные здесь сядут, причём быстро, места хватит. И вокруг мало зданий, откуда они могут по нам стрелять. Но надо, чтобы инфов отсюда отвлекли.

— Я согласен с майором, у него хороший план, — поддержал Варга.

Генерал коротко подумал и согласился:

— Ладно, высаживайтесь там. А что до отвлечения, то я что-нибудь придумаю.

Обсудили другие детали, хотя понимали все, что в бою всё пойдёт совсем не так, как мы планируем.

— Письменный приказ будет, — сказал генерал Рэгвард на прощание. — Я ответственности не боюсь. И вот ещё, — он полез в карман. — Обычно я дарю такие только полковникам в честь больших заслуг. Но нам важно действовать секунда в секунду. Возьмите.

Рэгвард протянул мне часы на кожаном ремешке. Корпус медный, массивный, ремешок выглядит дорогим. Это заморские часы из империи Дискрем, на землях Дома Лихтари их делать умели. Они очень дорогие, зато надёжные и крайне точные.

— Благодарю, господин генерал, — я застегнул часы на левой руке.

— Удачи, майор, — пожелал Рэгвард. — Риск большой, но мы за вами присматриваем.

Вот за что уважают генерала. Он не обманывал и говорил прямо даже в таких обстоятельствах. И мы знали, что он сделает всё, чтобы минимизировать риск. Старая школа.

Таких больше не делают.

* * *

Мы с полковником быстрым шагом шли в сторону подъёмника. Надо опуститься на десантную палубу и быстро готовиться к высадке. Оказывается, генерал уже поднял десант по тревоге, так что сэкономим ценное время.

— Как будете высаживаться? — тихо спросил Дробышев.

— На вертолётах, — ответил я. — Чтобы как можно быстрее оказались на месте и заняли позиции. Это самый быстрый способ.

— Хорошо, а мы тем временем... — начал полковник, но осёкся.

Впереди мы увидели высокий силуэт человека в чёрной форме и фуражке. Лампа мерцала, поэтому я не сразу разглядел молодого офицера с бакенбардами.

Это адъютант императора, я видел его на приёме. Впрочем, это не совсем адъютант, потому что у него не было воинского звания, скорее это помощник правителя по разным вопросам, но все называли его так.

— Господин майор Климов, — он посмотрел на меня, потом перевёл взгляд на Дробышева. — И господин полковник тоже здесь. Мне нужно кое-что обсудить с вами, господин майор. Я приходил к вам на десантную палубу, но охрана меня не пустила и сказала, что вы здесь.

— Так положено, поэтому и не пустили. Я слушаю.

— Ваш батальон выходит на построение, — адъютант нахмурил лоб. — Что-то случилось?

Рэгвард строго предупредил, что говорить об операции нельзя. Ведь шпион на крепости. Нельзя врать помощнику императора, да и не все вокруг шпионы. Но даже союзник может ненароком выдать что-то важное.

— Это учения, — ответил я, немного подумав. — Несколько человек напились, нарушив приказ, теперь старшина гоняет всех. У нас так принято, все отвечают друг за друга.

— Понятно. Ну, после боя ведь вернулись, — примирительно сказал он. — И праздник же всё-таки. Поблажка не должна быть?

— В иное время мы бы закрыли на это глаза. Но мы на крепости во время боевого вылета, и дисциплина должна поддерживаться.

— А, понимаю-понимаю, — адъютант закивал. — Ну, тогда не буду вмешиваться, вам виднее. Я вас разыскивал, — он достал из кармана свёрнутый лист с печатью. — Вот ваш список награждённых, который вы мне дали. Я уже переслал копию в канцелярию. Оформят без задержек, можете уже обрадовать личный состав, если считаете нужным.

— Благодарю, — я взял лист. — Вышло очень быстро.

— Просто дело в том, что император перед сном всегда смотрит бумаги. Вот и увидел у меня этот лист и взял посмотреть, а потом подмахнул, — парень засмеялся. — Поэтому всё так быстро, его приказы надо выполнять сразу.

— Это хорошо.

Адъютант улыбнулся и не торопясь ушёл, а полковник проводил его долгим подозрительным взглядом.

* * *

Мы добрались до подъёмника и спустились на палубу номер десять, где располагался десант и вертолёты. Пилоты уже здесь, они дежурили посменно круглые сутки и уже готовились занимать свои места. А поднятые по тревоге техники проверяли по своим спискам машины и платформы перед вылетом.

Здесь не только десантные вертушки, но и звено боевых вертолётов М-2 «Молния» с ракетами и скорострельными пушками. Поддержат нас огнём во время высадки.

Батальон спешно готовился: солдаты надевали каски и бронежилеты, бегали туда-сюда, но уже не как напуганная толпа, как было во время первой высадки, когда все забывали, чему их учили, а уже как более-менее опытные вояки.

Десантники вспоминали учебку, действовали слаженно и подготовились лучше, чем тогда. Даже взяли тёплые вещи, всё же там холодно, особенно ночью.

Среди взводов ходил старшина Ильин, на ходу застёгивая форму поверх майки.

— Третий взвод! Хватит сиськи мять! Вы чего там встали толпой?

— Патроны ждём, старшина! — боец-бинхаец выпрямился. — У нас всего по три магазина.

— Ивашкин, Петров, Чен, живо на склад за ними, берите на весь взвод! А если не дадут, скажите снабженцам, что к ним приду я, — с угрозой добавил он.

— Есть!

— Доложите, старшина, — я встал перед ним. — Как идёт подготовка?

— Ещё три минуты, и будем готовы, господин капитан, — сказал он, ещё не зная о моём повышении.

Я принял, и старшина понял без слов.

— Не успел выпить, — честно признался Ильин. — Хотел, но не успел. А теперь не до этого.

— Хорошо, Сергей. Работаем дальше.

Офицеров катастрофически не хватало, не в каждом взводе был лейтенант, и прежние ротные выбиты все. Пришлось подключать даже штабистов.

— Что происходит, капитан? — спросил лейтенант Воронцов.

Я поставил его командовать третьей ротой.

— Уже майор, — поправил его полковник Дробышев, проходя мимо.

— Готовимся к высадке, — приказал я. — Позже поставлю в курс задачи. Это не учебная тревога. Полная боевая готовность, лейтенант.

— Принято, — он глубоко вдохнул и стал выглядеть увереннее.

— Вы остаётесь на крепости до тех пор, пока высадка не закончится, и улетаете с последним вертолётom.

А я иду первым, как положено. Я быстро провёл ему инструктаж и передал пилотам, куда лететь.

Тем временем на палубу прибывали ещё люди. Это бойцы разведкорпуса, и их было достаточно много. А кроме них было ещё три человека в чёрной униформе имперской армии. Один из них — молодой розовощёкий лейтенант, второй был постарше, но он только сержант. Этот нёс за плечами тяжёлую радиостанцию.

А третий офицер, старший среди них, подошёл позже. Я вытянулся и вскинул руку в знак приветствия, ведь он был в звании полковника. Левый глаз у него совсем белый, слепой, вокруг него видны ожоги. На петлицах у него значки в виде двух старинных пушек, скрещённых друг с другом.

— Мы с вами не знакомы, майор Климов, — прохрипел он. — Полковник Вильгельм Крюгер, командир второй артиллерийской батареи, — представился он с резким рваным акцентом жителя Хитланда и протянул мне руку. — Хотел с вами поговорить перед высадкой. Найдёте для меня время?

— Да, господин полковник.

От него несло коньяком, но сильно пьяным он не был.

— Я хотел поговорить прямо, а не отпираться, — Крюгер внимательно посмотрел на меня и вдруг опустил глаза. — Это не наша вина, что нам передали те координаты, и сверху нам не видно, куда мы стреляем. Поэтому мы стреляем туда, куда нам приказано.

— Это вы нас обстреливали, — догадался я. — Все три дня.

Кто-то из бойцов это услышал и покосился, но сержант из его отделения погнал его вперёд.

— Да, — Крюгер кивнул. — Пришёл сказать, как есть. Сидеть и делать вид, что ничего не было, у нас не принято. Мы говорим начистоту всегда, если кто-то пострадал от нас. Так правильно. Бывает всякое, особенно когда такой бардак со связью, и это не наш умысел, что так вышло. Но прятать голову в песок я не собираюсь, у нас так не принято.

— Я понимаю.

— И всё же люди погибли. Поэтому, если у вас есть списки тех, кто погиб и пострадал от нашего обстрела, пришлите мне, — попросил он. — Поможем, кому сможем. Так правильно.

— Раз пришли, то договоримся, — сказал я. — Я ценю, что вы это сказали. Нам ещё долго работать вместе. Но нужен какой-то канал связи между нами, чтобы такого больше не было.

— Вот, — он показал на розовощёкого лейтенанта и сержанта с рацией. — Лейтенант Крюгер, корректировщик огня крепости. Отправится в бой вместе с вами, — и добавил тише: — Присмотрите за парнем, Дмитрий?

— Присмотрим.

Отлично, теперь есть поддержка тяжёлых орудий крепости. Отправил своего сына.

Я продолжил работу, но слух у меня точно стал лучше. Чуть в стороне стояли несколько человек, включая Пашку Шутника, и шептались, думая, что я не услышу.

— Где канистры-то? — недовольно спрашивал один из бойцов.

— Так говорю же, спрятал в нашей БДР-ке, а они ещё не вернулись. Так внизу и торчат в ангаре.

— Ну ты придумал, debil. Найдут и выпьют же всё!

— Сам debil! Ничего не выпьют.

— Сержант, ко мне, — приказал я, прерывая их, и добавил: — Ну ты чего, Павел? Бегом!

— Это вы мне, господин капитан? — подбежавший Пашка Шутник уставился на меня, не понимая, почему я так к нему обращаюсь.

— В батальоне изменения, — объявил я. — Некоторые получили повышение. С сегодняшнего дня ты сержант. Поздравляю!

— Я? — он вытаращил глаза ещё сильнее, но гаркнул: — Служу империи!

— Бумаги подписаны, уже работаем, как надо. Задача твоего отделения — обеспечить разведку после высадки.

— Есть! — Шутник выпрямился, похлопал глазами, а потом спохватился и сразу стал серьёзным: — Ульянов, Ким, сюда! Где остальные? Бегом...

Он побежал собирать отделение и ставить им задачи.

Я отдавал последние распоряжения, а попутно сам облачался в тяжёлый бронежилет, захватил каску и автомат. Не тот, старого образца с деревянным прикладом, что был у меня в прошлом бою, а более новый, со складным. Без такого оружия внизу делать нечего.

А отряд из разведкорпуса уже был готов. Все облачились в нашу серо-пятнистую форму, чтобы враг не понял, с кем связался. Пару человек я знал и был снова рад их видеть.

— С повышением, командир, — Ермолин усмехнулся, положив руки на свой пулемёт, висящий на ремне. — Заслуженно.

— Снова поработаем с вами, — сказал Джамал, гоняя во рту спичку.

Эти двое стояли в стороне от всех, расслабленные и уверенные. Ермолин что-то жевал.

— Будете отбиваться вместе с нами? — спросил я.

— Нет. Мы-то как раз спускаемся в катакомбы. Зато с вами будет много наших ребят, помогут продержаться. Присмотри уж за ними, командир, — попросил Ермолин. — Там хорошие пацаны.

— Присмотрим. Удачи.

Их около тридцати, и это много, обычно разведчики из корпуса работают более компактными группами. В самом разведкорпусе всего несколько тысяч спецов, но они всегда действовали небольшими звеньями по пять человек или даже меньше.

Но сейчас ситуация слишком критическая, вот и взяли всех, кто был под рукой. Часть таких групп разойдётся по катакомбам, а часть останется с нами, помогая огнём.

Полковник Дробышев попытался распоряжаться высадкой, но я вмешался.

— Мы высаживаемся на том вертолёте, — заявил он тоном, не терпящим возражения. — И на том. А ваши бойцы на остальных...

— Полковник, — сказал я, — высадкой команду я. Это наша задача. Вы летите во второй волне, а среди первых лечу я. Ваши команды я сам распределю среди своих бойцов, чтобы не нарушать установленный порядок высадки.

— Не согласен, майор, — заспорил Дробышев. — И мы уже высаживались на вертушках, знаем, как это делается.

— Может и так, но вы будете командовать на земле. А здесь, в небе, оставьте это специалистам. Ваши бойцы не должны мешать моим, когда мы выходим. Первая рота идёт без вас.

— Ладно, вы десант, вам виднее, — нехотя согласился Дробышев. — Кого куда?

Этим занялся я, посматривая на часы. Но распределить «гостей» и дать точные инструкции всем было необходимо. Десант много раз тренировался, чтобы высаживаться быстро и эффективно, но с разведкорпусом мы слаживание не проводили.

Любые заминки могут привести к поражению, поэтому всё должно работать как часы, что я носил на руке.

Десантники уже выстроились по взводам рядом с машинами. У меня всего сто шестьдесят пять человек, готовых к бою. Три неполные роты, это всё, что осталось от батальона после неудачной первой высадки.

Потом высадится второй батальон. Они ждут, когда мы освободим десантную площадку и закрепимся на земле, но бой завяжем именно мы.

Все смотрели на меня. Сто шестьдесят пять человек не отводили от меня взгляда и ждали, что я скажу.

— Бойцы, — начал я громким и уверенным голосом, — вы пережили мясорубку. Держались три дня в окружении, под обстрелом. Но выдержали. Десант свою задачу выполняет всегда, в любых условиях. И вы справились. Вы выстояли против превосходящих сил пустынных у них дома. Вы заставили бежать гвардию генерала Салаха. Ту самую знаменитую Пятую дивизию, Крыс Пустыни, закалённых в боях. Они бежали от вас!

Это просто слова. Но они имеют вес, ведь я был там с ними и пойду снова, высадившись среди первых, как положено в десанте. И многие обсуждают то, как взорвался банк. Суеверных много, и слово «Небожитель» я слышал часто.

Видел страх, тревогу, но и решимости было немало. Они мне верили, потому что я вытащил оттуда, не бросил раненых и не предал.

А я верю им.

— Поэтому, — продолжал я, — командование снова пришло к нам. В городе и вокруг него пятьдесят тысяч солдат имперской армии и региональных вооружённых сил. Но эту задачу способны сделать только мы, и никто, кроме нас. Поэтому мы снова выступаем. И я даю вам слово, что никого там не брошу. Вам всё понятно?

— Да! — раздался стройный хор голосов.

— Тогда по машинам. Работаем.

Глава 17

«Наблюдатель — титул глав Великих и Малых домов империи Юнитума во времена Таргина Великого и первых императоров династии Громовых.

Они «наблюдали», как выполняются законы империи, и подчинялись непосредственно главе государства, который называл себя Верховным Наблюдателем.

При императоре Константине Громове титул был упразднён, а Великие и Малые Дома начали терять былое влияние...»

— Имперская энциклопедия, новое издание 870 года.

Зарево от огня и взрывов было хорошо видно в темноте. Крепость лупила рядом с местом высадки из своих батарей. Била не из самых тяжёлых пушек, опасаясь повредить дамбу, но и обычных пока хватало.

— Ничего себе долбят, — тихо сказал взводный, глядя в иллюминатор.

Вертолёт наклонился вперёд, я упёрся ногами в пол, чтобы не сползть с сиденья, и взял автомат поудобнее. Деревянная рукоятка и цевьё быстро нагрелись в руках.

Вертолёт резко пошёл вниз, отчего в ушах заложило. Десантные люки открылись заранее, выпуская осенний ночной холод. Инфы ждали нас в другом месте, и мы их удивили.

С моего места видно, как по окрестностям прошлись штурмовые вертолёты — «Молнии». Сплошной поток трассирующих пуль и снарядов пропахивал площадь, ракеты взрывались яркими огненными вспышками, уничтожая машины. В окрестностях стало светло.

Враг пытался врубать прожекторы и стрелять по нам. Внизу были внедорожники, в кузовах которых крепились крупнокалиберные пулемёты и зенитные орудия, но даже эти «сухари-мобили» надо было развернуть заранее.

Наш удар получился внезапным и мощным.

Вертолёт качнуло, когда он сел, захлопали дымовые шапки, прикрывая высадку. Я выпрыгнул, ноги коснулись земли. Пригибаясь, я побежал к бетонному блоку, лежащему на земле, и залёг за ним. Меня прикрывали огнём с вертушки.

Начал стрелять, особо не целясь, очередями, просто чтобы враг не расслаблялся. Десантники валили наружу, занимая периметр, и вертолёт тут же взмыл вверх, когда высадился последний боец. Почти по регламенту, всё очень быстро.

Я увидел, как несколько инфов засело за сгоревшей машиной и одним мысленным порывом надавил на неё. Она со скрежетом сдвинулась, сухари перепугались и рассыпались, и мы их положили.

— Этого здания не было на карте! — взводный показал на два двухэтажных дома на краю площади.

— Новые, недостроенные, — сказал я, присмотревшись. — Не успели нанести.

Одна из «Молний» пустила ракету в одну из этих двухэтажек, выкуривая засевших там. Следом пальнули вторая и третья, но всё в ту же цель. Они заранее распределили, куда стрелять в темноте, изучая карту, но на деле карты уже устарели. Поэтому второе здание в основном игнорировали.

Но его надо или захватить, чтобы засесть там самим, или взорвать, чтобы пустынные им не пользовались.

А пока враги пытались понять, что происходит, и умирали пачками.

— Грузовик! — раздался крик впереди.

Боец выстрелил в него из гранатомёта. Граната с шипением полетела туда, грузовик сразу вспыхнул. Появился второй, с двухствольной зениткой в открытом кузове, и её пытались развернуть на нас.

Но я смотрел туда, на её стволы, будто держался за них, и сила Небожителя не давала им опустить оружие вниз. Я даже чувствовал шелушащуюся краску на стволах, будто держал их сам.

— Империя пришла, сухари! — со злостью закричал кто-то неподалёку, когда что-то рвануло совсем рядом. — Не ждали нас? Это вам за Витьку с Лёхой!

Над головой пролетела «Молния», молотя лопастями. Зенитка взорвалась, начали хлопать загоревшиеся боеприпасы. Раздался ещё один взрыв, и нас обдало вонью горелого игниума.

Высадился ещё вертолёт, затем ещё. Это самый сложный этап, и не всегда всё идёт, как надо. Вот как сейчас.

По вертолёту, который заходил на посадку, чиркнул пулемёт. Машина дёрнулась, из хвоста пошёл дым, и вертушка начала терять управление.

— Эй, вы куда? — один из бойцов смотрел вверх.

Вертолёт с гулом пролетел над нами, вихляя и дёргаясь, а за ним тянулся дымовой след. Подбитая машина скрылась за дальними домами, и тут же раздался грохот. Вот же дрянь, сбили гадины, ещё и наши упали слишком далеко от нас.

Но взрыва не было. «Молнии» тем временем определили, кто сбил их товарища, и начали пускать туда ракеты. Взрывы гремели один за другим.

На площадь сел следующий вертолёт, бойцы тут же заняли огневые позиции. Среди них был Ильин.

— Живо-живо, по местам! — кричал он. — Кончай сиськи мять, занять периметр!

Мы заняли площадь и окрестные дома, кроме тех двух, откуда вели огонь. Со всех сторон гремели выстрелы, но опьянённые победой десантники сносили любое сопротивление.

Это обманчивое ощущение, ведь всё может поменяться за секунды, и боевой раж легко сменится паникой. Но пока всё шло как надо. Я выбрал правильное место для атаки. Если бы мы высадились в другом месте, мы бы уже умылись своей кровью.

— Лейтенант, нужна разведка, — передал я ротному Самохвалову, который высадился только что.

Он был взводным из первой роты, и его пришлось повышать до ротного. Но этот парень серьёзный и способный, и не надо вытирать ему сопельки.

— И передайте летунам, пусть свяжутся с упавшими. Пусть там займут позицию и обороняются до нашего подхода!

— Есть, — коротко ответил Самохвалов.

Радист уже передавал отчёт на крепость, а боевые вертолёты кружили над местом падения. Рядом со мной залёг корректировщик огня. Лейтенант Крюгер из артиллерии и его сержант уже готовились оказывать поддержку, расчехлив свою рацию.

А я слушал первые рапорты от командиров взводов.

— Захватили гаражи, — докладывали парни из второго взвода.

— Захватили магазин!

— Заняли позицию. Держим!

— Лейтенант! — я притянул Самохвалова к себе. — Надо понять, что там!

Я показал ему на то здание, которое мы с ним приметили давно. Видно, что оно новое, ещё недостроенное. Это был жилой дом, но построили только два этажа. Но строили качественно, оно крепкое, и если враг поставит туда тяжёлые пулемёты, нам несдобровать. Там уже кто-то был и стрелял по нам.

И когда я смотрел туда через бинокль, что-то царапало мой взгляд, как уже было. Там снайпер? Или кто-то ещё, такой же опасный? Пока не видел. Но если цепляет, то не к добру.

— Надо разведать, — я кричал ротному на ухо, притянув к себе. — Если они засели там крепко, мы разнесём их с крепости. Лишний раз не рискуйте.

— Так точно, господин капитан... то есть, майор!

— Отправляй людей!

— Сержант! — рявкнул Самохвалов, подзывая к себе Шутника, и отдал ему приказы. Сержант направился дальше со своими бойцами.

Со всех сторон хлопали автоматы, пулемёты, звенели гильзы, падая на землю. Постоянно рвались гранаты. Приходили ещё подкрепления, как к нам, так и к врагу. Второй эшелон высадился почти целиком, но я не видел Дробышева, Ермолина и Джамала, что летели на одном вертолёте.

Не они ли были на той вертушке?

Но остальные разведчики из корпуса были на месте. Часть из них тут же скрылась по разным ходам, как и было договорено, часть осталась с нами, чтобы помочь в бою. Стреляли они хорошо.

— Суки! Сухари, жрите, на! — кто-то выстрелил из гранатомёта в старый бронетранспортёр, что показался на краю площади.

Ещё по одному вертолёту прошло что-то серьёзное, он успел сесть вовремя. Пилоты, судя по лицам, поняли, что взлететь уже не смогут, поэтому покинули машину, вооружившись короткими автоматами.

А сам вертолёт задымился, но не горел.

— Лейтенант! — я позвал Воронцова из третьей роты. — Что с тем упавшим вертолётom? Они выходили на связь?

— Да! Есть выжившие, отходят вместе с ранеными, разведчики нашли им место. Помощи не требуют, готовы ждать, пока всё закончится, и мы придём за ними. Разведчики пошли выполнять задание.

— Отлично. Юг на вас, лейтенант, — сказал я. — Проверьте... А вы куда? Стоять!

— Ну-ка стоять, мать вашу! — заорал старшина и громко сматерился. — Стоять, Налимов! Стоять!

Пустынники пока не пытались контратаковать. Сержант Налимов чуть не пустил своё отделение преследовать убегающих. Нет, так нельзя, там может быть засада. Но он вернулся, услышал приказы, а не попал в западню.

За последние дни всё вокруг порядком перепахало от обстрелов, и кто-то уже принялся окапываться. Лопатки звенели, сталкиваясь с камнями и кусками битого асфальта. Я лежал в воронке и перезаряжал автомат. Лежал, слушал доклады и думал.

Обстановка может измениться, могут всплыть новые обстоятельства, и реагировать на них надо быстро.

Вернулся Шутник и прыгнул в воронку.

— Господин капитан, господин капитан... ой, господин майор! — вид у него встревоженный.

— Что со зданием? — спросил я. — Говори уже!

— Взрываем его? — с другой стороны рядом со мной упал на землю лейтенант Крюгер с блокнотом в руках. — Я рассчитал координаты, сможем накрыть точно. Первым же залпом!

— Нельзя! — проорал Пашка, вытаращив на него глаза. — Там наши!

— В смысле наши?

— Там наши пленные! — прокричал Шутник. — Связанные! Пацаны наши! Из второго и первого батальона! Кто потерялся на высадке! И другие! Много!

Я снова достал бинокль и взгляделся. Темно, там нет света, только силуэты видно и...

Вот же дрянь. Раньше пленных пытали и казнили, а сейчас решили использовать, как живой щит. Некоторые лица я узнавал. Это наши.

Но я видел их не только в бинокль.

И совсем не своими глазами. Шар в голове начал разбухать куда сильнее, чем раньше.

Дух снова вмешался и показал мне всё это. Вот только в этот раз у него были свои цели. Он не собирался мне помогать. Ему надоело, и он хотел получить своё.

Я чувствовал его мысли. Он хотел вернуть себе тело, и для этого он показывал мне, что внутри, чтобы я отчаялся. Видел и ту самую секретную бомбу. Враги уже начали подготовку к взрыву. Они торопились, ведь не ждали нас, но теперь собираются взорвать в полной секретности, пока их войска не поняли, что именно охраняют.

А у духа расчёт простой — чтобы я снова попросил его о помощи. И тогда он точно заберёт себе моё тело...

* * *

Тем временем, у разбитого вертолёта...

— *** твою мать, ну чё за срань?

Ермолин поднялся с пола вертолёта и вытер окровавленный лоб, потом закашлялся из-за дыма. Затем прошёл в кабину, переступая через чьё-то тело. Над головой горела красная лампочка.

— Живой? — спросил он. — Ты не там нас высадил, командир. Нам на следующей остановке надо было выходить.

Он толкнул первого пилота, но его голова безвольно завалилась набок. Второй пилот застонал. Ермолин вернулся и наклонился к телу Дробышева.

— Полетали, блин, — выругался он. — А ты чего, Ваня? А, ты помер уже. Невовремя, полковник. Ладно, сами доделаем.

Полковник Дробышев лежал на полу, а его шея была повёрнута под невозможным углом. Несколько десантников было в порядке, но большинство ранено или с переломами.

— Дерьмо, — бросил Джамал, выбираясь из-под кого-то.

— Так, пацаны, — Ермолин огляделся и осмотрел тех, кто ещё жив. — Здесь рядом есть вход в катакомбы. Кто ранен, но может идти, помогите тем, кто идти не может. Остальные — за нами, пригодится помощь. Ну чё, пустынная морда? — он посмотрел на Джамала. — Пошли, повоюем? Лучше тебя эти норы никто не знает.

— Пошли, — тот потёр голову. — Надо несколько человек для помощи.

— Мы же в окружении, — сказал один из десантников, разыскивая каску.

— Значит, можно наступать в любом направлении, пацан, — Ермолин хлопнул его по плечу. — Пошли, давай. Сухари скоро здесь будут, а в плен к ним попадать нельзя.

* * *

Северная часть Фледскарта...

Танкисты и пехотинцы второго батальона Третьей Мардаградской бригады выстроились рядом с танками и боевыми машинами пехоты, не зная, что случилось и что за бой идёт неподалёку. Но их подняли по тревоге, хотя они совсем недавно вернулись из предыдущего боя.

С того места, где они стояли, были видны только вспышки разрывов. Иногда со стороны крепости летели осветительные снаряды, которые загорались прямо над городом и освещали окрестности.

На первую машину забрался командир.

— Долго говорить не буду! — проорал капитан Зорин. — Отдохнуть нам не дали. Пришёл приказ из штаба, мать их там за ногу. Но это приказ от главнокомандующего Рэгварда, а он во всём этом разбирается.

— И что случилось? — спросил кто-то из строя.

— Да ты не перебивай! — рявкнул Зорин. — Командир говорит. Совсем я вас разбаловал. Короче, у них какое-то важное задание, и там — тот десант, с которым мы брали этот

сранный банк. Пацаны в окружении, их обложили сухари, помощь нужна. А мы ближе всего! Ну чё, давайте поможем! Нам они помогали! По машинам!

* * *

Некоторое время спустя. Катакомбы под городом...

Очень глубоко под землёй, в небольшой комнате, увешанной коврами, за маленьким столом сидели два человека и пили чай.

Оба были в серо-песочной пустынной форме. У каждого на плечах погоны с генеральскими звёздами, но у одного полевая форма, и вместо фуражки была кепка, а у другого — чёрная парадная форма с красными лампасами на штанах и со знаком молнии на высокой красной тулье фуражки. Это был герб новой независимой республики Инфиналия.

— Я же тебе говорил, — произнёс генерал Салах. Это он был в парадной форме. — Тебе давно надо было переходить к нам. Империи осталось недолго.

— Ты в этом уверен? — его собеседник поднял бровь.

— А как ещё. Император — самозванец, при его дворе враги. Они сейчас играют с ним, как со своей зверушкой. А потом отодвинут. Дискрем пришёл сюда надолго. В этот раз он победит.

— И что думаешь, они оставят нас в покое? Дадут независимость?

— А как ещё? — генерал Салах отпил чай и прикрыл глаза от удовольствия. — Им не хочется здесь возиться, вот и будут помогать. Чем слабее Юнитум, тем сильнее их это устраивает. А если империя вообще развалится на восемь стран, то от этого всем будет ещё лучше. Так что ты сделал правильный выбор. Вовремя...

Он услышал торопливый бег и замолчал. В комнату влетел запыхающийся радист.

— Господин генерал! Саади, возле дамбы замечен десант!

— Ну и что? Там всё укреплено, — нахмурился Салах.

— Нет, они высадились в другом месте. К северо-востоку, где оборона была слабее, и уже закрепились там.

— Вот как. Именно там?

Он сжал кулак. По совету начальника разведки он не стал оставлять рядом с бомбой большой и надёжный отряд. Во-первых, тогда бы они наверняка погибли при взрыве, если бы потребовалось взрывать бомбу срочно. Во-вторых, Рэгвард бы заинтересовался, почему враг разместил большие силы в этом месте, и тогда обстрелял бы этот район с крепости до того, как сапёры подготовили бомбу.

Но враг всё равно увидел в этом уязвимость и воспользовался.

— И ещё одна из танковых колонн идёт им на помощь, — продолжил радист.

Генерал посмотрел на собеседника.

— Ну что, генерал Касим. Покажи им, чего умеешь. Пусть твоя Третья дивизия покажет, что не забыли волю предков. Ветер с юга...

— Буря идёт. Мы не забыли, — коротко ответил тот и вышел.

Салах продолжил невозмутимо пить чай. В соседней комнате как раз должны были расставить на карте все фигурки с актуальными позициями, и он собирался туда идти. Война ведь в самом разгаре.

Но вместо адъютанта в комнату вошёл седой и горбоносый начальник разведки. Он держал в руке что-то, завернутое в белую тряпку.

— Срочный вопрос, саади. Бежал к тебе со всех ног.

— Что такое, Зафир? — спросил Салах.

— Мои люди проверили один из упавших вертолётов десанта, — медленно сказал тот. — Вертолёт сгорел, но мой человек опознал тело полковника Дробышева.

— Твой человек тоже служил в разведкорпусе? — генерал отпил чай.

— Верно, саади. Он сразу прибежал ко мне с доказательством, а я к тебе.

Зафир положил на стол свёрток и медленно развернул. Там была отрубленная левая кисть руки, сильно обгоревшая. На ней не хватало нескольких пальцев.

— Полковник Дробышев сдох, — Салах усмехнулся, сразу узнав, кто это. — Старый ишак, туда и дорога. Но это значит, что они отправили разведкорпус искать меня. И могут быть другие.

— Верно, саади, — подтвердил начальник разведки.

— Тогда уходим. Пустыня нас приютит. Пусть войска тоже отходят.

— А что с бомбами?

— Взрывай ту, что у дамбы, пока её не захватил десант. Остальные увези, ещё пригодятся.

— Там Третья дивизия, — напомнил Зафир.

— Вот и пусть прикрывают отход. А то Касим хитрый, перешёл в последний момент. Точно метит на моё место.

Генерал Салах осторожно поставил на блюдце чайную чашку, поднялся и отряхнул мундир, а после поправил фуражку.

— И ещё, Зафир. Свяжись с нашими людьми в стане врага. Пусть задержат эту колонну, а то если десант отобьётся, то он найдёт бомбу и предотвратит взрыв. Пусть твой шпион на крепости помешает им.

— Задействовать план «Ифрит», саади?

— Верно. И потом иди ко мне. Ты слишком ценный специалист, Зафир, чтобы тебя бросать.

Салах проверил пистолет в кобуре и пошёл на выход. Его охрана молча выдвинулась следом.

Глава 18

«Роман Загорский (723 — 808) — генерал, главнокомандующий имперской армией. Небожитель. Известен под прозвищем «Молот империи».

Командовал силами лоялистов в период Второй гражданской войны и интервенции. Провёл ряд успешных операций против мятежников и экспедиционного корпуса империи Дискрем, переломив ход войны.

Муж императрицы Катерины Громовой, отец императора Константина. Автор тактических пособий, разработчик тактики применения летающих крепостей».

— Имперская энциклопедия. Новое издание 870 года.

Крепость. Генеральный штаб...

Генерал Конрад Рэгвард позволил себе несколько секунд передохнуть. Он сидел с закрытыми глазами, и перед ними стояло одно из его самых ярких воспоминаний детства. Тот день повлиял на его судьбу сильнее всего...

Конрад, ещё ребёнок, сидел в домике недалеко от берега моря и расставлял перед собой игрушечные танки.

За игрой с интересом наблюдал его дедушка Келвин, к которому сегодня пришёл друг. Оба старика сидели в креслах-качалках и вспоминали былые сражения.

— А у него неплохо выходит, — сказал дедушка Келвин. — Не давит в лоб, а пытается создать преимущество на правом фланге. Дашь ему какой-нибудь совет? Ты же в этом понимаешь.

Второй старик в генеральском мундире с несколькими наградами на груди задумался.

— Всего один, — сказал тот. — Вот ты расставил фигурки. Я тоже так делаю на штабной карте. И когда я смотрю на них, то вижу людей, которые прямо сейчас сражаются в бою. Каждый хочет жить, каждый хочет вернуться домой, но они готовы биться по твоему приказу. Они идут на смерть по твоему приказу.

— Хорошо сказано, — дедушка Келвин кивнул.

— А некоторые смотрят на людей и видят фигурки для карты, разменные фишки, чья жизнь ничего не стоит. Так что если хочешь быть хорошим командиром, то узнавай своих людей заранее. Чтобы ты видел не фишки, а тех, кто за ними.

— Слушай его, Конрад, пригодится, — дедушка засмеялся. — Таких генералов, как Молот империи, больше не делают...

Генерал Конрад открыл глаза. Тогда он ещё не знал, что его дед Келвин во время гражданской войны командовал армией Хитланда, поддержав сторону мятежников. Только в конце войны он сдался, и ему сохранили жизнь и положение.

А его гость воевал против него. Это был Роман Загорский, знаменитый полководец по прозвищу Молот Империи. Они с дедушкой много раз сталкивались в сражениях, но в итоге победил Загорский. После войны между двумя полководцами установились хорошие дружеские отношения, которые они поддерживали всю жизнь...

И его советы Конрад Рэгвард не забыл.

Он открыл глаза и посмотрел на карту, наблюдая, как продвигается танковая колонна, как высадился десант, что делает остальная армия. Он уже знал, что пустынные собрали в один из укреплённых пунктов пленных и раненых десантников.

Таких укреплённых пунктов должно было быть несколько. Наверняка это придумал Салах, и Климов наткнулся на один такой. А ещё ему доложили, что там бомба, одна из трёх.

Салах опасался, что против бомб могут использовать десант, вот и направил туда пленных, прекрасно зная, что десантники не пойдут на убийство своих товарищей и не будут вызывать артиллерию.

Значит, или точно хотел взрывать вместе с теми, кто там был, или не хотел привлекать внимание, но крепко ошибся.

— Ну что, господа? — спросил генерал у штабных офицеров. — Давайте побеждать. Это наша работа.

— Господин генерал, Третья дивизия Инфиналии меняет дислокацию, — доложил один из них. — Они готовы подойти на помощь десанту.

— Ни при каких обстоятельствах, — отрезал Рэгвард. — Я им не верю. И предупредите... И тут стало тихо.

В помещение быстрым шагом вошёл генерал Лацис — новый начальник службы безопасности императора, а за ним следовал адъютант Громова.

— Генерал Рэгвард, — грубо произнёс начальник службы безопасности, — нам стало известно кое-что.

— Говорите быстро. У вас минута.

— Минута? — начальник службы безопасности скривился. Ему не нравилось, что с ним говорят в таком тоне. — Тогда скажу прямо. Император узнал, что у Салаха есть одна из тех самых бомб.

Об этом генерал не говорил Громову, опасаясь, что тот не даст добро на операцию. Оставил это на своей ответственности, но император как-то узнал.

— И что? — спросил генерал. — Этим мы и занимаемся. Так что не отвлекайте.

— Императору известно, что Салах может взорвать её, — проговорил Лацис. — А ещё известно, что Салах объявил всем иностранным журналистам, что император приказал взорвать мятежный город своим тайным оружием, невзирая на потери среди мирного населения.

— Это чушь, — генерал отмахнулся. — Кто в это поверит?

— В это уже верят. Союзники недовольны.

— Мне нет дела до этих «союзников», — отчеканил Рэгвард. — И мы как раз занимаемся тем, чтобы бомбы не взорвались. А теперь...

— Вы недослушали, — безопасник подошёл ближе. — Чтобы избежать этого, император велел послать к Салаху своих дипломатов. А вам он приказал отменить операцию, генерал Рэгвард, пока не стало слишком поздно, и отвести войска.

— Это невозможно. Люди в окружении, и...

— Это приказ императора! — рявкнул Лацис. — Вы не можете его ослушаться!

* * *

Колонна Третьей Мардаградской бригады...

— Ты чего тормозишь? — рявкнул капитан Зорин в рацию.

— Там машина, — отозвался командир головной машины. — Штабная.

Зорин посмотрел в перископ и увидел её.

Внедорожник с гербом РВС Огрании стоял прямо на дороге, перед ним торчал офицер. Дверь открыта, видно, как рядом с машиной курил водитель.

Капитан открыл люк на башне и высунулся наружу.

— Что вам нужно? — крикнул он.

Офицер шагнул вперёд, Зорин разглядел штабного полковника.

— Зорин! Ты чё себе, ***, позволяешь! Куда ты направился, *** твою мать?! Ты покинул позиции!

— Это приказ крепости, — ответил Зорин.

— Какая крепость? Приказы отменили! Немедленно вернуть отряд на позиции! Не вернёшься — обвиню в дезертирстве! Давно пора! Это не первый твой залёт!

— Господин капитан, — услышал Зорин робкий голос в наушниках шлемофона. — Это засада. Кажется, они в этих зданиях.

Зорин посмотрел на грузную фигуру полковника, а затем по сторонам. Что-то мелькнуло в окнах нависших над ними полуразрушенных домов. Разведка говорила, что улица безопасна, но пока они здесь стоят, враг может занять эти здания и атаковать.

А полковник продолжал орать. Возможно, он даже не знал о засаде. Но если постоять здесь ещё несколько минут или начать разворачиваться, то всю колонну сожгут.

— Разворачивайся! — орал полковник, брызгая слюной. — Или под трибунал отдам и лично тебя расстреляю!

* * *

Площадь неподалёку от дамбы...

Таргин показывал мне, что внутри недостроенного здания. Там была свеча, такая же необычная, как и та, в которой был он сам.

Я видел всё из её огонька, будто дух Небожителя мог смотреть из других свечей.

Эту бомбу размером с авиационную заметил сразу и понял, что может послужить детонатором для неё.

Ещё видел лица наших, тех, кто пропал во время первой парашютной высадки ещё несколько дней назад. Здесь не все из них, но многие. Наш батальон и второй. Многие ранены, все связаны.

Пустынники подтаскивали их к окнам, чтобы мы сами убивали их.

Таргин хотел, чтобы я поддался, думая, что положение безысходное. Что-то мешало ему взять контроль над телом. Но сейчас он думал, что я буду молить о помощи, чтобы спасти людей.

И в этот раз у него бы получилось взять тело себе.

Но я вытащу их без него.

Радист тронул меня за плечо, вырывая из раздумий.

— К нам союзники идут! — радостно сказал он. — Третья дивизия Инфиналии.

— Это не союзники, боец.

Прыщавый радист осёкся, надежда быстро погасла в его глазах.

То здание нам нужно, особенно когда пойдёт мощная контратака пустынников. В других условиях, если бы его не взяли, то взорвали бы его артиллерией, чтобы позицией не воспользовался враг.

А так нам придётся брать его, спасая наших.

Враг готовился к обороне, но я больше не видел того, что происходит в глубинах здания. Таргин больше не показывал ничего, думая, что в минуту отчаяния я сам его позову. Но его силы зависят от меня, а не от него.

Инфы подтаскивали пленных к окнам, выставляя живой щит.

А сюда стягивались их союзники из предавшей дивизии.

— Майор, — позвал я командира имперской разведки. — Нам нужно брать здание. И мне нужна помощь ваших.

Раз Дробышев пропал или погиб, и мы пока не могли двигаться им на выручку, то бойцами разведкорпуса командовал майор Грайхард. Он остался на площади и внимательно слушал доклады своих людей, спустившихся в катакомбы, пока радиосигнал не перестал пробиваться через толщу земли. Теперь же просто ждал, что будет дальше.

— Это будет сложно, — сказал он. — А вы уверены, что Третья дивизия предаст, а не...

— Ветер с юга! — раздался чей-то крик вдали.

— Буря идёт! — проревели сотни глоток в ответ.

— Ветер с юга! — снова раздался тот крик.

— Буря идёт! — прогремело во второй раз.

— Ветер с юга!

— БУРЯ ИДЁТ! — в этот раз прозвучало ещё громче. И ближе.

— А вы, майор, как теперь думаете? — я усмехнулся. — Готовьтесь к штурму, мне нужна ваша помощь. Ведь бомба там.

— Откуда вы знаете?

— Готовьтесь, — повторил я. — Времени мало.

* * *

Катакомбы...

— Блин, их до хрена, — Ермолин сплюнул и вытер окровавленный нож о свой рукав. — Что делаем, Джамал? Пацаны с нами, но они сопливые, а нас-то всего двое, кто ножиками обращаться умеет. А сухарей сколько? Идут и идут, я замотался их резать уже.

— Нас двое, — Джамал выплюнул спичку. На забрызганном кровью лице выступила ухмылка. — А они одни.

Ермолин усмехнулся и показал ему левую руку, где не было большого пальца. И оба приготовили ножи.

— За мной, — сказал Джамал и оглядел всех, включая прибившихся к ним десантников из сбитого вертолёт. — Я знаю, куда он пойдёт. Слушай мою команду...

* * *

Крепость...

Генерал Конрад Рэгвард выслушал отчёт и посмотрел, куда штабной передвинул фишки. Третья дивизия Инфиналии шла к дамбе, чтобы окружить десант. Там всего один неполный батальон против целой дивизии. Если не вмешаться, их задавят числом.

— Это приказ, генерал! — рявкнул безопасник. — И вы...

— Я плохо слышу, — сказал Рэгвард с лёгкой усмешкой. — Слух сел с возрастом. И ходить тяжело. Вот пусть император придёт сюда и сам скажет, чтобы я отменял приказы.

— Да как ты смеешь! — Лацис шагнул вперёд. — Это измена.

— Нет. Просто стал плохо слышать. Пусть император сам мне всё скажет. Его-то я хорошо слышу.

«И несколько минут у меня будет», — подумал он про себя.

Безопасник потянулся к кобуре, но увидел взгляды вооружённых офицеров штаба и не рискнул продолжать. Вместо этого он быстро пошёл на выход. Адъютант побежал следом.

— У нас мало времени, — сказал генерал Рэгвард. — Слушай мою команду...

* * *

Колонна Третьей Мардаградской...

— Слушай мою команду, — объявил Зорин и перевёл дух. А потом проревел: — Полный вперёд!

Механик-водитель замер всего на мгновение.

А затем двигатели танков разом взревели, и боевые машины погнались вперёд.

Полковник отскочил и упал в грязь, а курящий у штабной машины водитель успел убежать раньше, уронив сигарету.

Головной танк врезался в пустой внедорожник и подмял его под себя. Машину с лязгом смяло, стёкла лопнули, оторванное колесо отлетело в сторону. Остальные танки ехали по остаткам расплюсченной машины, даже не теряя скорости.

— Под трибунал, сука, пойдёшь! — заорал полковник, грозя проезжающей колонне кулаком.

Но его никто не слышал.

* * *

Очередной осветительный снаряд озарил площадь и идущие сюда колонны врага, которые готовились к атаке, выкрикивая древний клич пустынных армий. Их много, и скоро они будут здесь.

Нужно срочно брать здание и отбиваться. Иначе никак. Мы на войне, и сейчас время принимать решение. Своё я принял.

— Батальон, слушай мою команду! — вскричал я.

Глав

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.